

ГРАЖДАНИН ВЫБОРЫ ВЛАСТЬ

CITIZEN ELECTIONS AUTHORITY

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

№ 4(38)
2025

ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ OCTOBER–DECEMBER

MOCKBA
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Республика Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
председателя Экспертного совета по праву ВАК
при Министерстве науки и высшего образования
Российской Федерации, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор юридических
наук, заслуженный юрист Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич,
директор Института Европы РАН,
член-корреспондент Российской академии наук,
доктор политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, профессор
факультета мировой экономики и мировой
политики Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»,
доктор политологии Оксфордского университета

ПРОРОК Владимир, доктор философии
Пражского университета имени
Яна Амоса Коменского (Чешская Республика)

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Chairman
of the Expert Council on the Law of the Higher
Attestation Commission under the Ministry
of Science and Higher Education of the Russian
Federation, Associate Member of RAS, Doctor
of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich,
Director of the Institute of Europe of RAS,
Associate Member of RAS, Doctor of Political
Sciences, Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, Professor
at the Faculty of World Economics and World
Politics of the National Research University
Higher School of Economics,
PhD (Pol.Sci.)

PROROK Vladimir, Doctor of Philosophy,
Jan Amos Komensky University Prague
(Czech Republic)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Журнал выходит 4 раза в год

Published 4 times per year

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

Certificate: ПИ №. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Subscription index
in the catalogue «Russian Press» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Адрес редакции:
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д.47
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

Editorial Office:
Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2025

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российской общественного института избирательного права (РОИИП), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, директор Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, профессор кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, доктор юридических наук, профессор

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, председатель комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law (ROIIP), Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Director Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Doctor of Law, Professor

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal «Citizen. Elections. Authority», Candidate of Political Sciences

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Law, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

КОМАРОВА Валентина Викторовна, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЩЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук, доцент

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

УСМАНОВ Рафик Хамматович, профессор кафедры востоковедения и политических наук Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, доктор политических наук, профессор

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the Faculty of Public Sector, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (MNEPU), Candidate of Political Sciences, Associate Professor

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

USMANOV Rafik Khammatovich, Professor of the Department of Oriental Studies and Political Sciences, Astrakhan State University, named after V.N. Tatishchev, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Doctor of Political Sciences, Professor

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (ВАК России) журнал «Гражданин. Выборы. Власть» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира – Российская Федерация

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Статьи, публикуемые в журнале «Гражданин. Выборы. Власть», индексируются в Научной электронной библиотеке ELIBRARY.RU.

80 лет Победы

- 11 Э.А. Памфилова**
Дорогой Победы к новым свершениям
- 13 Наследие Великой Победы – Эстафета памяти**

Теория права

- 15 А.А. Егоров**
Теория противоправности

Конституционное право

- 23 А.Х. Денильханов**
«Новый либерализм» как идеяная основа конституционной модернизации России на рубеже XIX–XX веков

Избирательное право

- 38 Н.М. Сизикова**
Эволюция пассивного избирательного права через призму решений Конституционного Суда Российской Федерации

Актуальные проблемы правоприменения

- 52 У.Б. Байханов**
Проблемы закрепления права законодательной инициативы для избирательных комиссий субъектов Российской Федерации

Институты власти

- 61 А.А. Ерыгин**
Публичная власть в Российской Федерации – формы внутреннего взаимодействия

Политические институты

- 70 И.Б. Гасанов**
О философии выборов: сторонний взгляд

Партийная жизнь

- 101 Л.Д. Мишин**
Новая партия благоденствия Турции: альтернатива или бесперспективная копия?

Парадигмы развития

- 110 И.В. Суслов, Ю.Я. Дубровина**

Реидеологизация российского общества:
картография политico-философских позиций

Полемические страницы

- 119 В.Л. Макаров, А.Р. Бахтизин, М.Ю. Афанасьев, Н.И. Ильин**

Метод оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации

Дорожная карта: идеи и концепции

- 130 И.Б. Борисов**

Иностранные агенты: правовой и социальный институты

Актуальная трибуна

- 156 Ю.В. Ермолаева, Д.С. Воробьева**

Баланс защиты прав ребенка и сохранения традиционных семейных ценностей: опыт России и Казахстана

Пространство молодого ученого

- 166 А.Р. Хашиг**

Особенности правового статуса кандидата в депутаты парламента Абхазии

Конкурс «Атмосфера»

- 173 О.О. Павлова, В.А. Рязанова**

Актуальные электоральные проблемы в сфере нарушения законодательства об интеллектуальной собственности

- 183 К.И. Ромадан**

Реализация принципа защиты доверия при разрешении избирательных споров

Событие

- 195 П.Н. Дудин**

О книжной серии «Современные избирательные системы»: расставляя акценты

- 199 Указатель статей журнала «Гражданин. Выборы. Власть» за 2025 год**

- 203 Сведения об авторах**

80 Years of Victory**11 E.A. Pamfilova**

On the Road to Victory to New Achievements

13 The legacy of the Great Victory – the Relay Race of Memory**Theory of Law****15 A.A. Egorov**

The Theory of Contradiction

Constitutional Law**23 A.K. Denilkhanov**

«New Liberalism» as an Ideological Basis of Constitutional Modernization of Russia at the Turn of the XIX–XX centuries

Electoral Law**38 N.M. Sizikova**

The Evolution of Passive Suffrage Through the Prism of the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation

Actual Problems of Law Enforcement**52 U.B. Baykhanov**

Challenges of Granting Legislative Initiative Rights to Electoral Commissions in Russian Federation

Institutions of Power**61 A.A. Erygin**

Public Power in the Russian Federation – Forms of Internal Interaction

Political Institutions**70 I.B. Gasanov**

On the Philosophy of Election: an Outside View

Party Life**101 L.D. Mishin**

The New Welfare Party of Türkiye: New Alternative or Futureless Copy?

Development Paradigms**110 I.V. Suslov, Y.Y. Dubrovina**

Reideologization of Russian Society: Cartography of Political-Philosophical Positions

Polemic Pages

- 119 V.L. Makarov, A.R. Bakhtizin, M.Y. Afanasyev, N.I. Il'in**
Method for Assessing the Effectiveness of the Activities of Executive Authorities of the Constituent Entities of the Russian Federation

Roadmap: Ideas and Concepts

- 130 I.B. Borisov**
Foreign Agents: Legal and Social Institutions

Actual Tribune

- 156 Y.V. Ermolaeva, D.S. Vorobyova**
Balance of Protection of Children's Rights and Preservation of Traditional Family Values: Experience of the Russia and Kazakhstan

Young Scientist's Space

- 166 A.R. Hashig**
Features of the Legal Status of a Candidate for Deputies of the Parliament of Abkhazia

Contest «Atmosphere»

- 173 O.O. Pavlova, V.A. Ryazanova**
Current Electoral Problems in the Field of Violations of the Law About Intellectual Property

- 183 K.I. Romadan**
The Implementation of Trust-Protection Principle in Electoral Cases

Event

- 195 P.N. Dudin**
About the Book Series «Modern Electoral Systems»:
Highlighting the Main Points

- 199 Index of Articles of the Journal «Citizen. Elections. Authority» for 2025**

- 203 Our Authors**

ДОРОГОЙ ПОБЕДЫ К НОВЫМ СВЕРШЕНИЯМ

Великая Отечественная война — не просто важнейшая часть истории нашего народа и государства. В значительной мере это — суть недавнего прошлого нашей страны, определяющая ее настоящее. Масштабное противостояние, унесшее множество жизней, повергшее общество в разруху и хаос, тем самым во многом прервав его развитие, одновременно испытав народ, государство и страну на прочность, — главное содержание наших сознания, образа мыслей, совести и менталитета. Конечно же не сразу, а со временем, когда нанесенные ею раны на сердце отечественного социума немного затянулись, оно стало глубинным импульсом, превратившим нашу историческую память в корневую суть и нравственный ориентир как в планах и намерениях, так и в действиях и решениях. Как верно было подмечено Президентом России В.В. Путиным на встрече с представителями молодежи, только понимая, какой ценой достался нам сегодняшний и завтрашний день, какой ценой и что сделали наши предки, защищая Родину, можно понять, кто мы такие, откуда пришли и что есть наша страна.

Невозможно не гордиться бессмертными победами наших дедов и прадедов — защитников Отечества, а тем более забыть подвиги тех, кто отдал свою жизнь во имя освобождения Родины от вероломных агрессоров — немецко-фашистских захватчиков. Ничто не забыто, и никто не забыт! Они отстояли, а многим из них довелось еще и возродить страну, прожив свою жизнь с любовью к собственному народу и родной земле. Их жизненный путь — это светлый нравственный ориентир для нынешних и будущих генераций.

Мы должны сделать так, чтобы горькая, в то же время навеки живая, в том числе и в своей горечи, память как о трагических событиях, так и о славных победах той Великой войны не была стерта из сознания наших потомков, чтобы она передавалась от поколения к поколению, навечно оставаясь в сердцах людей словно памятник одной из величайших страниц нашей истории.

Наше будущее состоится и будет прекрасным лишь при одном условии: если поколения, которые придут нам на смену, сохранят неразрывную связь времени и сумеют передать дальше своим детям и внукам эстафету единения и сопричастности к подвигам наших предшественников. Благодаря героизму тех, кто грудью встал на защиту Родины и 80 лет тому назад добился Великой Победы, нам удалось избрать победный путь, по которому движемся и будем двигаться дальше. Только так мы сохраним наш народ, только так мы сможем сберечь наше Отечество.

Председатель ЦИК России
Э.А. Памфилова

НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ – ЭСТАФЕТА ПАМЯТИ

Завершающийся 2025 год для нашей страны отмечен особой значимостью — это год 80-летия Великой Победы, события, которое через десятилетия продолжает жить в сердцах миллионов наших соотечественников, независимо от возраста и национальности.

Весна 1945 года навсегда осталась в истории нашей страны как время тяжелых испытаний и торжества духа. 9 Мая — символ несокрушимой силы народа, его способности выстоять перед врагом, как было в прошлом и происходит сейчас.

Война унесла миллионы жизней советских людей. За скорбной статистикой — конкретные судьбы, несостоявшиеся мечты, несбывшиеся надежды. Память о них священна и должна оставаться такой всегда. День Победы — самый трогательный, самый эмоциональный праздник, когда в едином порыве соединяются радость триумфа и горечь утрат. Особую значимость приобретают сегодня фронтовые реликвии: пожелтевшие фотографии, потрепанные письма-треугольники, скромные экспонаты и обычные предметы обихода, трепетно хранящиеся в семьях участников войны или переданные музеям. Каждая из них — материальное свидетельство эпохи, напоминание о личном подвиге, а в главном — ниточка, связывающая поколения.

В юбилейный год мы не остались в стороне и подготовили нашим читателям подарок — возможность познакомиться с уникальным интерактивным проектом «80 лет Победы: преемственность подвига». В нем своими воспоминаниями о родственниках — героях Великой Отечественной войны, погибших и вернувшихся с фронта, делятся наши коллеги из избирательных комиссий. Среди них есть и те, кто, продолжая героическую эстафету, сами на данный момент стали ветеранами специальной военной операции.

Материалы для проекта в течение юбилейного года тщательно отбирались, затем передавались в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации со всей страны — от Дальнего Востока до Калининграда (на сегодняшний день участниками Эстафеты памяти стали уже 80 субъектов Российской Федерации). Наши коллеги поделились бесценными личными коллекциями: фотографиями, письмами, рассказами фронтовиков, найденными в архивах документами о родственниках-ветеранах. Благодаря этому каждый, кто уже приобщился к проекту — ознакомился с материалами или поучаствовал в их подготовке (а также тот, кто будет пользоваться этим виртуальным музеем в дальнейшем), сердцем прикоснулся к истории и по-настоящему почувствовал связь времен. Память о войне стала не абстрактной, а живой и понятной.

Уникальный памятный проект «80 лет Победы: преемственность подвига» имеет не только информационную ценность, — он является важным

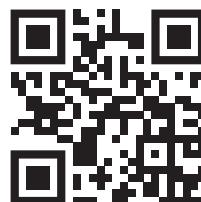
ресурсом для правового просвещения молодежи, формирования ее гражданского самосознания и укрепления любви к Родине. И призван напомнить молодым поколениям о значимости наследия, доставшегося от отцов, дедов и прадедов, воспитывать в них чувство гордости за нашу великую историю и развивать ответственность за будущее страны. Именно поэтому его можно и нужно использовать как методическое пособие и наглядный материал для школьных уроков, внеклассных занятий и патриотических мероприятий.

Материалы проекта размещены в электронной версии Вестника ЦИК России. Для удобства желающих познакомиться с ними он дополнен интерактивной картой нашей страны, что позволяет виртуально сразу перейти (нажимая на фрагменты карты с указанием субъекта) на страницу любого региона, почитать воспоминания и посмотреть памятные видео жителей — членов избирательных комиссий, которые его представляют. На карту ведет QR-код, размещенный ниже.

Память о победе в Великой Отечественной войне жива благодаря преемственности поколений, и чтобы она продолжала жить, каждый обязан по мере сил внести в нее достойный вклад. Проект «80 лет Победы: преемственность подвига» является именно таким вкладом в юбилейный год.

Пока мы будем достойны памяти наших предков, пока будем бережно хранить их наследие — Победа будет с нами, то есть она будет осознана современниками и понятна следующим поколениям! Такие проекты выступают живым свидетельством того, что добро, справедливость и любовь к Родине способны преодолеть любые испытания, объединить страну, напоминая о самом главном: ценности мира, важности единства, силе человеческого духа. Пусть память о героизме и самопожертвовании станет основой для нашего общего будущего.

Предлагаем и вам присоединиться к Эстафете памяти. Если живы ваши родные, близкие, знакомые ветераны, послушайте и запишите их воспоминания, соберите фотографии, письма и истории о войне. Пусть о героическом прошлом нашей страны знают наши дети, внуки, правнуки. Пусть помнят. Пусть гордятся!

А.А. ЕГОРОВ

ТЕОРИЯ ПРОТИВОПРАВНОСТИ (в политico-правовых воззрениях Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова)

Аннотация. Статья касается вопросов теории противоправности в контексте политico-правовых взглядов выдающихся русских революционных демократов — Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова. В контексте учета конкретно-исторической обстановки исследуются их воззрения по вопросам понятий и видов противоправных действий, их исторической изменчивости, единства внутренней и внешней сторон, а также формы вины. В заключение работы формулируются обобщающие выводы.
Ключевые слова: противоправность, вина, беда, нравственный идеал, уголовные преступления, нравственные преступления, взяточничество, полицейские преступления.

THE THEORY OF CONTRADICTION (in the political and legal views of N.G. Chernyshevsky and N.A. Dobrolyubov)

Abstract. The article deals with the theory of illegality in the context of the political and legal views of the outstanding Russian revolutionary democrats — N.G. Chernyshevsky and N.A. Dobrolyubov. In the context of taking into account the specific historical situation, their views on the concepts and types of illegal acts, their historical variability, the unity of the internal and external sides, as well as the form of guilt are investigated. At the end of the work, generalizing conclusions are formulated.

Keywords: illegality, guilt, misfortune, moral ideal, criminal offenses, moral crimes, bribery, police crimes.

Юридическая наука, являясь одним из фундаментальных направлений развития человечества, имеет в своем основании как исторический общесоциальный опыт, так и доктринально-теоретическую составляющую в лице известных мыслителей прошлого и современности. Именно политico-правовая мысль выступает базисом правотворчества, применения права, толкования права и иных видов юридической деятельности. При этом необходимо понимать, что само состояние политico-правовой мысли, ее концептуальная состоятельность, теоретическая и практическая значимость детерминируются конкретно-историческими условиями жизни общества.

ЕГОРОВ Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

Вторая половина XIX века в нашей стране стала временем широкого распространения преступности. Развитие капиталистических отношений разрушало традиционные устои сельской жизни. Жесточайшая эксплуатация сельского населения обусловила уход крестьян в города, где они далеко не всегда имели возможности применить свои трудовые навыки. Результатом обнищания крестьян стал стремительный рост преступности. Данное обстоятельство не могло не получить отрицательную, осуждающую оценку в среде наиболее образованных и прогрессивно мыслящих людей. В данном контексте особый интерес представляют идеи Николая Гавриловича Чернышевского (1828–1889) и Николая Александровича Добролюбова (1836–1861).

Сразу оговоримся, что в их взглядах не содержится какая-то целостная и упорядоченная теория противоправности. Их взгляды интересны не в строго академическом ключе, а с позиции формирования отечественной политики-правовой мысли.

* * *

По справедливому утверждению Б.В. Здравомыслова, понятие преступления в доктрине Н.Г. Чернышевского зиждется на причинной обусловленности явлений окружающего мира. Он признавал не только объективную обусловленность любого человеческого поступка, но и его субъективные причины [5, с. 32]. Эти убеждения важны для понимания истинной природы противоправного поведения, объяснение которого не сводится к теории «прирожденного преступника» Ч. Ломброзо или иным абстрактным и произвольным трактовкам.

Этот вывод напрямую следует из анализа работы Чернышевского «Антропологический принцип в философии» (1860 г.). В ней помимо таких универсальных философских идей, как единство телесного и духовного в человеке или всеобщая взаимосвязанность явлений окружающего мира, автор затронул вопрос формирования противоправного поведения. Он писал: «...самым изобильным источником обнаружения злых качеств служит недостаточность средств к удовлетворению потребностей» [11, с. 265].

Принятые в качестве своеобразного советского штампа утверждения о понимании им материалистических причин противоправности являются очевидным преувеличением, так как сам мыслитель по понятым причинам не мог пользоваться соответствующей терминологией и не владел доктриной советского уголовного права. По его мнению, источником противоправного поведения выступает именно невозможность удовлетворить свои потребности законными способами вследствие несовершенства эксплуататорского общества.

Чернышевский отмечал историческую изменчивость и объективную обусловленность понимания преступления: «Имея независимое правительство, каждое государство имеет и свои особенные законы. В Англии вешают,

во Франции рубят головы, — разница <...> многие английские преступления вовсе не преступления по французским законам» [5, с. 33].

На наш взгляд, с этой точкой зрения следует согласиться, так как она актуальна и сегодня. Мы можем констатировать, что как понятие, так и содержание противоправного деяния не могут быть универсальными, поскольку они порождаются конкретно-историческими условиями, системой социальных ценностей, традициями и обычаями конкретного народа. На основе рассмотрения общих воззрений Чернышевского попытаемся опосредованно вывести понятие преступления.

В контексте его политico-правовых взглядов преступление — это исторически изменчивое, обусловленное объективными и субъективными факторами проявление злых качеств человека, который не способен удовлетворить свои потребности законными средствами. По мнению мыслителя, существуют преступления, которые прямо предусмотрены уголовным законодательством; но есть и нравственные преступления, которые не закрепляются в уголовном законе и не наказываются им [8, с. 30–31]. Он подчеркивал: «...порок внешним образом наказывается не всегда, добротель внешним образом награждается не всегда ... порочный может умереть спокойно в богатстве ... добротельный может всю жизнь страдать и умереть, страдая» [8, с. 182].

Внимание Чернышевского к преступлениям, предусмотренным уголовным законодательством, разнотений не вызывает, поскольку оно адресует нас к древнеримской формуле «нет преступления без указания на то в законе». Выделение же такого вида проступков, как нравственные преступления, представляется весьма спорным, так как деяние, противоправность и наказуемость которого не предусмотрена уголовным законодательством, не может считаться преступлением. Вероятно, под преступлениями он подразумевал антиобщественные деяния, противоречащие общественной морали, которые с юридической точки зрения не являются преступлениями.

В качестве примера нравственного преступления Чернышевский называет характерный для многих народов древний обычай, согласно которому правомерно и допустимо было избавляться от больных детей. Он называет это преступлением, которое «вменяется в обязанность» [5, с. 35]. С этой точкой зрения вряд ли можно согласиться, так как такое поведение соответствовало как нормам обычного права, так и общественной морали.

Мыслитель констатировал, что «часто преступления против нравственности остаются совершенны без наказания» [8, с. 181]. Таким образом, он четко выделял преступления, предусмотренные уголовным законодательством, и антиобщественные поступки, которые в разные исторические эпохи могут признаваться как преступлениями, так и проявлением правомерного поведения.

Помимо деления преступлений на предусмотренные уголовным законодательством и на нравственные Н.Г. Чернышевский упоминал и такое преступное деяние, как взяточничество. Он отмечал не только историческую

преемственность этого деяния, но и отсутствие реальной борьбы с его распространением. «Искони веков, — писал он, — от Рюрика до наших дней, богата была наша Русь взяточниками <...> Скажите же, с какой стати было так свирепо набрасываться на то, о чем можно было до той поры так удобно молчать?» [10, с. 318]. Такое положение дел не могло не вызвать у него резкого протesta.

Чернышевский выступал против попыток оправдания взяточничества низким уровнем материального достатка чиновников: «Эту ли нравственность хотят проповедовать господа, оправдывающие взятки недостатком жалованья? Хороша нравственность! Чего недостает тебе и чего хочется, то укради! Жалованьем ты имеешь возможность жить безбедно, но скромно, а тебе хочется жить роскошно — воруй! <...> После этого мужички наши, трудящиеся, ... имеют полное право грабить всякого встречного и поперечного, и исправники, на основании своей логики, не должны сметь останавливать их» [9, с. 845]. Таким образом, по мнению автора приведенной цитаты, взяточничество является следствием стремления небедных чиновников к безграничному обогащению, следовательно, в данном противоправном деянии преобладает субъективный аспект, возможность реализации которого продиктована несовершенством общественно-политического строя.

В прокламации «Барским крестьянам от их недоброжелателей поклон» (1861 г.) Н.Г. Чернышевский рассуждал о необходимости осуществления в России крестьянской революции, имеющей своей целью изменение основ общественно-политического строя. По его во многом справедливому замечанию, иным путем невозможно искоренить повсеместное взяточничество, злоупотребления на местах и продажное правосудие [11, с. 523]. Эти постулаты получили ярко выраженную положительную оценку в советской юридической науке.

Чернышевский высказал и более глобальную революционную идею, заявив о противоправном характере всех законов в царской России и о необходимости их отмены посредством революции [7, с. 73]. В его трудах можно встретить и упоминания об отдельных признаках преступления. Он признавал одновременное наличие как объективных, так и субъективных причин любого человеческого поступка, обоснованным образом полагая, что решение вопроса о виновности конкретного лица должно основываться на тщательном и непредвзятом выяснении причин совершения преступления. В данном контексте он упоминает такие понятия как «вина» и «беда»: «Вина вызывает порицание или даже наказание против лица. Беда требует помочи лицу через устранение обстоятельств более сильных, нежели его воля» [10, с. 165].

Выражаясь современным языком, можно отметить, что в его трактовке вина — это свободное проявление противоправной воли субъекта права, что обуславливает применение к нему той или иной меры юридической ответственности. В свою очередь беда — это стечние не зависящих от воли человека обстоятельств, которые вынуждают его совершить преступление.

Для устранения такого явления, как беда, необходимо изменить условия жизни целого сословия, к которому относится тот или иной преступник.

В наиболее общем виде Н.Г. Чернышевский приходит к осознанию форм вины. Признавая неосторожные деяния вовсе ненаказуемыми, он считает, что большинство умышленных деяний нельзя считать виновными, так как они продиктованы условиями жизни общества: «Вина — это редкость, это исключение из правила, беда — это эпидемия. <...> Беда обнаруживается на том самом человеке, который исполняет условие, ведущее к беде; вина обрушивается на других, принося виноватому пользу. <...> Разбойник зарезал человека, чтобы ограбить его, и находит в нем пользу себе, — это вина. Неосторожный охотник нечаянно ранил человека и сам первый мучится несчастием, которое сделал, — это уж не вина, а просто беда» [10, с. 166]. Надо сказать, что данный подход излишне идеализирован, так как автор признает неосторожные деяния вовсе невиновными и ненаказуемыми, а большинство виновных деяний считает результатом несовершенств условий жизни общества.

Интересно отношение Н.Г. Чернышевского к деятельности революционеров и борцов с самодержавием. Он принципиально не считал таких людей преступниками. Результатом такой позиции стал его отказ обратиться к Александру II с прошением о своем помиловании [7, с. 73].

* * *

Сравним воззрения Н.Г. Чернышевского с идеями его ближайшего соратника Н.А. Добролюбова, который в своей рукописи под названием «О том, что люди, желающие свободы, должны разъяснить себе, какого именно устройства общества они хотят» (1856 г.) вопрошал: «Преступления, необходимые всегда в человечестве, как будете вы судить? <...> Да и какие деяния назовете вы преступными, какие — похвальными, какие — подлыми, какие — благородными?» [6, с. 94]; и таким образом признавал неизбежность противоправных деяний, которые необходимо отличать от правомерного поведения, и причинную обусловленность всех человеческих поступков, совершение которых продиктовано условиями жизни конкретного человека.

Добролюбов полагал, что большинство преступлений и безнравственных поступков имеют три источника: «невежество», «недостаток здравых понятий о вещах», «неумение сообразить настоящее положение дел и последствия поступка» [6, с. 94]. В этом смысле он повторяет мысль Н.Г. Чернышевского о том, что в подавляющем большинстве преступлений отсутствует умысел.

Глубинной причиной совершения правонарушений Добролюбов считал условия жизни общества, порождающие социальное неравенство. Категоричным термином «дармоедство» он именовал эксплуатацию простого народа и последующее присвоение результатов общественного труда «под покровом капитала и разных коммерческих предприятий» [5, с. 43].

Недостаточность знаний простого народа о ценности тех или иных предметов выступает предпосылкой такого положения дел: «...отвергши и заклеймиши грабеж под его собственным именем, новые народы все-таки не могут еще распознать того же самого грабежа, когда он скрывается дармоедами под различными вымышленными именами» [2, с. 268].

Подобно Н.Г. Чернышевскому Н.А. Добролюбов признавал не только обусловленность противоправного поведения условиями жизни общества, но и отсутствие единого понятия о преступном деянии. В статье «Темное царство» (1859 г.) он осуждал порочность общественного строя царской России, опорой которого выступают крепостники, жандармы и купцы-самодуры [5, с. 44], и ратовал за его смену.

Обращаясь к вопросу об исторической изменчивости противоправности деяния, Добролюбов приводит пример убийства как преступления, влекущего наказание, и убийства во время войны как ненаказуемого, а зачастую и поощряемого деяния. По его мнению, этот общий подход нужно конкретизировать, так как убийство может быть правомерным деянием лишь в том случае, если война является справедливой [1, с. 60].

Основной посыл в данном случае состоит в том, что помимо законодательного признания того или иного деяния в качестве противоправного акта важную роль играет общественная оценка этого деяния и конкретно-исторические обстоятельства его совершения. Эти принципы влияют и на оценку личности преступника: «По уголовному суду человек оказался и грабителем, и убийцею; кажется, должен быть изверг естества. А смотришь, — он вовсе не изверг, а человек очень обыкновенный и даже добродушный. <...> и преступления свои совершил он без тяжкой и продолжительной борьбы с самим собой, а просто так, случайно, сам хорошенъко не сознавая, что он делал» [6, с. 95].

Добролюбов предложил весьма оригинальное решение этого мировоззренческого вопроса. Признавая относительный характер законов в условиях социального неравенства, он приходит к логичному выводу, что закон не может выступать критерием признания того или иного деяния преступным. Таким критерием, по его мнению, может быть только нравственный идеал [1, с. 178]. Этот, по сути, верный подход был недостижим в условиях имущественной поляризации общества того времени.

Исходя из собственных юридических позиций, Добролюбов стремился выделить в противоправном деянии внутреннюю и внешнюю стороны. Внутренней стороной он считал осознание самим преступником опасности своего деяния, а под внешней — запрещенность совершения того или иного деяния в рамках положительного законодательства [1, с. 66]. По мнению Б.В. Здравомыслова, под внутренней стороной противоправного деяния мыслитель понимал вину, значение которой представители низших классов в большинстве случаев не понимают. В свою очередь внешняя сторона противоправного деяния в интерпретации Добролюбова отражает социальный характер противоправного деяния [5, с. 46].

В некотором смысле разделяя взгляды Чернышевского, он считал правонарушение явлением, которое имеет объективные причины и субъективный характер совершения. Опосредованно сформулированное Чернышевским определение понятия «преступление» практически полностью применимо и к доктрине Н.А. Добролюбова, который так же, как и его соратник, выступал с резкой критикой корыстолюбия и вопиющей безнаказанности чиновников.

В статье «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» он отмечает плачевное состояние законодательства, судоустройства и судопроизводства вплоть до воцарения Петра I. Несмотря на некоторые положительные изменения, связанные с изданием «Судебников» и «Уложений», судебный и административный произвол никуда не исчезли. Добролюбов заключает: «Решительное смешение судебных и административных властей много помогало этому, а всеобщая безнравственность делала бессильною всякую попытку водворить правду в судах. С XV века идет уже беспрерывный ряд свидетельств о неправосудии и взяточничестве дьяков и подьячих» [6, с. 122]. Он обращается к конкретному примеру, наглядно иллюстрирующему указанные судебные и административные тенденции.

В работе «Замечания по поводу одного следствия» (1859 г.) Н.А. Добролюбов резко критиковал следственные действия в царской России, указывая на такие их вопиющие черты, как полное отсутствие гарантий соблюдения прав человека и открытые злоупотребления должностных лиц. Полагая, что этот частный пример характерен для следственных порядков того времени, в целом он утверждал: «Можно указать на следственные дела, по которым убийца или меновщик фальшивых ассигнаций оказывается только немного подозреваемым; а человек, сделавший обычный поступок, оказывается по следствию виновным в уголовном преступлении» [3, с. 236]. Практика того времени наглядно свидетельствовала о юридической беззащитности подследственных и подсудимых, а также об абсолютной безнаказанности следователей и судей.

Оба мыслителя были убеждены в том, что большинство противоправных деяний совершаются без умысла, по неблагоприятному стечению обстоятельств. В этом контексте Добролюбов акцентировал внимание на необходимости установления вины преступника. Он с горечью констатировал, что мы можем лишь мечтать о таком времени, когда «без вины никого не осудят: судьи будут справедливы, преступления не будут избегать законного возмездия!» [3, с. 57].

Чернышевский выделял следующие виды противоправных деяний: предусмотренные уголовным законодательством, нравственные (антиобщественные поступки) и взяточничество. Не вызывает сомнений, что Добролюбову были известны эти виды правонарушений. Более того, он обращал внимание еще и на так называемые «полицейские» преступления: «Я, например, мог бы рассказать, как у одного проезжего купца было отнято близ одного города разбойниками 50 000 рублей и как через месяц

потом у частного пристава умер дядюшка в Сибири и оставил ему 50 000 наследства. Я мог бы сообщить, как в одном провинциальном городе один домовладелец дал во время пожара 3000 целковых полиции, чтобы только она не подступилась к его дому» [6, с. 98–99]. Тем самым указывал на то, как полицейские преступления тесно примыкают к взяточничеству. Важно, что Н.А. Добролюбов акцентировал внимание на субъектах совершения преступлений, что дает основание считать их самостоятельным видом противоправных деяний в рамках его политico-правовых взглядов.

* * *

Изложенное позволяет прийти к следующим выводам:

- теория противоправности Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова сформировалась в условиях взрывного роста преступности, вызванного максимальной эксплуатацией крестьянского населения, разрушением традиционных устоев жизни народа;
- они ратовали за учет исторической изменчивости преступности, объективное объяснение феномена преступления и причин преступности, отвергая удобные для господствующего класса идеалистические теории;
- совершение противоправных деяний находилось в прямой зависимости от несовершенства общественно-политического строя, – чем острее проявлялись эти несовершенства, тем больше правонарушений совершалось;
- любой противоправный акт представляет собой неразрывное единство объективных и субъективных факторов, то есть внешней и внутренней сторон;
- большинство правонарушений совершаются без умысла, что не исключает необходимости устанавливать вину в каждом конкретном случае;
- в трудах Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова можно выделить такие виды противоправности как преступления, предусмотренные уголовным законодательством, антиобщественные поступки, взяточничество и полицейские преступления.

Список литературы

1. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений, т. 2. М., 1935.
2. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений, т. 3. М., 1936.
3. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений, т. 4. М., 1937.
4. Добролюбов Н.А. Полное собрание сочинений, т. 6. М., 1939.
5. Здравомыслов Б.В. Уголовно-правовые взгляды русских революционных демократов А.И. Герцена, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова. М., 1959.
6. Скрипилев Е.А. Добролюбов. М., 1988.
7. Скрипилев Е.А. Чернышевский. М., 1979.
8. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1949.
9. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений, т. IV. М., 1948.
10. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений, т. V. М., 1950.
11. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений, т. VII. М., 1950.

А.Х. ДЕНИЛЬХАНОВ

«НОВЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ» КАК ИДЕЙНАЯ ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Аннотация. Статья посвящена эволюции либерализма в России на рубеже XIX–XX веков, его роли в процессе конституционной модернизации страны. Исследованы исторические условия формирования «нового (социального) либерализма», возникшего как ответ на кризис классического либерализма и общественные вызовы того времени. Отмечается, что кризис выступил результатом переосмысления в научной и общественно-политической мысли многих развитых стран базовой экономической доктрины либерализма – *laissez-faire* (невмешательство). Главным трендом в исследуемый период стала концепция социальной справедливости и социальной ответственности государства. «Новый либерализм» был идеальной основой различных политических партий и движений в России, объединенных стремлением к мирной трансформации государства в правовое и демократическое.

Ключевые слова: либерализм, новый либерализм, модернизация, конституционализм, свобода, справедливость, социальная ответственность.

«NEW LIBERALISM» AS AN IDEOLOGICAL BASIS OF CONSTITUTIONAL MODERNIZATION OF RUSSIA AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

Abstract. The article is devoted to the evolution of liberalism in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries and its role in the process of the country's constitutional modernization. The historical conditions of the formation of «new (social) liberalism», which emerged as a response to the crisis of classical liberalism and the social challenges of the time, are explored. It is noted that the crisis was a result of the reinterpretation of the basic economic doctrine of liberalism, *laissez-faire*, in the scientific and socio-political thought of many developed countries. The main trend during the studied period was the concept of social justice and the social responsibility of the state. «New Liberalism» became the ideological foundation for various political parties and movements in Russia, united by their desire to transform the state into a legal and democratic one peacefully.

Keywords: liberalism, new liberalism, modernization, constitutionalism, freedom, justice, social responsibility.

ДЕНИЛЬХАНОВ Асланбек Хаважович — кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета, доцент Высшей школы бизнеса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва

С последней четверти XX века по настоящее время происходит отчетливо выраженная смена глобальной идеино-политической парадигмы. Помимо экономических кризисов, характерных для капиталистического типа экономики, мировое сообщество сотрясает деструктивный вектор, выбранный рядом ведущих стран в качестве главного направления во внутренней и внешней политике. Наблюдается не только нарушение традиционной иерархии ценностей, но и размывание самой их сущности: подвергнуты критическому пересмотру понятия международного права, государственного суверенитета, социального равенства, индивидуальной свободы, семьи, да и само существование биологической природы человека [1].

Все эти фундаментальные для жизни общества структурные перемены оправдываются реализацией субстанционального принципа либерализма, — индивидуальной свободы как высшей ценности человеческого бытия. Этот принцип лежал в основе великих экономических и политических преобразований, создавших современную информационную цивилизацию. Мыслители разных стран и континентов на протяжении столетий стремились в концептуальном философском дискурсе осмыслить, вербализовать и верифицировать либерализм как форму жизни и отношение к миру. Сложилась формула, предлагающая понимание либерализма как определенной цивилизационной парадигмы, основывающейся на изначально присущей человеку тяге к свободе. Такой подход окончательно закрепился к концу XVII века и был директивным трендом для прогрессивно мыслящих личностей, желавших реализовать модернизационные проекты в своих странах, но уже к концу XX века был размыт в противоборстве различных оттенков его семантического переосмыслиния.

* * *

Развитие либеральной мысли и ее верификация в конце XIX — начале XX веков происходили в экономике — в условиях масштабирующегося капиталистического способа производства, и в социально-политической сфере — как отклик на возникновение и распространение марксистских идей, ориентированных на социальные преобразования. Возникла необходимость пересмотра положений классического либерализма в сторону гуманизации, учета интересов наиболее социально незащищенных слоев населения, свободы и самоуправления в определенных сферах экономики.

В мировой общественной мысли активизировались дискуссии о либерализме, что послужило толчком к модернизации либеральной теории в целом. В Британии экономист и публицист Дж. Гобсон [2], социолог и философ Л. Хобхауз [3], в Германии экономисты В. Рёпке [4] и В. Ой肯 [5], в США историк и политолог Ч. Бирд [6], философ Дж. Дьюи [7], начав пересмотр классических положений либеральной теории, сформулировали несколько важнейших принципов либерализма, которые оказались настолько радикальными, что возникла необходимость переосмыслиния

его субстанциональных основ. Подверглась ревизии главная экономическая доктрина либерализма *laissez faire* — принцип минимального государственного регулирования экономики и экономического вмешательства в сферу частных интересов.

Джон Гобсон емко суммировал формирующиеся взгляды на социально-экономические отношения исследуемого периода: «Нужда во всём более сильном общественном контроле над современным машинным производством, в тех случаях, когда производство остается в основном под руководством частной предпринимчивости, допускается теперь всеми, хотя развитие этого контроля не было повсюду одинаково и определялось скорее давлением конкретных жалоб, чем принятием какой-нибудь ясной теории общественной ответственности. Другие ограничения индивидуальной свободы в индустрии предполагают более ясное признание ложности принципа *laissez faire* <...> нельзя надеяться, что конкуренция частных интересов будет работать на благо общества» [2, с. 393].

В России, по свидетельству известного историка А.А. Кизеветтера, не находил понимания «либерализм манчестерского типа <...> сторонники либеральной доктрины вовсе не стояли за принцип *laissez faire*, а напротив, придавали большее значение государственному вмешательству в экономические отношения в интересах социальной справедливости» [8, с. 72].

Эта особенность развития политических идей в России на рубеже XIX и XX веков была созвучна либеральным идеям Старого Света. Впервые русская политическая мысль оказалась на лидирующих позициях в Европе. В теоретических построениях либеральных мыслителей определилось понимание роли государства, в котором было признано позитивное значение регулятора и координатора общественных пропорций отношения к материальным благам. Уточнялись, а вернее, впервые теоретически осмысливались идеи социальной справедливости и солидарности, было замечено и теоретически артикулировано противоречие между индивидуализмом и коллективными интересами.

Так зарождался «новый (социальный) либерализм», как ответ на тяжелый кризис либеральной идеологии. Его истоки лежали в обострении антагонизма между «равенством» и «свободой». Примечательно, что такой известный ученый и общественный деятель как Людвиг фон Мизес, сторонник классического либерализма, уже в начале XX века, рассматривая либерализм предельно узко, не находит в нем места для гуманистической составляющей. «Либерализм, — писал он, — представляет собой доктрину, целиком и полностью направленную на поведение людей в этом мире. В конечном счете он не подразумевает ничего, кроме повышения материального благополучия людей, и напрямую не касается их внутренних, духовных и метафизических потребностей. Он обещает людям не счастье и умиротворение, а лишь максимально полное удовлетворение всех тех желаний, которые могут быть удовлетворены с помощью вещей внешнего мира» [9, с. 16–17].

Теоретики «нового либерализма» ввели понятие «социальные права», что должно было дополнить понятие «индивидуальные права». Они искали, по возможности, непротиворечивого сочетания свободы и социальной ответственности, а потому особый акцент делали на идеях парламентаризма и разделения властей. Эти идеи наиболее выразительно были представлены в творчестве английского экономиста и философа середины XIX века Джона Стюарта Милля, который подчеркивал, что человек — существо социальное, и общественный прогресс связан с развитием институтов, воспитывающих в нем «социальные» качества. Он показал, что идеи либерализма не исчерпываются утверждением необходимости конкуренции для прогресса, что сотрудничество и взаимодействие также продуктивны и конструктивны [10].

Его идеи подхватывали и развивали многие мыслители, среди которых наиболее последовательным был Джон Дьюи, американский философ, яркий представитель прагматизма. Он писал: «Ранее либерализм рассматривал отдельные и конкурирующие экономические действия индивидов как средства достижения общественного благополучия в качестве цели. Мы должны изменить перспективу и увидеть, что обобществленная экономика — это средство свободного индивидуального развития в качестве конечной цели» [11, р. 90].

Все эти идеи оказывали значительное воздействие на политическую практику стран Западной Европы, на которую традиционно ориентировались либеральные мыслители и политические деятели России. Но в данном случае ситуация развития либеральной мысли была своеобразной. Дело в том, что «новый либерализм» с его отчетливой гуманистической парадигмой возникает в России практически одновременно с аналогичными идеями на Западе. Это объясняется традиционным вниманием русской культуры к положению «маленького человека» и проблемам «униженных и оскорбленных». Традиция решать социальные проблемы в гуманитарном ракурсе позволяла русским либералам находиться в актуальном дискурсе и даже опережать своих западных единомышленников.

Вместе с тем именно либеральные ученые-гуманитарии искали доказательства общих цивилизационных основ русской и западноевропейских культур. Одним из фундаментальных исследований в этой области стал труд П.Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры» [12]. По мнению Л.И. Селезневой, «П.Н. Милюков вывел свое представление о природе российского либерализма на основе профессионального изучения истории своей страны, активно используя при этом сравнительно-исторический метод. Неразвитость средних слоев в России, в отличие от западных стран, лишала либерализм здесь социальной окраски. Либерализм в России, по его мнению, был не социальный, а интеллектуальный. Его корни — не в интересах каких-то определенных слоев населения, а в сознании интеллигенции. Обратим внимание на то, что данная концепция была сформулирована П. Милюковым еще до конституирования либеральных партий» [13, с. 6].

Следует подчеркнуть, что Л.И. Селезнева отметила главную особенность формирования либеральных идей на рубеже XIX–XX веков: принципиальную теоретичность, игнорирование реалий развития конкретной страны в определенный исторический период. Необходимо было воплотить в жизнь культурно-политологическую схему некой системы, к которой устремлялся прогресс. Именно поэтому адептами идей «нового либерализма» выступали интеллигенты.

В произведениях А.А. Кизеветтера и А.А. Корнилова, посвященных преимущественно российской истории XVIII и XIX веков, серьезное внимание уделено двойственности российской культурной традиции, наличию двух глубоко различных по сути укладов жизни. При этом ими сделаны одинаково оптимистические выводы о быстрых и прогрессивных изменениях в стране после реформ 60–70-х годов XIX века [14; 15].

Значение социальной, а не экономической доминанты прекрасно выразил Б.Н. Чicherin. «Если либеральное направление, — писал он, — не хочет ограничиваться пустословием, если оно желает получить действительное влияние на общественные дела, оно должно искать иных начал, начал зиждущих, положительных <...> Свобода не состоит в одном приобретении и расширении прав. Человек потому только имеет права, что несет на себе обязанности <...> Но верховный нравственный закон, идея добра — это непременное условие свободы» [16, с. 121].

Особенность ситуации состояла еще и в том, что, твердо ставя проблемы в гуманистическом аспекте, то есть развивая либеральные концепции, сами либеральные мыслители понимали, что в России в должной мере не воплощены еще главные принципы «классического либерализма» (политические свободы, гражданские права и т.п.). Они существовали в проблемном поле российского либерализма в виде теоретических концепций, но не конкретных политических программ.

На этапе формирования «нового либерализма» теоретические построения и постепенно возникающие партийные программы были нацелены на поиск компромиссных путей развития страны, изменения не власти и строя, но представлений власти о праве и ответственности за каждого человека, об уточнении политической структуры страны в направлении расширения гражданских прав. По этому поводу А.Н. Егоров пишет: «Под российским либерализмом начала XX века понимается политическое и идеиное течение, стремившееся к построению в России гражданского общества и правового государства эволюционным путем. Речь идет о либерализме в качестве осмысленной стратегии практического действия. При таком подходе российский либерализм предстает как реальное социально-политическое движение, которое вело борьбу за свои идеалы. Хронологические рамки этой борьбы — от первых годов XX в., когда либерализм вышел на историческую сцену как серьезная политическая сила, до окончания Гражданской войны, означавшего поражение либерализма в России» [17, с. 4]. С этим мнением

нельзя не согласиться, особенно в части того, что «новый либерализм» в России имеет достаточно конкретные очертания. Во всяком случае, его предельный рубеж развития определен отчетливо.

Все либеральные построения, на которых строился и развивался философский и общественный дискурс России, по крайней мере, двух столетий, со всеми идеинными спорами и утверждениями, был завершен победившими идеями гражданских прав и свобод. Именно обоснование правовой основы государства было задачей творческих усилий либеральных мыслителей рубежа веков (XIX–XX). По мнению Н.В. Мамитовой, это наиболее сильная и разработанная доктрина русского либерализма. «Теоретическим обоснованием отношения либералов к власти, — утверждает она, — является понимание роли права в общественной жизни и связанная с ним идея правового государства <...> все сходились на том, что предпосылкой правового государства должно стать государство конституционное» [18, с. 14].

* * *

Идеи российского конституционализма, а также методы достижения этой цели вырабатывались постепенно на протяжении нескольких десятилетий, и полем борьбы, оттачивания идей была периодическая печать. С начала 1860-х годов в «Отечественных записках», а затем на страницах журналов «Русская мысль», «Русское богатство», «Русские ведомости», «Вестник Европы» формировалась либеральная программа и намечалась тактика земской оппозиции. «Вестник Европы», основанный в 1866 году, подхватил эстафету разработки той конституционной линии в русской либеральной прессе, которая была начата «Отечественными записками».

Одним из ведущих журналов либеральной направленности во второй половине XIX века был «Юридический вестник», выходивший с 1867 года. Его публикации по проблемам конституционализма носили очевидную теоретическую направленность. Редакция издания считала необходимымзнакомить читателей с уже существующим опытом конституционного развития других стран. В первую очередь публиковались материалы, посвященные истории и теории западного конституционализма. Также печатались статьи по проблемам земства, давалось юридическое обоснование свободе слова, отстаивалась гласность судопроизводства и суда присяжных.

В числе концептуальных материалов журнала можно назвать статью М.М. Ковалевского «Политическая доктрина Франции прошлого столетия», опубликованную в 1892 году. Предметом исследования стала политическая ситуация во Франции XVIII века, когда между королем и Национальным собранием было достигнуто согласие относительно необходимости принятия в стране конституции и переустройства государства на либеральных принципах. По этому поводу автор статьи писал: «Нам трудно будет допустить, что по вопросу о разделе политической власти между королем и народным представительством не могло состояться соглашение» [19, с. 357].

В статье прослеживалась параллель с внутриполитическими вопросами России: необходимость перемен эволюционным путем, предотвращение революционных сломов, социальной драмы и сохранения монархической власти при условии ее готовности идти на уступки требованиям времени.

Настойчивое обращение русской либеральной прессы к опыту европейских собратьев достаточно иронично прокомментировал В.Б. Пастухов: «Историю русского конституционализма проще излагать в медицинских, чем в политологических терминах. Это история непрекращающихся попыток осуществить успешную трансплантацию либеральной идеологии в отторгающую ее культуру <...> Но <...> рождение русской конституции, по всей видимости, было подготовлено собственной внутренней логикой развития русской культуры <...> Раньше, чем появились заимствования, возникла потребность в них» [20, с. 11–12].

С 1879 по 1892 год должность редактора «Юридического вестника» занимал С.А. Муромцев, который впоследствии стал председателем I Государственной думы. Как последователь проведения либеральных реформ в стране, он вместе со своими единомышленниками подал председателю правительства М.Т. Лорис-Меликову «Записку о внутреннем состоянии России», где были озвучены предложения о необходимости учета мнения либеральной общественности и создания из представителей земств «особого самостоятельного совещания» с законосовещательными функциями. Некоторые идеи этого документа были использованы при подготовке «Конституции Лорис-Меликова» [21, с. 14].

В связи с этим Л.А. Морозова считает, что «в своем проекте Конституции С.А. Муромцев исходил из необходимости закрепления следующих установлений: обязательная сила закона для всех, непременное обнародование законов во всеобщее сведение, возможность отмены закона исключительно актом не ниже ранга закона, объявление неимеющими обязательной силы распоряжений правительственные органов, никакие оправдания тем, что нарушение закона допущено должностным лицом по приказу начальства» [22, с. 12].

Своебразным манифестом либералов стало также «Открытое письмо Николаю II», написанное П.Б. Струве по просьбе либеральных земцев: «Если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя со всемогуществом бюрократии, если оно возможно только при совершенной безгласности общества и при постоянном действии якобы временного „Положения об усиленной охране“, дело его проиграно; оно само роет себе могилу и раньше или позже, но, во всяком случае, в недалеком будущем падет под напором живых общественных сил. Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать» [23, с. 163]. Здесь ясно обозначен призыв к совместной деятельности властей с общественностью и уже ясно звучащие обвинения власти в неразрешимости конфликта.

Значительную роль в развитии российского конституционализма как политической практики в начале XX века сыграл П.Н. Милюков. Политическую карьеру он начал в нелегальном журнале «Освобождение», являясь одним из его основателей. В процессе работы над изданием он близко познакомился с либеральной земской средой, считал важным распространение либеральных западноевропейских идей в России. Будучи профессиональным историком, при глубоком изучении русской культуры он применял компаративистский метод, стремясь понять суть современных ему расхождений России и Европы. По его мнению, «...европеизация России не есть продукт заимствования, а неизбежный результат внутренней эволюции, одинаковой в принципе у России с Европой, но лишь задержанной условиями среды» [24, с. 105–106].

Отсюда в его логических построениях следовал естественный вывод, отмеченный современным исследователем: «П.Н. Милюков придерживался той точки зрения, что в России необходимо сначала установить конституционную монархию, основанную на принципах конституционализма, парламентаризма и разделения властей с учетом российских особенностей исторического развития, и только затем на основе изменения народного правосознания постепенно преобразовать ее в республику. Различая социальную и политическую („конституционную“) революцию, П.Н. Милюков считал, что исторические государственные формы нельзя разрушать социальной революцией, а только постепенно преобразовывать путем „конституционной“. При этом к понятию „конституционной“ революции, по его мнению, можно отнести любое общественное движение, имеющее прогрессивное политическое и социальное содержание для поступательного развития вперед государства в целом» [25, с. 9].

Эта оценка требует некоторых уточнений. По своим теоретическим высказываниям, по обозначению своей позиции на шкале социально-реформаторских сил в стране конца XIX века Милюков относился к представителям «нового либерализма». Но в своей политической деятельности он неоднократно совершал резкие, если не сказать авантюрные поступки. К числу таковых относится его участие в Парижской конференции 1904 года, на которую собирались представители революционных и оппозиционных партий России.

Организатором конференции был лидер финской Партии активного сопротивления Конни Циллиакус. Она проводилась на деньги японского генерального штаба (здесь нужно учесть, что в 1904 году началась русско-японская война). «Союз освобождения» на этой конференции был представлен П.Н. Милюковым, П.Б. Струве, П.Д. Долгоруковым и В.Я. Яковлевым-Богучарским. Все участники весьма трепетно относились к своим принципиальным позициям и исключали какие-либо компромиссы. Итоговый текст резолюции включал в себя следующие положения: «Уничтожение самодержавия; отмена всех мер, нарушивших конституционные права Финляндии.

Замена самодержавного строя свободным демократическим режимом на основе всеобщей подачи голосов. Право национального самоопределения; гарантированная законами свобода национального развития для всех народностей; устранение насилия со стороны русского правительства по отношению к отдельным нациям» [26, с. 152]. Так что свержение самодержавия было частью конституционной концепции Милюкова. Оставался вопрос, каким образом?

Несмотря на все меры борьбы с революционными идеями, принимаемые как правительственные кругами, так и умеренными либералами, общество проникалось протестными настроениями, которые вылились в первую русскую революцию 1905–1907 годов. Для стабилизации политической обстановки в стране в политико-правовом поле вектор развития был направлен на ограничение самодержавия и постепенный переход к конституционному правлению путем издания новых нормативных актов. В связи с этим император Николай II 6 августа 1905 года подписал манифест об учреждении Государственной думы как «особого законосовещательного установления».

Манифест предоставлял Думе право предварительной разработки и «обсуждения законодательных предложений»¹. Осенью того же года (17 октября 1905 г.) издается Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», разработанный председателем комитета министров С.Ю. Витте по поручению императора. Согласно манифесту власть распределялась между монархом и Государственной думой, представителей в которую отныне выбирали все классы; даже те, которые ранее были лишены избирательных прав. Все законы получали юридическую силу только после одобрения Государственной думой, населению предоставлялись «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»².

Монархический конституционализм в России получил легальное оформление в «Высочайше утвержденных Основных Государственных Законах», обнародованных 23 апреля 1906 года, которые принято называть первой российской октroiированной (дарованной, жалованной) конституцией. Императору предоставлялись широкие полномочия по всем предметам ведения, включая исключительное право на пересмотр Основных законов империи; он оставался верховным главнокомандующим армии и флота, главой внешней политики российского государства. В законах получили дальнейшую конкретизацию «незыблемые основы гражданских свобод»,

¹ Высочайший Манифест от 6 августа 1905 г. «Об учреждении законосовещательной Государственной думы» // Полное собрание законов Российской империи». Собр. 3-е. Т. XXV (1905). № 26803. СПб., 1908. С. 754.

² Высочайший Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957. С. 90.

дарованные Манифестом 17 октября³. Таким образом, монархом был изменен вектор развития страны в сторону либерализации.

Большая часть населения России воспринимала перемены негативно. Люди расходились в методах противодействия верховной власти. Крупная политическая партия «Союз 17 октября», возглавляемая авторитетным земским деятелем Д.Н. Шиповым, выступала за умеренные либеральные реформы. Членами ее также были финансист А.И. Гучков, крупный землевладелец М.В. Родзянко, фабрикант В.П. Рябушинский, известный адвокат Ф.Н. Плевако, помещик В.В. Шульгин и другие. В программе партии подчеркивалось, что ее целью является оказание содействия «правительству, идущему по пути спасительных реформ, направленных к полному и всеобщему обновлению государственного и общественного строя России»⁴.

Другая крупная леволиберальная политическая партия — «Конституционно-демократическая» («Партия Народной Свободы») — выбрала тактику конструктивной оппозиции и всемерно оппонировала царскому правительству. В состав партии вошли либерально настроенные средние землевладельцы, средняя городская буржуазия, учителя, врачи, служащие. В партию кадетов входил практически весь цвет тогдашней интеллигенции: историк П.Н. Милюков, крупные юристы С.А. Муромцев, В.М. Гессен, Л.И. Петражицкий, С.А. Котляревский, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев и так далее. Несомненно, их критика реформистской деятельности правительства была острой, публицистически яркой и убедительной.

В целом позиция «нового либерализма» оставалась в пределах консервативной и эволюционной трансформации государственной системы. Однако нельзя не отметить, что к концу XIX века происходила постепенная радикализация требований либералов. Для этого в известном смысле были предпосылки. Все яснее проявлялось, что Россия не может свернуть с пути реформ хотя бы потому, что даже самые последовательные консерваторы понимали необходимость модернизации. Если Витте и его правительство прилагали усилия для создания промышленной базы и финансового оздоровления страны, то кабинет П.А. Столыпина делал упор на реформирование аграрного сектора, создание «фермерского класса» и реформу государственного управления.

В перспективе Россия могла выйти на передовые рубежи в мировой экономике, но становление капиталистических отношений шло медленно, еще и с большими сложностями и противоречиями. Процессы в экономике вызвали серьезные социальные сдвиги, — в деловую жизнь пришли новые слои населения, что изменило привычную картину иерархии сословий.

³ Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXVI. Отд. I. № 27805. СПб., 1909. С. 456.

⁴ Сборник программ политических партий в России. Вып. 2. / под ред. В. Водовозова. СПб., 1905. С. 42.

Укрепился предпринимательский слой, всё отчетливее заявляла о себе буржуазия, уже структурированная в различных сферах деятельности. Понятно, что она становилась все более весомой в политической жизни.

Развитие капитализма в стране с неизбежностью предполагало принятие конституции, в которой были бы предусмотрены равенство граждан и свобода конкуренции. При этом существовала инерция исторической традиции страны, построенной самодержавием и скрепленной монархической властью. Поэтому ответственные государственные и общественные деятели конца XIX века стояли на позициях сохранения единовластия при условии его конституционного оформления. Это положение было внутренне противоречивым, так как сохранение монархии означало сохранение сословного строя, что оказывалось тормозом в развитии капитализма.

Для решения постоянно усложнявшихся задач государственного управления, по мнению либеральных мыслителей, необходим был парламент, в котором бы соединились представители всех сословий и социальных слоев страны для формулирования социальных запросов своих избирателей. «Это, — отмечает А.Ю. Шутов, — был период поиска баланса полномочий и прерогатив различных уровней самодержавной власти и общественно-го, сословного самоуправления. Власть и общество пытались выйти на новый уровень взаимодействия, далекого, конечно же, от партнерства, но и стремившегося к разделению ответственности за местные дела между самоуправлением и коронной бюрократией. Накапливался большой опыт согласования интересов самодержавия и земств, выходивший за пределы административного регулирования, который мог быть осмыслен лишь в рамках конституционного процесса» [27, с. 11].

Эволюция российского либерального конституционализма предполагала верификацию теоретических наработок прогрессивных мыслителей либерального толка. Представители «нового либерализма» постоянно говорили о необходимости капиталистической модернизации России, о введении в стране парламентских институтов и раскрепощении личности. При элитарной ограниченности основного мобильного ядра «нового либерализма» постепенно расширялась и демократизировалась его социальная база. Несмотря на то, что общественное направление либеральной мысли было представлено сторонниками европейского пути развития, на котором государственность строилась через революционные сломы, большинство либеральных деятелей в конце XIX века настаивало на необходимости модернизации страны «сверху». «Новый либерализм» продолжал принципы демократизации, заложенные Д.А. Милютиным, К.Д. Кавелиным, Б.Н. Чичериным, М.Т. Лорис-Меликовым.

Революция 1905 года и последовавшие за ней политические события определили в истории русского либерализма период, связанный с возникновением политических партий с осознанной либеральной направленностью — кадетов, октябристов, прогрессистов. И хотя «новый либерализм»

по-прежнему ориентировался на земскую и городскую интеллигенцию, в начале XX века позиция либералов изменилась — от идейной, в большей степени теоретической борьбы к реальным политическим действиям на конкретной политической арене. Отсюда возникли размежевания и естественный поиск новых союзников. Часть представителей «нового либерализма» оставалась на традиционных консервативных позициях, а часть «левела», сближаясь с весьма радикальными, а порой и экстремистскими кругами. Но все, так или иначе, стремились к широким социальным и политическим реформам.

* * *

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что идейную основу и социальную базу «нового либерализма» составляли представители крупного помещичьего землевладения, буржуазия, интеллигенция и студенчество. Это была небольшая, но крайне активная часть российского общества. Они вдохновлялись пафосом парламентаризма, воодушевляясь идеей ограничения самодержавия. Становилось все более понятным, что формирующееся в русском либерализме с 90-х годов XIX века новое радикально-демократическое течение требует, если не доктринального оформления, то отчетливой структуризации.

В самом либеральном движении не было выработано единой платформы, мировоззренческие характеристики нового течения были чрезвычайно разнообразны. «В новом либерализме уживались сторонники идей „естественного права“ и „народного суверенитета“, представители социологической и юридической школ, марксисты и традиционалисты, неонародники и неославянофилы и т.д.» [28, с. 6]. Данную особенность довольно-таки едко в 1907 году отметил Л.Б. Каменев: «Эта публика не знает русского либерализма как доктрины, как политической системы, как тактической линии. Так, недавно появился либерализм как политическая партия на арене русской истории, а публика что-то с трудом вспоминает, как и когда он родился, кто стоял у его колыбели, когда и как он боролся за существование» [29, с. 638].

Это же подтверждает и современный исследователь: «Политико-правовая доктрина российского либерализма, созданная во второй половине XIX века и развитая в начале XX века, никогда не базировалась на единой теоретической или политической концепции, представляла собой множество течений и направлений, часто противоречащих друг другу, соперничающих между собой. Политически это ослабляло позиции российских либералов, а с точки зрения теории свидетельствовало о продолжавшемся процессе ее формирования, давало надежду на ее дальнейшее развитие» [30, с. 12].

Такое положение действительно свидетельствует о социальной ограниченности «нового либерализма», проявлявшейся в конце XIX века. Но уже в начале XX века это была не просто значительная, но ведущая историческая

сила, влиявшая на судьбу страны. П.Б. Струве настаивал на необходимости постоянного обращения ко всё более широким народным массам. Через свои легальные органы печати — еженедельник «Право», газеты «Новая жизнь» и «Сын отечества» — «Союз освобождения» вел широкую пропагандистскую работу, привлекая на свою сторону новых сторонников.

В целом, российские либералы всех направлений не ратовали и даже боялись социальных потрясений и были сторонниками мирной трансформации Российского самодержавного государства в правовое. Однако многие либеральные политические деятели этого периода не всегда достаточно глубоко оценивали особенности исторической ситуации в стране и своей не всегда взвешенной публицистикой способствовали усилению социальной нетерпимости, что привело в итоге к революционным событиям, прекратившим либеральные процессы в стране на многие десятилетия [31].

Интерес к проблемам становления российского конституционализма сохраняется и сегодня. В понимании исторической логики развития различных подходов к Основному закону коренится и понимание развития русского либерализма как общественно-правового движения, направленного на создание гражданского общества и основанного на соблюдении прав всех его членов [32]. Различные подходы к пониманию источника формирования российского конституционализма можно сгруппировать вокруг двух точек зрения. Согласно первой в России идеи конституционализма не были заимствованы с Запада, они имеют свои давние традиции, уходящие корнями в глубь веков [33, с. 4]. Вторая точка зрения предполагает, что для большинства государств, в том числе и России, конституционализм может иметь только заимствованное происхождение [34, с. 9]. Истина, как правило, между полярными мнениями.

Список литературы

1. Денильханов А.Х. Восток-Запад: социальная турбулентность // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2023. № 1. URL: <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-1-1242> (дата обращения: 07.11.2025).
2. Гобсон Дж. Эволюция современного капитализма: Эволюция современного капитализма. С предисл. авт., напис. для этого изд.: Пер. с англ. / Гобсон. Санкт-Петербург: О.Н. Попова, 1898. [2], VIII, 424 с.: карт., табл., диагр.: 21 (Экономическая библиотека).
3. Hobhouse L.T. Liberalism. Williams & Norgate. London. 1911. 256 p.
4. Röpke W. The social crisis of our time. The University of Chicago Press, Chicago 37. W.J. Gage & Co., Limited, Toronto 2B, Canada. 1950. 272 p.
5. Eucken W. The foundation of economics. History and Theory in the Analysis of Economic Reality. Translated by T.W. Hutchison. William Hodge and Company Limited. London. 1941. 362 p.
6. Beard Ch. A. An Economic Interpretation of The Constitution of The United States. New York. The Macmillan Company. 1962. 161 p.

7. Dewey J. Liberalism and social action. G.P. Putnam's Sons. New York. 1935. 93 p.
8. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1914 / А.А. Кизеветтер; [Вступ. ст. и коммент. М.Г. Вандалковской; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории]. Москва: Искусство, Б. г. (1997). 395, [1] с.
9. Мизес Л. Либерализм / Перевод с англ. и комм. А.В. Куряева. Международное издание. Москва; Челябинск: Социум, 2011. 496 с.
10. Милль Дж.С. Основания политической экономии Дж.С. Милля: Основания политической экономии Джона Стоарта Милля с портр. пер. 1859 г. / Пер. и примеч. Н.Г. Чернышевского. Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1909. VI, [2], 664 с.
11. Dewey J. Liberalism and social action. G.P. Putnam's Sons. New York. 1935. 93 p.
12. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 2-х т. Т. 1 / П.Н. Милюков; [сост., автор вступ. ст. и comment. Н.И. Канищева]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 904 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).
13. Селезнёва Л.И. Российский либерализм на рубеже 19–20 веков и европейская политическая традиция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ростовский ун-т. Москва, 1996. 46 с.
14. Кизеветтер А.А. Россия на рубеже XVIII и XIX столетий / Вступительные лекции профессоров Московского императорского университета: П.Г. Виноградова, А.А. Кизеветтера, А.А. Мануилова [и др.]. Москва: Костром. землячество при Моск. ун-те, 1909. 99 с.
15. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века / А. Корнилов. 2-е изд., [перераб.]. М., 1918. 3 т. Ч. 1. 1918. 283 с.
16. Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Общественные науки и современность.. 1993. № 3.
17. Егоров А.Н. Отечественная историография российского либерализма начала XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Егоров Андрей Николаевич; [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. Москва, 2010. 50 с.
18. Мамитова Н.В. Либеральные концепции конституционного государства в России (конец XIX-начало XX веков). Автореф. дис. ... к.ю.н., Спец. 12.00.01 / Мамитова Н.В.; [Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. М. 1997. 22 с.
19. Ковалевский М. Политическая доктрина Франции прошлого столетия / Юридический вестник. 1892. № 11.
20. Пастиухов В.Б. У конституционной черты. Вызовы и ответы российского конституционализма // Полис. Политические исследования. 2013. № 1.
21. Зорькин В.Д. Муромцев: монография / В.Д. Зорькин. Москва: Юридическая литература, 1979. 128 с. (Из истории политической и правовой мысли).
22. Морозова Л.А. О политизации юридической науки // Конституционное право и политика [Текст]: сборник материалов Международной научной конференции, 28–30 марта 2012 года / Юридический факт. МГУ им. М.В. Ломоносова; отв. ред. Авакьян С.А. Москва: Юрист, 2012.
23. Пиругова Н.М. Земское либеральное движение [Текст]: Социальные корни и эволюция до начала XX века / Н.М. Пиругова; АН СССР. Ин-т истории СССР. Москва: Наука, 1977. 288 с.
24. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 528 с.

25. Попова А.В. Политико-правовые взгляды П.Н. Милюкова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Акад. упр. МВД РФ. Москва, 2004. 21 с.
26. Павлов С. Опыт первой революции: Россия, 1900–1907 / С.Б. Павлов. Москва: Акад. Проект, 2008. 654 с.
27. Шутов А.Ю. Земство и конституционализм // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, издательство Изд-во Моск. ун-та (М.). 2015. Т. 6. № 6.
28. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России / В.В. Шелохаев; Ассоц. «Рос. полит. энцикл.», Рос. независимый ин-т соц. и нац. проблем, Центр полит. и экон. истории России. М.: Россспэн, 1996. 277, [2] с.
29. Каменев Л.Б. Из истории русского либерализма / Л.Б. Каменев // О свободе: Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / РАН. Институт философии; Отв. ред. М.А. Абрамов. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
30. Акашкин И.А. Формирование политico-правовой доктрины российского либерализма во второй половине XIX – начале XX веков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Акашкин Игорь Алексеевич; [Место защиты: Соврем. гуманит. акад.]. Москва, 2009. 28 с.
31. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. 168 с.
32. Медушевский А.Н. Конституционные революции в России XX века: сравнительный анализ // Неприкосновенный запас. 2005, № 6(44).
33. Пархоменко А.Г. Идеи российского конституционализма и их реализация в отечественном конституционном (государственном) праве. М.: Молодая гвардия, 1998. 159 с.
34. Пастухов В.Б. Россия на конституционном перекрестке // Конституция как фактор социальных изменений: Сб. докладов. М.: Центр конституц. исслед. Моск. общ. науч. фонда. 1999.

Н.М. СИЗИКОВА

ЭВОЛЮЦИЯ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется эволюция пассивного избирательного права через анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации, выделяются три ключевых этапа его развития. Первый этап (1991–1999 гг.) характеризуется максимальными политическими свободами, второй (2000–2019 гг.) – ужесточением требований к кандидатам и введением избирательных цензов, а третий (2020 г. – настоящее время) – либерализацией законодательства и цифровизацией избирательных процессов. Особое внимание уделяется роли Конституционного Суда в формировании правовых позиций, обеспечивающих баланс между публичными интересами и защитой избирательных прав граждан. Автор подчеркивает, что, несмотря на расширение возможностей для участия в выборах, сохраняются обоснованные ограничения, направленные на поддержание стабильности политической системы.

Ключевые слова: выборы, пассивное избирательное право, этапы развития избирательного законодательства, защита избирательных прав граждан, решения Конституционного Суда Российской Федерации.

THE EVOLUTION OF PASSIVE SUFFRAGE THROUGH THE PRISM OF THE DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article examines the evolution of passive suffrage in Russia through an analysis of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, highlighting three key stages of its development. The first stage (1991–1999) is characterized by maximum political freedoms, the second (2000–2019) is the tightening of requirements for candidates and the introduction of electoral qualifications, and the third (2020 – present time) is the liberalization of legislation and digitalization of electoral processes. Special attention is paid to the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in shaping legal positions that ensure a balance between public interests and the protection of citizens' electoral rights. The author emphasizes that, despite the expansion of opportunities for

---

СИЗИКОВА Наталья Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева», г. Москва

participation in elections, reasonable restrictions remain aimed at maintaining the stability of the political system.

Keywords: *elections, passive suffrage, stages of development of electoral legislation, protection of citizens' electoral rights, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.*

Пассивное избирательное право — это право граждан быть избранными в органы публичной власти. Оно является одним из ключевых элементов демократического государства и отражает уровень развития гражданского общества и политической культуры в стране. Поэтому в высших конституционных актах государства всегда можно найти нормы о том, какие органы являются выборными, кто может их избирать, и кто может быть избранным. В Конституции Российской Федерации (далее — Конституция, Основной закон) шесть статей посвящены выборам в России¹. Статья 3 устанавливает, что выборы — это непосредственное выражение власти народа. Статья 32 является основной статьей, раскрывающей активное и пассивное субъективное избирательное право гражданина. Статья 81 частично определяет условия проведения выборов Президента Российской Федерации: устанавливаются требования и ограничения к кандидатам, периодичность проведения выборов. В статьях 96 и 97 в общей форме определяются условия проведения выборов депутатов Государственной Думы: периодичность проведения выборов, требования к кандидатам на должность депутата. В статье 130 говорится о выборах, как о способе осуществления населением местного самоуправления.

Много или мало конституционных норм, регулирующих проведение выборов в Российской Федерации, — вопрос открытый. В конституциях РСФСР 1925, 1937 и 1978 годов были предусмотрены главы об избирательной системе РСФСР. Фрагментарная регламентация выборов в современной Конституции дополняется обширным федеральным законодательством и решениями Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд).

* * *

Исторически пассивное избирательное право формировалось постепенно и претерпевало значительные изменения под влиянием социально-экономических и политических факторов. В разных странах и в разные исторические периоды существовали различные ограничения и цензы для реализации пассивного избирательного права. Неоспоримым фактом является то, что избирательные права «прорастают» из демократии, основы которой были заложены еще в Древнем мире [1, с. 15].

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (ред. от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

В древности в Афинах и Риме существовали элементы выборности должностных лиц, однако они были ограничены узким кругом лиц и не распространялись на широкие слои населения. Например, на должность архонта в Афинах мог претендовать гражданин, обладающий высоким социальным статусом и определенным имущественным цензом. Обычно это были представители аристократии или зажиточные граждане.

В Древнем Риме существовали различные выборные должности, среди которых можно выделить консулов, преторов, народных трибунов, квесторов и так далее. Консулами и преторами могли стать представители аристократии (патриции) или плебейских семей, достигшие определенного возраста и имеющие соответствующие заслуги и репутацию. Квесторами могли стать мужчины из патрицианских и плебейских семей, имеющие соответствующее образование и возраст. Квестура была одной из первых ступеней в последовательности должностей, которые вели к высшим государственным постам.

Римская империя отличалась сложным государственным управлением с выборными и назначаемыми должностями. Здесь требования к кандидатам на различные посты со временем усложнялись, должности менялись, но сам институт выборов функционировал беспрерывно.

Выборы не переставали существовать и в последующую эпоху. В Средние века церковь играла значительную роль в жизни общества, оказывая влияние на политические, социальные и культурные процессы. Отношения между церковью и светской властью определяли политику государств. Пассивное избирательное право оставалось доступным преимущественно представителям высших сословий. Но выборная система была допущена даже в духовную сферу, — в некоторых церковных структурах могли проводиться выборы для избрания епископов и других высших духовных лиц. В частности, конclave представлял собой закрытое собрание кардиналов по выборам папы римского (папой может быть выбран любой мужчина-католик; с 1378 года папы избираются из среды кардиналов).

После буржуазных революций и формирования государств в XVIII–XIX веках началось активное расширение пассивного избирательного права. В результате революционных событий и реформ были отменены частично имущественные и сословные цензы, что позволило большему числу граждан участвовать в выборах. В Великобритании после принятия Великой избирательной реформы 1832 года значительно увеличилось число избирателей и было расширено пассивное избирательное право, хотя женщины и представители рабочего класса всё еще были лишены права голоса². В Европе женщины получили право голоса и, соответственно, возможность баллотироваться на выборные должности после Второй мировой войны, хотя формально это право было закреплено конституционно позже. В США после

² The Statutes of the United Kingdom of Great Britain..., Volume 72; Volume 1225. Great Britain. His Majesty's statute and law Printers, 1832. 2 & 3 Will. 4. P. 45. URL: <https://lawcat.berkeley.edu/record/56585>.

Гражданской войны и принятия XIV и XV поправок к Конституции³ были отменены ограничения на основе расы и рабского прошлого, что позволило афроамериканцам участвовать в выборах.

В XX веке процесс расширения пассивного избирательного права продолжился. В большинстве стран были отменены ограничения по полу, возрасту и другим критериям. В России после Февральской революции 1917 года было введено всеобщее избирательное право для всех граждан старше 20 лет, включая женщин⁴. Однако эти права неоднократно ограничивались в разные исторические периоды.

Важным этапом в развитии пассивного избирательного права стало принятие ООН Всеобщей декларации прав человека в 1948 году⁵, провозгласившей право каждого человека на участие в управлении своей страной. Это стало дополнительным стимулом для расширения пассивного избирательного права во многих странах.

Как видно, требования к реализации пассивного избирательного права были всегда выше, чем условия применения активного избирательного права, поэтому существовал орган, который контролировал соблюдение правил проведения выборов. В Древнем Риме за проведением выборов следили специальные должностные лица — магистраты. В XVIII–XIX веках данную функцию выполняли различные органы и лица в зависимости от страны и политической системы. В большинстве государств контроль за выборами осуществляли государственные службы, местные администрации и полиция. В некоторых странах стали создаваться специальные избирательные комиссии, которые следили за соблюдением процедур и подсчетом голосов.

* * *

В Российской империи первые избирательные комиссии в современном понимании начали появляться после издания Манифеста 17 октября 1905 года, положившего начало формированию Государственной Думы и изменениям в избирательном праве.

В статье 68 Конституции РСФСР 1918 года появилось положение о том, что в тех случаях, когда присутствие представителя Советской власти оказывается технически невозможным, его заменяет председатель избирательной комиссии.

Избирательные комиссии сегодня играют ключевую роль в проведении выборов. Они отвечают за организацию и проведение всех этапов избирательного процесса, включая подготовку, проведение голосования и подсчет голосов.

---

³ Constitution of the United States. URL: <https://constitution.congress.gov/constitution>.

⁴ Ст. 64. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // «СУ РСФСР», 1918, № 51, ст. 582. СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Ст. 21. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 5 апр. № 67.

Вот основные функции избирательных комиссий⁶: организация выборов, информирование избирателей, обеспечение соблюдения избирательных прав граждан, проведение голосования, подсчет голосов и установление результатов выборов, работа с жалобами и обращениями.

Таким образом, избирательные комиссии обеспечивают легитимность и прозрачность выборов, защищая права граждан на участие в голосовании и свободное волеизъявление. Но что делать, если кандидаты (политические партии) недовольны решениями избирательных комиссий, а избирательные комиссии, в свою очередь, часто являются заявителями по административным делам, касающимся нарушения избирательных прав граждан, где другой стороной в споре (ответчиком) выступают кандидаты (политические партии) на выборные должности. Подобные споры между двумя участниками избирательного процесса решаются в суде.

Суды общей юрисдикции рассматривают дела⁷, связанные с нарушениями избирательных процедур, признанием недействительными решений избирательных комиссий, жалобами на действия (или бездействие) участников избирательного процесса и другими вопросами, возникающими в ходе выборов [2].

Конституционный Суд играет важную роль в обеспечении соблюдения конституционных норм и принципов в процессе организации и проведения выборов. В частности, он может проверять соответствие законов и иных нормативных актов о выборах Конституции, рассматривать жалобы граждан и политических партий на нарушения конституционных прав и свобод в ходе выборов, давать толкования конституционных положений, которые могут быть применимы к избирательному процессу⁸. Ежегодно Конституционный Суд принимает около 15–20 решений⁹ (постановлений и определений) по вопросам выборов и избирательных прав граждан.

* * *

Проанализируем основополагающие решения Конституционного Суда, предопределившие циклическое формирование норм избирательного права за более чем 30 лет развития российского государства. Условно разделим период с 1991 года – года образования государства Российской Федерации – до сегодняшнего дня на три этапа.

Первый этап (1991–1999 годы – время максимальных политических свобод для кандидатов и политических партий). В начале 1990-х годов в России

⁶ Ст. 20. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 15 июня. № 106.

⁷ Ст. 5.1–5.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек. № 256.

⁸ Ст. 3. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 1994. 23 июля. № 138–139.

⁹ СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/>.

происходило активное формирование новых государственных институтов и правовой системы после распада Советского Союза. В 1993 году была принята Конституция Российской Федерации, которая закрепила принципы демократического государства, включая *свободные выборы и многопартийность*. Предшествующее принятию Конституции Постановление Конституционного Суда от 30.11.1992 № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79 „О приостановлении деятельности коммунистической партии РСФСР“, от 25 августа 1991 г. № 90 „Об имуществе КПСС и коммунистической партии РСФСР“ и от 6 ноября 1991 г. № 169 „О деятельности КПСС и КП РСФСР“, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР»¹⁰ стало знаковым для формирования демократического государства и гарантировало всем гражданам, политическим партиям, другим общественным объединениям, действующим в рамках Основного закона, равные правовые возможности участвовать в управлении государственными и общественными делами. 12 декабря 1993 года в выборах депутатов Государственной Думы первого созыва приняли участие 13 партий. 17 декабря 1995 года в выборах депутатов второго созыва участвовали уже 43 политические партии¹¹.

Принимаются законы, регулирующие порядок проведения выборов Президента, депутатов Государственной Думы, а также выборов в органы власти субъектов Российской Федерации. В Постановлении от 3 ноября 1997 года¹² Конституционный Суд изложил правовую позицию, согласно которой если субъект Федерации не принял закон по вопросу осуществления избирательных прав граждан и об их праве участвовать в осуществлении государственной власти и местного самоуправления, отнесенному к совместной компетенции статьи 72 (п. «н» ч. 1) и статьи 76 (ч. 2) Конституции, то федеральный законодатель в случае необходимости сам может осуществить правовое регулирование. Такое регулирование посредством федерального закона осуществляется в целях реализации конституционных положений о прямом действии, высшей юридической силе и применении на всей территории Российской Федерации конституционных норм. Сегодня действуют 16 избирательных кодексов в субъектах Федерации, в остальных – законы.

Были определены основные принципы и процедуры проведения выборов. *Избирательные комиссии стали формироваться на основе принципа широкого представительства*. Теперь в их состав должны входить представители органов публичной власти в соответствии с принципом разделения властей, различных политических партий, общественных организаций и граждан для обеспечения интересов всего общества. Определения Конституционного Суда

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.11.1992 № 9-П // Собрание законодательства РФ, 18.03.1993, № 11, ст. 400.

¹¹ Электоральная география. URL: <https://www.electoralgeography.com/ru/countries/r/russia/>.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 03.11.1997 № 15-П / Собрание законодательства РФ, 10.11.1997, № 45, ст. 5241.

показывают, что «чувство» неравного представительства в избирательных комиссиях различных уровней было частой причиной обращений в орган конституционной юстиции¹³.

Были закреплены права граждан на участие в выборах, включая право быть избранным (пассивное избирательное право), *право на доступ к информации о кандидатах и происходящих избирательных процессах*. Федеральный закон от 06.12.1994 № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации»¹⁴ закрепил, что кандидат может быть выдвинут различными избирательными объединениями, допускались избирательные блоки (ст. 18). Согласно статье 32 Федерального закона от 19.09.1997 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁵ кандидат мог быть одновременно зарегистрирован на одних и тех же выборах в одномандатном избирательном округе и в списке кандидатов от политической партии (избирательного объединения). По данному закону с 1999 года допускалась регистрация кандидатов по избирательному залогу (ст. 32).

Расширение избирательных прав граждан позволило большему числу граждан участвовать в выборах различных уровней власти. Ограничения, связанные с политической лояльностью, так называемый социальный ценз для лиц, считавшихся политически неблагонадежными или не разделявших официальную идеологию КПСС, были сняты. Избирательные свободы были расширены по максимуму. Каждое решение Конституционного Суда по вопросам избирательных прав граждан ссылалось на принципы всеобщего и равного избирательного права, соблюдение которых является необходимым условием свободных выборов¹⁶.

Однако предоставление максимальных политических свобод гражданам на выборах обернулось большим количеством «грязных» «серых» избирательных технологий: теневое финансирование избирательных кампаний неучтенными наличными деньгами, использование административного ресурса кандидатами-чиновниками, давление на участников избирательного процесса, использование СМИ для скрытой рекламы и агитации, скрытая агитация в день выборов, кандидаты-двойники и так далее. Манипулирование общественным мнением привело к недоверию со стороны избирателей к кандидатам, политическим институтам и процессам после периода перемен,

¹³ Определения Конституционного Суда от 27.09.1995 № 48-О; от 06.11.1998 № 151-О; от 05.11.1999 № 166-О.

¹⁴ Федеральный закон от 06.12.1994 № 56-ФЗ (ред. от 26.11.1996) «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 12.12.1994, № 33, ст. 3406 (утратил силу).

¹⁵ Федеральный закон от 19.09.1997 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 22.09.1997, № 38, ст. 4339 (утратил силу).

¹⁶ Постановления Конституционного Суда от 10.07.1995 № 9-П, от 01.02.1996 № 3-П, от 30.04.1997 № 7-П; от 24.06.1997 № 9-П, от 17.11.1998 № 26-П и др.; Определения КС РФ от 20.11.1995 № 77-О, от 04.11.1996 № 91-О, от 05.11.1998 № 169-О, от 09.12.1999 № 203-О и др.

а в качестве закономерного итога выступил абсентеизм, то есть значительная часть граждан стала избегать участия в выборах.

Второй этап (2000–2019 годы – введение избирательных цензов и дополнительных ограничений пассивного избирательного права). В 2000 году в стране начались процессы централизации власти, направленные на защиту суверенитета Российского государства. Это отразилось и на избирательном законодательстве, в частности, на ужесточении требований к кандидатам на выборные должности и на правилах проведения выборов.

Были установлены более *строгие требования к кандидатам на выборные должности*. Это касалось гражданства, места жительства, судимости и других факторов. В 2005 году стал действовать запрет для граждан Российской Федерации, имеющих гражданство (подданство) иностранного государства либо вид на жительство, быть избранным в органы публичной власти. Немногим позже было запрещено финансирование избирательных кампаний кандидатов некоммерческими организациями, выполняющими функции иностранных агентов¹⁷. Появился так называемый «кriminalный ценз» – невозможность реализации права быть избранным в течение 5–10–15 лет после снятия или погашения судимости. Целью введенных ограничений была защита публичных интересов общества и предотвращение криминализации власти [3].

В Постановлении Конституционного Суда от 10.10.2013¹⁸ говорится, что «кriminalный ценз» никогда не указывается в приговоре суда в качестве меры наказания. Такое ограничение вводится федеральным законодателем в качестве особого конституционно-правового дисквалифицирующего препятствия для занятия выборных публичных должностей и сопряженного с повышенными репутационными требованиями к носителям публичной власти.

Политические партии стали играть более значимую роль в избирательном процессе. Были установлены *новые правила регистрации партий и участия в выборах*¹⁹, что способствовало консолидации политического пространства. В 2005 году было запрещено блокирование политических партий. С 2009 года только политические партии индивидуально и кандидаты-самовыдвиженцы имеют право участвовать в выборах на федеральном и региональном уровнях, за исключением местного уровня власти, где иное общественное объединение, устав которого предусматривает участие в выборах, может выдвигать своих кандидатов.

В 2002–2011 годах был установлен 7-процентный заградительный барьер для прохождения партий в законодательные органы власти. Это ограничивало

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 08.04.2014 № 10-П // Собрание законодательства РФ, 21.04.2014, № 16, ст. 1921.

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П // Собрание законодательства РФ, 28.10.2013, № 43, ст. 5622.

¹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 № 11-П // Собрание законодательства РФ, 23.07.2007, № 30, ст. 3989.

возможности для множества небольших партий и кандидатов участвовать в выборах и консолидировало политические силы в государстве. В 2011 году выборы в Государственную Думу прошли только по пропорциональной системе. 450 депутатов избирались по партийным спискам по единому федеральному округу, а затем депутатские мандаты распределялись пропорционально проценту набранных партиями голосов. Четыре партии преодолели заградительный барьер, заняли лидирующие позиции и до сих пор ихдерживают: «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» и ЛДПР.

Происходит *оптимизация избирательных процедур*. В законодательство были внесены изменения, направленные на ужесточение процедур выдвижения и агитации, что привело к многочисленным отказам в регистрации кандидатов избирательными комиссиями и последующим судебным разбирательствам. Так, с 2005 года сокращено количество недостоверных или недействительных подписей избирателей, при котором регистрация кандидатов не допускается — с 25 до 10 процентов. В связи с этим необходимо вспомнить Определение Конституционного Суда № 216-О, где сказано, что если сведения в подписном листе расходятся со сведениями, представленными в официальной справке уполномоченного государственного органа, который использует реестр избирателей ГАС «Выборы», то действует презумпция достоверности сведений, содержащихся в официальных справках компетентных государственных органов. Суд может осуществить повторную проверку подписей избирателей с учетом иных механизмов проверки сведений в подписных листах, но все это влечет большие временные затраты, что сокращает время следующей стадии избирательного процесса для конкретных кандидатов, то есть агитации.

С 2003 года была ограничена возможность СМИ давать комментарии по поводу возможностей избрания или неизбрания того или иного кандидата, то есть выражать свое позитивное или негативное отношение к одному из множества других кандидатов. В Постановлении Конституционного Суда № 15-П 2003 года²⁰ СМИ было запрещено быть субъектами агитационной деятельности; они должны освещать избирательные кампании справедливым, сбалансированным и беспристрастным образом для всех кандидатов. С 2005 года сокращается возможность голосования и агитации «против всех». Конституционный Суд в Постановлении № 10-П 2005 года²¹ обосновал конституционность и целесообразность такого запрета непрозрачностью финансирования таких действий. Избирательные фонды кандидатов создаются для реализации своего избирательного права, а не «за» или «против»

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П // Собрание законодательства РФ, 03.11.2003, № 44, ст. 4358.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 № 10-П // Собрание законодательства РФ, 21.11.2005, № 47, ст. 4968.

всех кандидатов. СМИ и «серые» финансовые схемы были выведены из «грязных» избирательных технологий.

Внесенные законодательные изменения в процедуру реализации пассивного избирательного права граждан преследовали цель снизить издержки выборного процесса, количество административных нарушений и уголовных преступлений, но в итоге привели к затянувшимся административным и судебным спорам между кандидатами и избирательными комиссиями, которые по срокам выходили за пределы избирательных кампаний. В итоге только Конституционный Суд мог поставить точку в спорных вопросах избирательного права. Но, как он неоднократно утверждал, выявление Судом конституционно-правового смысла избирательного законодательства не затрагивает результатов прошедших выборов и не может служить основанием для их пересмотра²². Вопрос о том, как защитить пассивное избирательное право кандидата в период проведения избирательной кампании, а не после ее завершения, остался открытым.

Третий этап (2020 год – по настоящее время: расширение возможностей граждан выдвигаться кандидатами на выборах, либерализация избирательного законодательства). На рубеже 2010-х и 2020-х годов активно развиваются избирательные технологии, включая использование федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» для сбора подписей в поддержку кандидатов при проведении выборов в органы государственной власти субъекта Российской Федерации в электронном виде²³, дистанционных электронных систем голосования и подсчета голосов.

В отношении реализации пассивного избирательного права это значимый шаг, позволяющий на этапе выдвижения и регистрации кандидатов с «электронной» точностью определить безусловную поддержку избирателями того или иного кандидата. Здесь можно согласиться с мнением заместителя председателя Избирательной комиссии Брянской области Е.А. Фурса: «Механизм исключает формальности, гарантируя отсутствие технических ошибок и достоверность подписи при соблюдении процедуры» [4, с. 34]. Пока не более 50 процентов подписей избирателей в поддержку кандидата может быть собрано в электронной форме. В целом, на наш взгляд, цифровизация избирательных процедур помогла повысить точность и надежность результатов выборов.

Залог прозрачности и честности выборов – презумпция гласности и открытости работы избирательных комиссий. Избирательные комиссии

²² Постановления Конституционный Суд РФ от 25.04.2000 № 7-П; от 13.04.2017 № 11-П; от 23.10.2020 № 43-П и т.д.

²³ Федеральным законом от 23.05.2020 № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения в ст. 37 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

должны вовремя, не позднее чем за три дня до дня заседания избирательной комиссии, сообщать об изменениях, выявленных неточностях (ошибках) в документах на регистрацию кандидатов (за исключением подписных листов), чтобы предоставить кандидатам возможность исправить их в разумные сроки, не позднее чем за один день до дня заседания избирательной комиссии. Пункт 1.1 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» долгое время игнорировался. Поэтому выявление конституционно-правового смысла этой нормы избирательного законодательства в Постановлении Конституционного Суда от 12.03.2021 года № 6-П²⁴ позволило пресечь дальнейшее ненадлежащее исполнение избирательными комиссиями своих обязанностей. Понимание безусловности обязанности избирательной комиссии сообщать за три дня о выявленных недочетах нейтрализует возможную практику выборочного исполнения членами избирательных комиссий своей обязанности, в том числе в зависимости от их политических, административных и иных предпочтений.

Гласность и открытость работы избирательных комиссий также выражается в *возможности всестороннего наблюдения за ходом выборов*. Наблюдатель от избирательного объединения или кандидата на выборах не являетсяносителем самостоятельных интересов, связанных с реализацией права быть избранным в органы государственной власти. Это вторичный участник избирательного процесса, но он вступает в него в качестве представителя интересов кандидата, избирательного объединения. В 2022 году количество наблюдателей от одного кандидата или избирательного объединения на одном избирательном участке было расширено до трех человек²⁵.

Но обращения в Конституционный Суд по поводу всё большего расширения прав наблюдателей не перестают поступать: разрешить быть наблюдателем лицу, не обладающему активным избирательным правом на территории конкретного субъекта Российской Федерации²⁶; знакомиться со списками избирателей без ограничения времени и формы ознакомления²⁷; наделить наблюдателя правом производить в помещении для голосования фото- и (или) видеосъемку²⁸ и так далее.

Все проанализированные определения носят отказной характер в принятии к рассмотрению жалоб, поскольку они не отвечают требованиям допустимости. Гарантируя права и свободы человека и гражданина, включая

²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2021 № 6-П // Собрание законодательства РФ, 22.03.2021, № 12, ст. 2131.

²⁵ Федеральным законом от 14.03.2022 № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения в ст. 30 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

²⁶ Определение КС РФ от 21.07.2022 № 1747-О.

²⁷ Определение КС РФ от 25.06.2024 № 1729-О.

²⁸ Определение КС РФ от 21.07.2022 № 1721-О.

наблюдателей, государство одновременно вправе устанавливать в федеральном избирательном законодательстве ограничения прав и свобод в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции).

Расширяется *вариативность поведения политических партий*. В 2015 году произошло возвращение к смешанной избирательной системе при выборах в Государственную Думу. Это расширило возможности граждан реализовать пассивное избирательное право в пределах многомандатного и одномандатного избирательных округов. После 2020 года было принято три значимых постановления Конституционного Суда по статусу политических партий во время выборов.

В Постановлении № 31-П от 07.06.2023²⁹ еще раз подтверждена возможность политической партии исправлять неточности (ошибки), выявленные избирательной комиссией в документах на регистрацию списков кандидатов. Нельзя исключать всех кандидатов из списка политической партии, представленного в избирательную комиссию на регистрацию, если ошибка была допущена только в персональных (идентификационных) данных одного кандидата. Всегда должна быть возможность исправить допущенную неточность (ошибку).

Постановление № 23-П от 17.05.2024³⁰ затрагивает вопрос порядка сбора подписей политической партией. Нельзя собирать подписи в местах выдачи заработной платы, пенсий, пособий, стипендий, иных социальных выплат. Но, если это небольшое поселение, каких множество на территории Российской Федерации, помещение политической партии «исторически» находится на праве собственности в том же здании, где происходит выдача социальных выплат, с разными входами и выходами, то нет целенаправленного использования политической партией указанных мест для соответствующего сбора подписей. Главное, не допустить злоупотребления правом быть избранным и предотвратить электоральные преимущества в пользу одной политической партии.

В Постановлении № 12-П от 18.03.2025³¹ было подтверждено право руководителя регионального отделения политической партии, избранного в установленном порядке, заверять (подписывать) документы о выдвижении списка кандидатов до внесения в ЕГРЮЛ сведений о нем как о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица (политической партии). Политическая партия в первую очередь осуществляет

²⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2023 № 31-П // Собрание законодательства РФ, 19.06.2023, № 25, ст. 4668.

³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.2024 № 23-П // Собрание законодательства РФ, 27.05.2024, № 22, ст. 3037.

³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2025 № 12-П // Собрание законодательства РФ, 24.03.2025, № 12, ст. 1364.

публично-правовые действия, проводит открытые мероприятия по выдвижению кандидатов на выборах с обязательным уведомлением уполномоченных органов. Правовое регулирование государственной регистрации юридических лиц рассчитано в основном на определение участников имущественных отношений гражданско-правового характера, что вторично для целей деятельности политической партии.

Утверждается *приоритет судебных решений*. Судебные акты Конституционного Суда и судов общей юрисдикции имеют особую юридическую силу и обязательны для исполнения всеми участниками избирательного процесса. Этот незыблемый постулат обеспечивает соблюдение законности и защиту прав участников выборов, включая кандидатов и политические партии. В случае возникновения споров или нарушений в ходе избирательных кампаний процедур, судебные решения становятся основой для разрешения конфликтов и обеспечения справедливых выборов, главное, чтобы судебные решения были вынесены в рамках сроков избирательной кампании. Так, согласно правовой позиции Конституционного Суда, выраженной в Постановлении № 57-П от 13.12.2024³², расширяются права кандидатов на муниципальных выборах в рамках судебной защиты их пассивного избирательного права на этапе регистрации. Им не может быть отказано в рассмотрении вопроса об их регистрации, если они представили необходимые документы в окружную избирательную комиссию не позднее 5 дней (по общему правилу — 10 дней) до дня голосования после многочисленных подчас противоречивых решений в различных судебных инстанциях. Судебная защита не должна быть бессмысленной! Судебные решения должны быть исполнены, что гарантирует эффективность судебной защиты избирательных прав граждан.

Решения Конституционного Суда могут устанавливать правовые позиции, которые в дальнейшем будут применяться при проведении федеральных, региональных и муниципальных выборов при рассмотрении аналогичных дел³³. Они позитивно влияют на формирование практики в избирательных правоотношениях, повышают доверие к закону и действиям государства (избирательным комиссиям), способствуют правовой определенности статуса кандидата, а также предопределяют предсказуемость правового регулирования для всех участников избирательного процесса. Это важно для единообразного применения законодательства и защиты прав участников выборов.

³² Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2024 № 57-П // Собрание законодательства РФ, 23.12.2024, № 52, ст. 8483.

³³ На момент написания статьи не были внесены соответствующие изменения в избирательное законодательство. Абз. 2 п. 1 и п. 18 ст. 38 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» были признаны не соответствующими Конституции Постановлением Конституционного Суда от 13.12.2024 № 57-П. (23.07.2025)

* * *

Совершенствование избирательного законодательства было и остается одним из ключевых направлений развития Российской Федерации. Ежегодные изменения в федеральное и региональное избирательное законодательство расширяют доступность информации о ходе выборов в рамках работы избирательных комиссий, позволяют избегать многочисленных судебных разбирательств и повышают эффективность избирательных процедур. Избирательные комиссии должны быть готовы отвечать на вопросы граждан, кандидатов, политических партий и представителей СМИ о ходе выборов и принятых решениях. Все этапы работы избирательных комиссий, от регистрации кандидатов до подсчета голосов, должны быть максимально прозрачными и понятными для всех.

Однако стоит учитывать, что в любой избирательной системе существуют и остаются значимыми ограничения и цензы пассивного избирательного права (по возрасту, дееспособности, наличию и характеру правовой связи с иностранным государством и т.д.). Обоснованные конституционные ограничения прав и свобод граждан способствуют сохранению баланса публичных и частных интересов на выборах. Кандидаты и политические партии в ходе выборов участвуют в организации и работе публичной (политической) власти [5] и являются частью властных отношений. При этом выдвигая своих кандидатов в рамках функционирования гражданского общества, они же выступают как важный элемент правовой демократии. Тем самым обеспечивается стабильность и целостность политической системы Российской Федерации.

Список литературы

1. Маркина Л.Л. Конституционно-правовая природа избирательного права и ее интерпретация в современной юридической доктрине // Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 2(36).
2. Колюшин Е.И. Формализм и реализм в действии избирательного права глазами Верховного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 1.
3. Ахременко А.С. Криминальный ценз как основание для ограничения пассивного избирательного права // Российский юридический журнал. 2025. № 1.
4. Фурса Е.А. Признание недостоверной и (или) недействительной подписи избирателя, проставленной с использованием ЕПГУ: практика и ответственность // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 10.
5. Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия, свободные выборы и избирательные права граждан (краткий очерк доктрины Конституционного Суда России) // Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2008–2012. Т. 3. М.: Гриф и К, 2013.

У.Б. БАЙХАНОВ

ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ ДЛЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье речь идет о практике предоставления субъектам Российской Федерации права законодательной инициативы в различных институциональных конфигурациях. Цель статьи – выявить системные проблемы закрепления в данном вопросе и предложить механизмы их решения. Анализируются конституционно-правовые основы исследуемой проблемы и особенности их реализации на региональном уровне. Особое внимание уделяется вопросу отсутствия единого подхода к определению субъектов законодательной инициативы в уставах и конституциях регионов. Сделан вывод о необходимости выработки федеральных стандартов правотворческого участия региональных органов публичной власти в целях повышения согласованности законодательного процесса.

Ключевые слова: законодательная инициатива, субъекты Российской Федерации, законотворчество, устав, конституция, региональное управление, институты власти.

CHALLENGES OF GRANTING LEGISLATIVE INITIATIVE RIGHTS TO ELECTORAL COMMISSIONS IN RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article is devoted to the study of the practice of granting the subjects of the Russian Federation the right of legislative initiative in various institutional configurations. The purpose of the article is to identify the systemic problems of consolidation in this issue and to propose mechanisms for their solution. The constitutional and legal foundations of the problem under study and the features of their implementation at the regional level are analyzed. Particular attention is paid to the issue of the lack of a uniform approach to the definition of the subjects of legislative initiative in the charters and constitutions of the regions. The conclusion is made about the need to develop federal standards for the law-making participation of regional public authorities in order to increase the consistency of the legislative process.

Keywords: legislative initiative, constituent entities of the Russian Federation, lawmaking, regulation, constitution, regional governance, institutions of power.

БАЙХАНОВ Умар Баутдинович — председатель избирательной комиссии Чеченской Республики, г. Грозный

Конституция Российской Федерации закрепляет федеративное устройство государства, предполагающее самостоятельность субъектов Федерации в пределах их компетенции, включая законодательную деятельность¹. Одним из центральных механизмов участия региональных органов власти в правотворчестве является право законодательной инициативы. Избирательные комиссии субъектов Федерации играют особую роль в процессе законотворчества в области регулирования выборов и референдумов. Благодаря накопленному опыту и профессиональной экспертизе, они могут формировать инициативы, способные оперативно устранить пробелы в действующем праве. В условиях динамичных изменений федерального законодательства роль избирательных комиссий в поддержании актуальности региональных избирательных норм возрастает. Наделение их правом законодательной инициативы представляется логичным и функционально оправданным [1, с. 95–101].

* * *

В сравнительно-правовом аспекте институт законодательной инициативы избирательных комиссий в зарубежных государствах демонстрирует значительную вариативность. В большинстве стран избирательные комиссии не наделены прямым правом внесения законопроектов в парламент, однако их участие в нормотворческом процессе реализуется через консультативные и экспертные механизмы.

Федеральная избирательная комиссия (Federal Election Commission, FEC) в США формально не обладает правом законодательной инициативы, однако в соответствии с Federal Election Campaign Act уполномочена представлять Конгрессу рекомендации по совершенствованию избирательного законодательства [2].

Избирательная комиссия (Electoral Commission) в Великобритании выполняет функции консультативного органа, участвуя в разработке реформ на основании Political Parties, Elections and Referendums Act 2000. Ее заключения учитываются парламентом и правительством при внесении изменений в избирательное право [3, с. 47–53].

Федеральный избирательный комитет (Bundeswahlleiter) в Германии не обладает правом законодательной инициативы, но привлекается Бундестагом к экспертизе законопроектов, затрагивающих избирательные процедуры [4, р. 195–207].

Согласно позиции Венецианской комиссии Совета Европы независимость избирательных органов является ключевым условием их эффективности, однако прямое право законодательной инициативы не относится к обязательным элементам их компетенции. Вместо этого рекомендованы

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (в ред. от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

механизмы косвенного влияния через экспертные заключения и публичные отчеты [5]. Таким образом, зарубежный опыт свидетельствует о преобладании модели, при которой избирательные комиссии участвуют в законодательном процессе опосредованно, что обеспечивает баланс между их независимостью и взаимодействием с законодательной властью.

* * *

Несмотря на значительное развитие института избирательных комиссий за последние десятилетия, в практике российского федерализма сохраняется высокая степень фрагментарности в подходах к его правовому оформлению и реализации. На протяжении последних десятилетий институт законодательной инициативы в субъектах Федерации остается предметом устойчивого интереса научного сообщества [6]. Однако парадоксально: чем дольше он существует, тем больше накапливается внутреннее напряжение в его правоприменительной практике. Формально, всё кажется выстроенным — Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»² (далее — Федеральный закон 414-ФЗ), региональные уставы и конституции. Но за внешней правовой архитектурой скрываются существенные институциональные разрывы, проявляющиеся в неоднородности, а порой — и в правовой инерции.

Особенно остро эта проблема просматривается в вопросе наделения правом законодательной инициативы избирательных комиссий субъектов Федерации, которые представляют собой особый институт, функционирующий на стыке нормативного регулирования и организационной практики, что придает участию комиссий в правотворческом процессе комплексный и междисциплинарный характер. Их экспертный и организационный потенциал высоко оценен в теории и подтвержден практикой. Тем не менее как показывает анализ регионального законодательства, далеко не все субъекты Федерации признают их носителями инициативного права. Этот факт требует не только описания, но и оценки, которую зачастую предпочитают обходить стороной [1].

* * *

Согласно концептуальному подходу Е.В. Истоминова, изложенному им еще в 2007 году, «участие избирательных комиссий в региональном правотворчестве — это эффективное средство обеспечения гарантий избирательных прав граждан» [7, с. 65–68]. Автор подчеркивает, что включение комиссий в перечень субъектов законодательной инициативы способствует институциональной устойчивости выборной системы. Эта позиция, безусловно,

² Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27.12.2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.

обоснована, однако она представляется чересчур оптимистичной, особенно в свете последующего развития ситуации. В противовес данной позиции о безусловной пользе расширения круга субъектов инициативы ряд исследователей отмечают риски законодательной перегрузки и снижения качества законопроектов при отсутствии адекватных инициатив [8, с. 31–37].

Если в 2007 году существовали основания надеяться на «естественное» расширение инициативных полномочий, то сегодня, анализируя данные за 2020–2025 годы, подобный подход вызывает сомнения. Более того, как показывают отдельные исследования, тенденция оказывается не только не восходящей, но, напротив, частично регрессивной [9, с. 26–38]. Некоторые субъекты, ранее закреплявшие общее право законодательной инициативы за избирательными комиссиями, перешли к специальному подходу или вовсе отказались от института. Ситуация, по сути, демонстрирует институциональный рецидив, под которым понимается возврат к ограничительной практике после периода расширения правовых возможностей.

Данная классификация, хоть и обладает высокой аналитической точностью, вызывает настороженность своей «нормализованностью». Разделение субъектов на группы по типам закрепления полномочий производит эффект описательной завершенности, в то время как сам предмет требует именно проблематизации [9, с. 26–38]. Возникает методологическое противоречие: органы, обладающие значительными полномочиями в сфере организации и контроля за выборами, фактически исключаются из процесса формирования нормативной базы, в пределах которой они обязаны функционировать. Такая ситуация не сочетается с принципом правовой определенности и снижает эффективность публичного управления в избирательной сфере [10, с. 95–101].

* * *

Избирательные комиссии сталкиваются с несовершенством правовой материи, — они фиксируют пробелы, испытывают нормативные коллизии, обобщают обращения граждан, проводят мониторинг. И первыми чувствуют, когда федеральная правовая «волна» докатывается до регионального «берега». Однако право реагировать закреплено не за ними, а за теми, кто может быть формально уполномочен, но институционально отстранен от практики [11, с. 36–38].

Наделение избирательных комиссий правом законодательной инициативы — не жест вежливости со стороны региональных парламентов, а условие эффективности всей избирательной системы в условиях правовой динамики. Особенно это важно в контексте постоянных изменений федерального законодательства, касающихся электоральных процедур, полномочий комиссий, новых цифровых форм голосования, финансирования избирательных кампаний [12]. Переадресация этой задачи другим органам власти создает бюрократические задержки и снижает правовую чувствительность. Существует необходимость в прямом, процедурно закрепленном канале

законодательного ответа, который должен брать свое начало в избирательной комиссии.

По данным обобщенного анализа уставов и конституций субъектов Федерации (на 2025 год), только 64 из 89 субъектов закрепляют за избирательными комиссиями и иными органами право законодательной инициативы. При этом характер предоставляемых полномочий варьируется. Термин «иные органы», употребленный в Федеральном законе 414-ФЗ, порождает многочисленные интерпретации. Юридическая неопределенность данной категории приводит к тому, что субъекты по-разному определяют круг участников законодательного процесса. Отсутствие единообразных подходов снижает предсказуемость правового регулирования и затрудняет выработку устойчивых механизмов законотворчества. Необходимым шагом в этом направлении становится принятие подзаконного акта или методических рекомендаций, разъясняющих статус и границы прав «иных органов» [13].

Основными препятствиями на пути к унификации являются: отсутствие федерального регламента, обязывающего закреплять перечень субъектов инициативы; политическая инертность региональных парламентов; правовая неустойчивость трактовок «иных органов» как субъектов инициативы; слабая активность гражданского общества в продвижении подобных норм [14].

Даже в регионах, где избирательные комиссии обладают правом законодательной инициативы, немалое значение имеет характер их взаимодействия с законодательными (представительными) органами. Важны как каналы коммуникации (рабочие группы, совместные заседания), так и институциональная культура диалога. Исследования показывают, что инициатива, не согласованная на предварительном этапе, имеет низкие шансы на принятие [15, с. 12–16]. Это делает необходимым выстраивание устойчивого механизма экспертной и законодательной кооперации между комиссиями и парламентариями.

Современные избирательные комиссии осуществляют не только организацию выборов, но и сбор, анализ и обобщение информации о проблемах правоприменения. Эти данные становятся основой для формирования предложений о корректировке законодательства. Регулярный мониторинг правовых коллизий, конфликтов норм и обращений граждан позволяет избирательным комиссиям формировать содержательные и обоснованные законодательные инициативы, базирующиеся на реальных потребностях избирательной системы.

Регионы, в которых право законодательной инициативы предоставлено лишь узкому кругу субъектов, демонстрируют меньшую правовую гибкость и способность к адаптации законодательства [8]. В таких субъектах законодательная политика носит реактивный характер, — инициативы поступают только в ответ на федеральные изменения или кризисы. Отсутствие активных субъектов инициативы затрудняет модернизацию правовой системы на региональном уровне и снижает доверие населения к органам власти.

В перспективе возможна нормативная легализация «цифровой инициативы» с применением современных технологий, что обеспечит подотчетность, прозрачность и быструю реакцию на общественные запросы [16, с. 14–16].

* * *

Национальные республики, входящие в состав Российской Федерации, в большинстве своем демонстрируют консервативный подход к институту законодательной инициативы. Причинами этого выступают как политико-культурные особенности, так и специфика традиционного права. Однако в условиях модернизации регионального управления сохранение ограничительного подхода к субъектам законодательной инициативы может тормозить интеграцию в общероссийское правовое поле и снижать эффективность правовой системы [10, с. 95–101].

Одной из проблем, препятствующих эффективному использованию законодательной инициативы, является декларативность нормы. Формальное закрепление права не сопровождается его практической реализацией. Для устранения этого разрыва необходимо создание процедурной инфраструктуры: регламентов взаимодействия, методических рекомендаций, цифровых платформ, позволяющих сопровождать инициативу от идеи до принятия закона [17, с. 41–45].

В контексте развития моделей «сервисного» и «партиципативного» государства концепция широкого круга субъектов законодательной инициативы соответствует современным принципам управления. Расширение института инициативы – не просто техническая задача, а вопрос повышения качества демократии и устойчивости регионального правового режима. Законодательная инициатива превращается в механизм коллективного участия в управлении, укрепляющий легитимность и эффективность государственной власти.

В контексте изложенного предлагаем следующие практические меры по унификации законодательства:

- включение избирательных комиссий субъектов Российской Федерации в минимальный перечень субъектов законодательной инициативы на уровне федерального закона;
- разработку методических рекомендаций, устанавливающих единые стандарты реализации законодательной инициативы, включая процедуры внесения, экспертной оценки и мониторинг рассмотрения инициатив;
- создание постоянно действующих рабочих групп при избирательных комиссиях субъектов Российской Федерации, ответственных за мониторинг правоприменительной практики и подготовку законодательных предложений;
- выработку единой терминологии для обозначения полномочий избирательных комиссий в праве законодательной инициативы.

Анализ регионального законодательства выявил значительную терминологическую разрозненность при определении полномочий избирательных комиссий субъектов Федерации в сфере законодательной инициативы.

В региональных конституциях и уставах используются различные формулировки: «по вопросам ведения»; «по вопросам избирательного законодательства»; «по вопросам организации и проведения выборов»; «по предмету ведения» и так далее. Подобная вариативность создает правовую неопределенность, усложняет унификацию законодательства и затрудняет реализацию инициатив на практике. В связи с этим предлагается закрепить в федеральном законодательстве единый термин, наиболее точно отражающий суть полномочий избирательных комиссий.

* * *

Проведенный анализ подтвердил гипотезу о фрагментарности регулирования. Разнообразие форм закрепления и реализации права законодательной инициативы в регионах России свидетельствует о продолжающемся институциональном неравенстве. При этом предоставление такого права органам публичной власти, особенно избирательным комиссиям, отвечает современным требованиям партисипативного управления.

Во-первых, отсутствие единых федеральных стандартов в определении круга субъектов законодательной инициативы приводит к правовой асимметрии между регионами. Если в одних субъектах Федерации избирательные комиссии обладают широкими инициативными полномочиями, то в других роль комиссий сводится к сугубо техническим функциям, что противоречит логике их экспертного потенциала. Подобный дисбаланс не только снижает эффективность регионального законотворчества, но и создает предпосылки для правового неравенства граждан в различных частях страны.

Во-вторых, наблюдается тенденция к рестриктивному, то есть ограничительному подходу в регулировании данного вопроса. Вместо расширения круга субъектов инициативы ряд регионов, напротив, ограничивает их перечень, что можно расценивать как институциональное отступление. Особенно тревожным представляется положение, при котором избирательные комиссии, являясь основными операторами избирательного процесса, оказываются лишены возможности напрямую влиять на формирование правовой базы, в рамках которой им предстоит работать. Это создает парадоксальную ситуацию, когда орган, наиболее осведомленный о пробелах и коллизиях в законодательстве о выборах, не имеет инструментов для их оперативного устранения.

В-третьих, проблема носит не только нормативный, но и процедурный характер. Даже в тех субъектах Федерации, где избирательные комиссии формально наделены правом законодательной инициативы, зачастую отсутствуют четкие механизмы ее реализации. Отсутствие

регламентированных каналов взаимодействия с законодательными органами, методических рекомендаций по подготовке инициатив, а также системы мониторинга их рассмотрения приводят к тому, что данное право остается декларативным. В результате инициативы либо не вносятся вовсе, либо блокируются на стадии предварительного обсуждения из-за отсутствияальной экспертной и политической поддержки.

В-четвертых, сравнительный анализ региональных практик показал, что наиболее эффективны модели, в которых право законодательной инициативы дополняется институтами постоянного взаимодействия между комиссиями и депутатским корпусом (рабочие группы, экспертные советы). Однако такие механизмы носят скорее исключительный, чем системный характер, а это указывает на необходимость их унификации на федеральном уровне.

В-пятых, динамика изменений федерального избирательного законодательства (введение цифровых форматов голосования, новых правил финансирования кампаний) требует от регионов повышенной правовой гибкости.

В этих условиях ограничение законодательной инициативы узким кругом субъектов снижает адаптивность правовой системы и увеличивает риски запаздывающего реагирования на вызовы.

Список литературы

- Чуров В.Е., Эбзеев Б.С. Демократия, свободные выборы и избирательные права граждан (краткий очерк доктрины Конституционного Суда России) / Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2008–2012. Т. 3. М.: Гриф и К, 2013.
- Sharpe R. The federal election commission: Background, issues and campaign finance oversight [«Федеральная избирательная комиссия: предыстория, проблемы и надзор за финансированием избирательных кампаний»] // Congressional Research Service. 2016. 28 р.
- Берлявский Л.Г. Трансформация избирательной системы Великобритании // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 4.
- Manow P. Electoral rules and legislative turnover: Evidence from Germany's mixed electoral system [«Избирательные правила и обновление законодательного корпуса: доказательства из смешанной избирательной системы Германии»] // West European Politics. 2007. Vol. 30. № 1.
- Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия). Кодекс добросовестной практики в избирательном праве [Электронный ресурс] // Совет Европы. 2002. CDL-AD (2002)023rev.
- Махашев Р.Ю. Активное избирательное право: понятие и содержание // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 7.
- Истоминов Е.В. К вопросу о реализации избирательными комиссиями субъектов Российской Федерации права законодательной инициативы в законодательные (представительные) органы субъектов Российской Федерации // Общество и право. 2007. № 4.

8. Перфильев В.В., Орлов К.А. Основные характеристики природы права: общетеоретический аспект // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3.
9. Юсубов Э.С., Туманян Г.В. Право законодательной инициативы избирательных комиссий субъектов РФ как механизм повышения эффективности законотворческого процесса // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 1.
10. Золотухина Т.А. О целесообразности расширения перечня субъектов права законотворческой инициативы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. № 10.
11. Бычкова Е.И. Теоретико-правовые вопросы законодательной инициативы граждан (на примере города Москвы) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6.
12. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М.: Юрид. лит., 2005.
13. Садовникова Г.Д. Представительные органы в Российской Федерации: проблемы исторической обусловленности, современного предназначения и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 498 с.
14. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный) / под ред. В.В. Комаровой. М.: ЮРКОМПАНИ, 2009.
15. Осавелюк А.М. Государственный режим как способ реализации формы правления: проблемы и перспективы // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 1(97).
16. Волкодаева Н.А. Субъекты права законодательной инициативы в субъектах Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 29.
17. Юсубов Э.С., Тищенко В.С. Достоинства и недостатки проекта кодекса о выборах и референдумах // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12.

А.А. ЕРЫГИН

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ФОРМЫ ВНУТРЕННЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В статье на основе анализа федерального и регионального законодательства выявляются формы взаимодействия законодательных органов субъектов Российской Федерации с представительными органами муниципальных образований в единой системе публичной власти. Отмечается повышение роли региональных законодательных органов в организации деятельности представительных органов, прогнозируется дальнейшее развитие и разнообразие форм взаимодействия рассматриваемых органов публичной власти.

Ключевые слова: субъект Российской Федерации, законодательный орган, местное самоуправление, представительный орган муниципального образования, формы взаимодействия.

PUBLIC POWER IN THE RUSSIAN FEDERATION – FORMS OF INTERNAL INTERACTION

Abstract. Based on the analysis of federal and regional legislation, the article identifies the forms of interaction between the legislative bodies of the constituent entities of the Russian Federation and the representative bodies of municipalities in a unified system of public authority. There is an increase in the role of regional legislative bodies in organizing the activities of representative bodies, further development and diversity of forms of interaction between the considered public authorities are predicted.

Keywords: subject of the Russian Federation, legislative body, local self-government, representative body of a municipality, forms of interaction.

Для организации и функционирования местного самоуправления принципиально важной является закрепленная в части 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации норма, согласно которой «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие

ЕРЫГИН Алексей Алексеевич — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат политических наук, доцент, г. Белгород

для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории»¹.

Следует иметь в виду, что в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 01.12.2015 № 30-П был сформулирован вывод о том, что при организации деятельности органов государственной власти и местного самоуправления «необходимо обеспечивать сотрудничество и взаимный учет интересов, согласованность действий между ними для достижения эффективного осуществления функций публичной власти»². Очевидно, что взаимодействие является одним из системообразующих принципов организации и функционирования публичной власти, образует конституционную основу взаимоотношений органов государственной власти и местного самоуправления. В исследованиях справедливо отмечается сложность взаимодействия рассматриваемых органов в ситуации «с одной стороны, — наличие прочных правовых управленческих связей между органами государственной власти и органами местного самоуправления, с другой, — наличие определенной самостоятельности органов местного самоуправления» [1, с. 46–47].

Обоснованным представляется мнение о том, что «конституционно признанное вхождение органов местного самоуправления в систему публичной власти предполагает функциональное единство в решении задач, имеющих общегосударственное значение» [2, с. 106], поэтому взаимодействие органов местного самоуправления осуществляется прежде всего с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, «причем наиболее важное значение в этом вопросе имеет взаимодействие исполнительных органов» [3, с. 27].

Однако отметим актуальность исследования и организационно-правового взаимодействия [4, с. 53] представительных органов местного самоуправления с региональными органами государственной власти, включая законодательные органы, которые в первую очередь осуществляют правовое регулирование в сфере местного самоуправления.

Возможность и необходимость взаимодействия региональных законодательных органов с органами местного самоуправления предусмотрена Федеральным законом от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 414-ФЗ), который прямо не называет формы

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (в ред. от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. 06.10.2022. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 03.10.2025).

² См. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П «По делу о проверке конституционности ч. 4, 5 и 5.1 ст. 35, ч. 2 и 3.1 ст. 36 Федерального закона „Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации“ и ч. 1.1 ст. 3 Закона Иркутской области „Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области“ // Официальный интернет-портал правовой информации. 04.12.2015. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201512040002> (дата обращения: 03.10.2025).

взаимодействия рассматриваемых органов, но к принципам деятельности региональных органов относит, в частности, «согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти на федеральном, региональном, муниципальном уровнях» (п. 6 ч. 1 ст. 2), «признание и гарантированность местного самоуправления, его самостоятельность»³ (п. 9 ч. 1 ст. 2).

В основные законы ряда российских регионов включены положения, предусматривающие необходимость взаимодействия государственных и муниципальных органов. Так, Конституция Республики Бурятия в части 2 статьи 6 обязывает органы государственной власти содействовать работе органов местного самоуправления, оказывать им помощь и осуществлять координацию их деятельности⁴. Конкретные формы взаимодействия законодательных органов субъектов Российской Федерации с органами местного самоуправления закрепляются в региональных законах, например, в законе от 27.12.2022 № 252 «О Белгородской областной Думе», законе от 01.03.2011 № 25-З «О Законодательном Собрании Нижегородской области», законе от 18.04.2023 № 34 «О Народном Собрании Республики Дагестан» и других.

Количество устанавливаемых организационных форм взаимодействия существенно различается: от двух в Белгородской области, трех в Дагестане и Красноярском крае, четырех в Нижегородской, шести в Кемеровской области – Кузбассе, до семи в Иркутской области. При этом отметим, что законы Удмуртии, Башкортостана, Мордовии, Краснодарского и Приморского краев, Воронежской, Тюменской, Омской и Челябинской областей вообще не содержат нормативных предписаний о взаимодействии законодательных органов с органами местного самоуправления, что, на наш взгляд, не способствует развитию сотрудничества между ними.

Наиболее тесное взаимодействие у законодательных органов, которые имеют ярко выраженную представительную природу [5, с. 17], складывается с представительными органами муниципальных образований. Широкое распространение получила практика учреждения при региональных парламентах консультативно-совещательных, координационных органов: совета представительных органов муниципальных образований (Дагестан, Кировская и Саратовская области), совета по взаимодействию с представительными органами муниципальных образований (Алтайский край, Иркутская и Новосибирская области, Кемеровская область – Кузбасс⁵),

³ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 21.12.2021. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=602663034> (дата обращения: 03.10.2025).

⁴ Конституция Республики Бурятия от 22.02.1994 (ред. от 09.07.2024) // Бурятия. 1994. 9 марта. № 43.

⁵ Постановление Законодательного Собрания Кемеровской области – Кузбасса от 26.03.2025 № 895 «О Совете по взаимодействию с представительными органами муниципальных образований при Законодательном Собрании Кемеровской области – Кузбасса» // СПС «КонсультантПлюс».

совета председателей представительных органов муниципальных образований при Законодательной Думе Хабаровского края.

* * *

Целью создания, например, совета в Алтайском крае провозглашается координация правотворческой деятельности представительных органов, обмен опытом работы, содействие законотворческой деятельности и укрепление партнерских отношений между Законодательным собранием и представительными органами⁶. Основными направлениями деятельности Совета при Законодательном собрании Кировской области являются, в частности: а) изучение, обобщение и распространение опыта и практики работы представительных органов; б) оказание методической помощи представительным органам путем подготовки рекомендаций по применению норм федеральных и областных законов; в) участие в разработке типовых (модельных) нормативных правовых актов представительных органов; г) обсуждение проектов федеральных и областных законов по вопросам местного самоуправления и подготовка замечаний и предложений по их доработке⁷.

Исследуемые советы отличаются по своему составу. Если в Новосибирской области в совет входят только председатель областного Законодательного собрания и руководители представительных органов всех муниципальных районов, муниципальных и городских округов, то в Алтайском крае помимо указанных должностных лиц членами совета являются заместитель председателя краевого Законодательного собрания и председатели постоянных комитетов регионального парламента.

Еще более широкое представительство в Кемеровской области — Кузбассе, где к работе совета подключаются руководители депутатских фракций и депутатских групп законодательного органа. В похожий состав совета, имеющегося в Иркутской области, входят также председатель Региональной общественной организации «Совет местного самоуправления», председатель и три представителя некоммерческой организации «Ассоциация муниципальных образований».

Не вполне типичным выглядит включение в совет в Кировской области министра внутренней политики области, где расширенный состав консультативно-совещательных и координационных органов с участием представителей исполнительной власти, возможно, будет обладать большим

---

⁶ Постановление Алтайского краевого Законодательного Собрания от 05.02.2019 № 28 «Об утверждении положения о Совете по взаимодействию Алтайского краевого Законодательного Собрания с представительными органами муниципальных образований». URL: <https://www.akzs.ru/activitys/council/polozhenie.php> (дата обращения: 01.10.2025).

⁷ Постановление Законодательного Собрания Кировской области от 18.11.2021 № 4/64 (ред. от 27.03.2025) «Об утверждении Положения о Совете представительных органов местного самоуправления при Законодательном Собрании Кировской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. 26.11.2021. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4300202111260005?ysclid=mi8ltbr0f8354184407> (дата обращения: 03.10.2025).

потенциалом при обсуждении проблем местного самоуправления и поиске их решения.

Взаимодействие законодательных органов субъектов Российской Федерации с представительными органами муниципальных образований осуществляется через советы, объединяющие молодых депутатов, как правило, в возрасте до 35 лет на день избрания (Костромская и Магаданская области, Краснодарский и Хабаровский края). Устанавливаются и иные возрастные цензы — в состав Совета молодых депутатов Ставропольского края входят депутаты краевой Думы и представительных органов муниципальных образований, возраст которых не превышает 40 лет на день избрания⁸. В перечень задач советов молодых депутатов, в частности, входят: оказание информационной и методической помощи депутатам представительных органов муниципальных образований; повышение эффективности работы молодых депутатов представительных органов муниципальных образований края в решении вопросов местного значения; подготовка кадрового резерва для органов государственной власти и органов местного самоуправления.

* * *

Федеральный закон № 414-ФЗ создает предпосылки для взаимодействия в законодательной сфере, предоставляя право законодательной инициативы в региональном законодательном органе представительным органам местного самоуправления (ч. 1 ст. 10). При этом конституцией (уставом) субъекта Федерации правом законодательной инициативы могут быть наделены иные органы и организации. Действительно, ряд регионов, воспользовавшись этим правом, предоставили право законодательной инициативы главам муниципальных образований (Карелия, Иркутская, Магаданская и Оренбургская области), ассоциациям «Совет муниципальных образований» (Волгоградская, Иркутская, Московская и Калининградская области, Забайкальский и Ставропольский края), Совету молодых депутатов (Магаданская область).

Анализ регионального законодательного процесса показывает невысокую активность «муниципальных» субъектов права законодательной инициативы. Возможно, важным шагом в повышении активности и качества вносимых законопроектов «станет закрепление федеральных законодательных гарантий участия органов местного самоуправления в процедуре принятия региональных законов, затрагивающих вопросы организации местного самоуправления» [6, с. 36]. В целях активизации участия представительных органов муниципальных образований в законотворческой деятельности и оказания им методической помощи создаются, как уже отмечалось, советы по взаимодействию законодательных органов с представительными

⁸ Положение о Совете молодых депутатов Ставропольского края: Постановление Думы Ставропольского края от 10.11.2021 № 59-VII ДСК. URL: https://dumask.ru/images/law/2021-7/59-VII_DSK.pdf (дата обращения: 02.10.2025).

органами муниципальных образований. С указанной формой взаимодействия в определенной степени связано информирование органов местного самоуправления о рассматриваемых законодательными органами проектах региональных законов, постановлений и иных актов, а также о принятых нормативных правовых актах, затрагивающих интересы муниципальных образований.

Федеральный закон № 414-ФЗ к полномочиям законодательного органа субъекта Российской Федерации относит заслушивание информации о деятельности органов местного самоуправления (п. 5 ч. 1 ст. 8). Например, по приглашению Законодательного собрания Новосибирской области должностные лица местного самоуправления выступают на заседаниях Законодательного собрания и отвечают на вопросы депутатов. Нормативные правовые акты ряда регионов (Дагестан, Иркутская область) предусматривают проведение в законодательных органах «Муниципального часа».

Согласно статье 161 Регламента Законодательного собрания Иркутской области «Муниципальный час» проводится в рамках заседаний, как правило, один раз в квартал в целях «поддержки местного самоуправления и создания условий для устойчивого самостоятельного социально-экономического развития муниципальных образований, повышения эффективности работы представительных органов муниципальных образований»⁹. В ходе «Муниципального часа» заслушивается информация одного (двух) председателей представительных органов по вопросам социально-экономического развития муниципального образования, нормотворческой деятельности представительного органа, проблем, связанных с реализацией полномочий представительного органа. Показательно, что на такие заседания приглашаются губернатор области, председатель правительства области, областные министры и иные должностные лица исполнительной власти, что может способствовать разработке и принятию оптимальных решений проблем, возникающих в муниципальных образованиях.

* * *

Несколько иной порядок проведения «Часа муниципалитета Московской области» устанавливает Регламент Московской областной Думы¹⁰ (ст. 224 и 225). Предложения о проведении такого мероприятия и перечне вопросов, предлагаемых к рассмотрению, вносятся фракциями и комитетами Думы при формировании плана ее работы на очередной квартал. Комитет по местному самоуправлению Думы готовит проект

⁹ Постановление Законодательного Собрания Иркутской области от 17.03.2010 № 19/29-ЗС (ред. от 30.05.2024) «О Регламенте Законодательного Собрания Иркутской области» // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. 2010. 12 апреля. № 19 (том 2).

¹⁰ Постановление Московской областной Думы от 09.06.2011 № 7/160-П (ред. от 19.06.2025) «О Регламенте Московской областной Думы» // СПС «Консультант Плюс».

приглашения и направляет его Председателю Совета депутатов муниципального образования. После доклада приглашенного лица продолжительностью не более 20 минут депутаты Думы вправе задавать вопросы или выступать по существу заданного вопроса.

Взаимодействие рассматриваемых органов может выражаться в возможности присутствия депутата законодательного органа на заседаниях коллегиальных органов местного самоуправления с правом совещательного голоса, как это предусмотрено законом от 10.07.2002 № 258-ОЗ «О Магаданской областной Думе»¹¹. И, напротив, депутаты представительных органов муниципальных образований Новосибирской области вправе принимать участие в заседаниях комитетов, комиссий Законодательного собрания.

Продуктивной представляется практика проведения приемов граждан депутатами Законодательного собрания Новосибирской области, где приемы могут проводиться совместно с главой, депутатом представительного органа соответствующего муниципального образования. В этом случае график совместного приема граждан согласовывается депутатами Законодательного собрания с должностными лицами местного самоуправления¹², что свидетельствует о взаимодействии.

Довольно редкая форма взаимодействия применяется в Красноярском крае, где не реже одного раза в два года «в целях координации действий органов государственной власти и местного самоуправления по реализации стратегии социально-экономического развития края, выработки согласованных законодательных инициатив и предложений по проектам краевых и федеральных законов»¹³ Законодательным собранием созывается Съезд депутатов. В работе Съезда помимо депутатов Законодательного собрания и представительных органов муниципальных образований в соответствии с нормой представительства могут принимать участие депутаты Государственной Думы от Красноярского края, сенаторы Российской Федерации от Красноярского края и Губернатор. Съезд можно рассматривать как «эффективную, единственную форму взаимодействия в целях оперативного выявления интересов общества, совершенствования законодательства» [7, с. 167], поэтому представляется целесообразным использовать «красноярский опыт» в других российских регионах.

---

¹¹ Закон Магаданской области от 10.07.2002 № 258-ОЗ (ред. от 28.11.2024) «О Магаданской областной Думе» // Приложение к газете «Магаданская правда». 2002. 17 июля. № 079(19002).

¹² Закон Новосибирской области от 05.12.2011 № 152-ОЗ (ред. от 06.03.2025) «О Законодательном Собрании Новосибирской области» // Ведомости Законодательного Собрания Новосибирской области. 2011. 9 декабря. № 63.

¹³ Уставный закон Красноярского края от 29.01.2009 № 8-2864 (ред. от 30.05.2024) «О Законодательном Собрании Красноярского края» (подписан Губернатором Красноярского края 10 февраля 2009 г.) // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. 2009. 16 февраля. № 9(305).

* * *

Опосредованной формой взаимодействия следует признать сотрудничество законодательных органов с советами муниципальных образований, созданными во всех российских регионах. Согласно Закону ХМАО – Югры от 24.12.2024 № 100-оз «О взаимодействии органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры с Ассоциацией “Совет муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа – Югры”»¹⁴ для обеспечения постоянного взаимодействия с Советом муниципальных образований Председатель Думы автономного округа назначает полномочного представителя Думы в Совете, который принимает участие в работе общих собраний членов Совета с правом совещательного голоса, запрашивает необходимые материалы и информацию о деятельности Совета муниципальных образований.

Некоторые формы взаимодействия, установленные региональными законами, представляются весьма спорными. Так, участие Законодательного собрания Иркутской области в привлечении представительных органов муниципальных образований к ответственности перед государством¹⁵ следует рассматривать не в качестве формы взаимодействия, а в виде формы контроля, так как часть 3 статьи 17 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»¹⁶ при процедуре роспуска представительного органа муниципального образования предполагает взаимодействие законодательного органа лишь с высшим должностным лицом региона.

* * *

Подводя итог изложенному и соглашаясь с тенденцией «интеграции местного самоуправления в систему государственного управления с одновременным усилением участия органов государственной власти в организации деятельности местного самоуправления и его публично-властных институтов» [8, с. 597], можно прогнозировать дальнейшее развитие и разнообразие форм взаимодействия законодательных органов субъектов Российской Федерации с представительными органами муниципальных образований. Принципиально важно, чтобы при этом соблюдалась равноправие сотрудничающих сторон и не ограничивалась самостоятельность органов местного самоуправления.

¹⁴ Закон ХМАО Югры от 24.12.2024 № 100-оз «О взаимодействии органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа Югры с Ассоциацией „Совет муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа Югры”» // Официальный интернет-портал правовой информации. 26.12.2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/8600202412260044?ysclid=mi8oa77usq31964762&index=5> (дата обращения: 03.10.2025).

¹⁵ Закон Иркутской области от 08.06.2009 № 30-оз (ред. от 21.07.2025) «О Законодательном Собрании Иркутской области» // Ведомости Законодательного Собрания Иркутской области. 2009. 11 июня. № 11.

¹⁶ Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Российская газета. 2025. 26 марта. № 65–66.

Список литературы

1. Колесников А.В. Местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти // Образование и право. 2020. № 7.
2. Реформа организации публичной власти: основные направления реализации: монография / Постников А.Е., Бондарь Н.С., Помазанский А.Е. и др.; отв.-ред. А.Е. Постников, Л.В. Андриченко: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 200 с.
3. Бялкина Т.М. Конституционный принцип единства системы публичной власти и его реализация в законодательстве // Административное право и процесс. 2025. № 6.
4. Кожевников О.А. Категория «взаимодействие» в рамках формируемой единой системы публичной власти в Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3(43).
5. Ерыгин А.А., Ерыгина В.И. Правовые основы формирования и деятельности законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации (на примере Белгородской областной Думы): монография / А.А. Ерыгин, В.И. Ерыгина. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2016. 248 с.
6. Баженова О.И. «Переходные положения» закона как инструмент воздействия государства на местное самоуправление. Акт третий // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 6.
7. Мурычев К.В. Система представительных органов власти в Российской Федерации. М.: Норма, 2011. 240 с.
8. Современный российский конституционализм: к 85-летию со дня рождения академика О.Е. Кутафина: монография / под общ. ред. В.В. Комаровой; отв.-ред. О.С. Рыбакова. М.: Проспект, 2023. 608 с.

И.Б. ГАСАНОВ

О ФИЛОСОФИИ ВЫБОРОВ: СТОРОННИЙ ВЗГЛЯД*

Аннотация. Во второй части статьи рассматриваются различные аспекты выборов, в том числе и их происхождение, которое автор связывает с понятием «выбор», возникшего как итог одной из людских необходимости и, в свою очередь, породившего идею выборов как явления и концепта. В качестве таковых выборы обладают собственной сущностью, внутренней сутью, имманентными свойствами и, соответственно, функционируют как самостоятельный и самобытный фактор. Глубинные характеристики наряду с внешней инфраструктурой позволяют выборам выступить в общественном пространстве в виде независимого и важнейшего актора демократии. Будучи результатом необходимости, выборы формируют круг собственных потребностей и таким образом обретают масштабную пространственную и временную действенность. Одно из важнейших значений выборов заключается в том, что в них содержится эволюционная цель.

Ключевые слова: выбор, выборы, необходимость, избиратель, общество, власть, государство, эволюция, избиратель, демократия.

ON THE PHILOSOPHY OF ELECTION: AN OUTSIDE VIEW

Abstract. The second part of the article examines various aspects of elections, including their origin, which the author associates with the concept of «choice», which arose as a result of one of the human needs and, in turn, gave rise to the idea of elections as a phenomenon and concept. As such, choices have their own essence, inner essence, immanent properties and, accordingly, function as an independent and original factor. Deep characteristics, along with external infrastructure, allow elections to appear in the public space as an independent and most important actor of democracy. As a result of necessity, choices form a circle of one's own needs and thus acquire large-scale spatial and temporal effectiveness. One of the most important meanings of choices is that they contain an evolutionary purpose.

Keywords: choice, elections, necessity, voter, society, power, state, evolution, electorate, democracy.

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович — кандидат политических наук, г. Москва
* Продолжение. Начало см.: Гражданин. Выборы. Власть. № 3. 2025.

Ошибаются те, кто во всеобщем избирательном праве видит гарантию хорошего выбора.

У всеобщего избирательного права есть другие преимущества, но только не это.

Алексис де Токвиль

Впереди любого осознанного действия шествует *идея* — выборы здесь не исключение. Между возникновением человеческого — частного и общего — выбора и выборами как политическим актом так же, как между мифологией и религией, моралью и законом, интуитивными и случайными догадками и наукой, простираются тысячелетия. И то, и другое имеет *инстинктивную основу*. И то, и другое, развиваясь, сумело подняться до *осознанного уровня*. Так как их пути разошлись давным-давно, то проблема не в расстоянии, которое разделяет и по крайней мере с каких-то позиций может быть измеримым (хотя для этого единиц не придумано), а в том, что они *движутся в разных, далеко не в параллельных, направлениях*. Нет ничего странного в том, что взаимосвязи выбора и выборов по сей день сохранились, и они-то как раз вряд ли когда-либо разойдутся.

Как результат одной из множества людских *необходимостей*, выбор возник в качестве *средства ориентирования* и, по сути дела, таковым и остался. Выборы, появившиеся намного позже и имеющие фундаментально иное назначение, в данном смысле разделяют судьбу выбора. Оба явления, хоть и *постоянно развиваются*, — выбор под воздействием *интеллекта*, выборы в рамках *форм правления, властных систем и совершенствования возможностей государства*, эволюции не подвержены: выбор — как *продукт инстинктов*, выборы — как *рукотворное явление*. Могут обладать разными формами, масштабами и даже проявлениями, но ни один из их векторов развития к эволюции не имеет отношения (хотя наличие обратной связи несомненно) в том смысле, что выбор и выборы *предельно устойчивы* в большинстве своих проявлений.

В свое время — в самом начале своего пути — человек (а вместе с ним и человечество), достигнув *определенного уровня сознания* (вероятнее всего — *рассудка*), получил в свое распоряжение одно из первых своих *озарений* и тут же чуть ли не в прямом смысле слова наткнулся на *выбор*, да таким образом, что не смог его обойти. В итоге так и пошел с ним по жизни в постоянной связи, — то ли выбор сам стал его вечным спутником, то ли человек, поняв его значение, дальше не мог без него обойтись, но факт остается фактом: эволюция человека (да и его повседневное бытие тоже) вряд ли возможна без выбора. С данного события многое и началось. Выбор придал человеческому существованию *особого рода осознанность*, — с одной стороны, значительно *усложнил* его, открыв «ящик интеллектуальной Пандоры»,

с другой — сделал людей *разборчивыми*. Сначала в малом и маленьком, а затем в большом и масштабном, а впоследствии — практически во всем.

Он же и привел человека к *идее выборов*. Это случилось значительно позже возникновения самого выбора, — притом на несколько эпох; можно сказать, что уже в другой жизни, в которой люди достигли того уровня развития, что им стало чем располагать, что хранить и что делить в материальном смысле. Выборы прошли примерно такой же путь развития, как и выбор. Недолго задержавшись в *статусе понятия*, за исторически короткое время они трансформировались в *явление*. Сначала касались *отдельных ситуаций*, а затем таким же образом, как выбор, то есть медленно, но всё же с большей проворностью, превратились *сначала в потребность*, затем *в востребованность*, а далее — в *необходимость*. Но в отличие от выбора, они с первых шагов приступили к оформлению собственной *интеллектуальной и физической инфраструктуры*, — начали с деталей, а затем, спустя множество веков, добрались до *системы*. Обзавелись не только собственной — самостоятельной (практически независимой) и самобытной — сущностью (тем, что определяло их характеристику), но и имманентными свойствами (то, что делало их незаменимыми). Притом таким образом, что и сущность, и имманентный мир выборов мало кому в полной мере открыты.

Так как выборы — главный «персонаж» нашего повествования, то дальше мы будем говорить о них почти безотносительно к выбору. Начнем с *сущности выборов*, без которой ни одно явление невозможно. Это — *пространство, в котором происходит развитие внутреннего мира явления*. В случае с выборами она напрямую связана, во-первых, с *биографией* (с пройденной ими дорогой), во-вторых (и в гораздо большей степени), с *опытом и практикой*. Удивительно, но сущность как к инфраструктуре, так и к внешней оболочке выборов имеет опосредованное, притом не столь существенное отношение. Она в значительной мере *порождается взаимоотношениями и взаимодействием выборов с такими акторами* электорального поля, как *общество и государство*. Что касается *избирателя*, то он, точнее, его мировоззрение, мироощущение, миропонимание и мировосприятие, необязательно могут происходить из здравого смысла, ума, мудрости или гения, при этом вполне уютно и вольно чувствуют себя *в пределах рассудка*. То есть того проявления сознания, которое, с одной стороны, является *главным обиталищем сущности выборов*, с другой, — пребывая в достаточной доступности с *ментальностью*, в некоторой (довольно значимой) степени *находится под ее контролем*.

Ни сущность выборов, ни человеческий менталитет *избирателю ничего не диктуют*. Оба чаще всего *оперируют* в том числе и довольно специфическими знаниями, вроде *представлений и стереотипов*, но в их интеллектуальном арсенале немало неопровергимых фактов, готовых, как некие аксиомы, выступить *подпорками* для шаблонов, клише и всевозможных слепков в людской памяти *об опытных образцах*. Говоря по-другому и более

конкретно, они и определяют *и явное, и подспудное значение* выборов. То есть сущность, находясь вне доступа каких-либо политических и психологических технологий и независимо от формального волеизъявления (зарегистрированного на избирательном бюллетене), хранит в себе *реальный*, при этом не всегда озвученный и формализованный *выбор гражданина*. Не являясь ни очевидностью, ни действительностью, этот выбор *сродни историческому факту* и оставляет существенно больший след в сознании избирателя, чем поставленная им в конкретной графе бюллетеня «галочка».

В отношении *имманентных свойств* выборов можно сказать примерно то же самое, но данного рода качества обладают своими особенностями, заключающимися в их «железобетонной» характеристике. Они *почти таким же образом присущи* (привязаны, прикреплены, приделаны) выборам, как интеллект разумному виду. Не имея ничего общего с интересами, они представляют собой элементы общей *защитной системы* и происходят, с одной стороны, *непосредственно из сферы инстинктов*, с другой — *из здравого смысла*, то есть *из пространства рациональности*. Их трудно перечислить поименно, — тут и разум, и логика [1], и гармония, и осмысленность, и целесообразность, но они, *как представители глубинной — интеллектуальной, духовной, ментальной — инфраструктуры* выборов, и в том числе по этой причине никоим образом *не связанные с внешней инфраструктурой* последних, выступают *внутренними организаторами избирателя*, — практически ведут его за руку, оберегая от опрометчивых поступков.

Имманентные свойства выборов не противоречат и не противостоят сущности выборов, — они их дополняют. И при этом свидетельствуют о том, насколько, каким образом, посредством каких моментов, в какой степени и, наконец, почему выборы *соответствуют человеческой сущности*. Под сутью индивида — неразделимого и целостного субъекта (не вида — с ним все должно быть понятно, и не дива — принципиально разделенного, фрагментированного, лишенного внутреннего единства человека), подразумевается в первую очередь *ментальность — некое соединение сознания (разума), психологии и эмоциональной сферы*. Но как сам человек широк и глубок, так и его суть *не может заключаться в категориях*, доступных относительно легкому осмыслению. И с такой позиции определение соответствия выборов людской сущности должно бы начинаться *с воли и свободы*, завязанных между собой и оказывающих на любые формы правления, особенно на демократию [2], *детерминирующее* воздействие. *И выбор — первооснова выборов, и выборы являются следствием свободы*. И хотя бы по этой причине *полностью соответствуют сущности людей*. А что касается их *созвучия* с сущностью и содержанием гражданина и общества, то тут сомнения исключены, так как по данному вопросу более чем уместно исходить из *природных начал* — происхождения и первичных этапов эволюции разумного вида.

Здесь же следует искать ответы на вопросы о *волеизъявлении*, как о понятии, концепте и феномене. Оно как бы заключено в голосовании, формальном

или неформальном (абсентеизм) согласии или несогласии с определенной позицией. На самом деле *волеизъявление существенно отличается от политического выбора*; примерно так, как поверхность моря мало что может поведать о состоянии подводных течений. Волеизъявление – не шире, не глубже, а именно *больше, чем акт голосования*. Понятно, что *государство и власть* обычно довольствуются результатами голосования, более того, по ним и ориентируются. Но это слишком самонадеянная или довольно легкомысленная позиция. С властью всё объяснимо, она в большинстве случаев исходит из своей *временной и краткосрочной* сути, оставляя трудноразрешимые проблемы преемникам. А в позиции государства явно *не достает логики*, так как именно оно в течение достаточно долгого периода, а, возможно, и эпох, *пребывает в перманентном соприкосновении не с итогами голосования, а с результатами волеизъявления*. Выборы, если их рассматривать в качестве ориентира и своего рода политического и социального компаса (или навигатора), – в значительной степени *волеизъявление, а не голосование*. Суть электорального дела заключается в том, чтобы приблизить значения последних друг к другу, а еще лучше – соединить. Но в решении данного вопроса усилий не только одних лишь организаторов выборов, но и государства и власти недостаточно, то есть без масштабного участия и заинтересованного содействия социума не обойтись.

Рассматривая выборы как *факт общей воли*, мы должны понимать, что здесь речь должна идти не просто о воле социума, нации, народа, а об общей и объединенной единой целью *воле всех обитателей и акторов общественного пространства*. Согласимся, что это утверждение больше похоже на *воображаемую или идеальную версию выборов*; а по существенной части моментов, из которых состоят выборы, особенно если принимать во внимание очевидное различие интересов их участников, это идеал. Но идеал достижимый, так как *единство цели*, которая, как правило, по значению намного превосходит любые интересы, может превратить в реальность практически какие угодно фантазии. Люди (общество) иногда (к счастью, очень редко) легко объединяются вокруг деструктивных идей, что приводит к бунтам и революциям. А это не потому, что им свойственна приверженность ко всякого рода разрушениям. История в сочетании с географией показывает, что люди *рады бы включиться* в процессы реализации конструктивных идей. Более того, в большинстве своем *стремятся* в первые ряды созидателей. Но в том и проблема, что человеческая цивилизация практически в постоянном режиме *страдает от дефицита жизнеутверждающих целей*, в буквальном смысле блуждая, а то и утопая во множестве пустых (и по сути, и по содержанию) «благих намерений». Зачастую получается так, что общую волю применить оказывается некуда: выборы – *одна из важнейших человеческих идей, основавшая наиболее эффективную форму государственного правления*, обретают *формальный характер*, превращаясь в самый обычный *политический инструмент*, а не редко – и вовсе в технологию, служащую одной лишь корысти.

Судя практически по всему, что в актуальной реальности имеет место во всем мире, *ресурсов социума явно не хватает, чтобы оберегать выборы*. Неслучайно государство, видимо, догадываясь об их возможной уязвимости, можно сказать, изначально (не важно, как оно в те давние времена называлось и как выглядело) снабдило выборы *легитимным содержанием*. Если иначе и точнее, то *определенное им место под защитой собственных законов*. С тех пор суть выборов не сильно изменилась, — они выполняют ту же роль, которая была возложена на них в древние времена. В отношении своей формы выборы подвергались множественным *внешним и внутренним (содержательным) преобразованиям*, особенно в техническом и технологическом смысле, — это происходило *перманентно*, — во-первых, по логике вещей, во-вторых, исходя из потребностей акторов социального пространства, в-третьих, вслед за техногенной трансформацией общественной бытийности в целом. Менялось и законодательное содержание выборов, — *оно в большей мере усложнялось, чем совершенствовалось*, но один итог этих изменений особенно значим и важен: сегодня выборы необязательно формально, но точно, по сути, *представляют собой законодательный акт*. Притом высшего порядка, — и в данном восприятии они *равны референдуму*, подобность воле народа (общества или сообщества) которого более чем очевидна.

Как бы выборы ни формализовались бесконечными усилиями власти и ее добровольных или нанятых помощников — всевозможных экспертов и политтехнологов, зачастую оказывающих как государству, так и власти «медвежью услугу» посредством переворачивания важнейших избирательных смыслов с ног на голову, их (выборы) невозможно лишить концептуальной сути. С самого начала они функционировали *как явление*, что и определяло и по сей день определяет *уровень действенности* выборов. Это мы о том, что чуть ли не в постоянном режиме предпринимаемые попытки, старания и действия (не только технологические, но и законодательные), направленные на то, чтобы *загнать выборы в «стойло» понятий и таким образом изолировать их от действительности*, вряд ли способны привести к какому-нибудь конструктивному результату. Очень высока вероятность, что подобного рода стремления, большей частью обладающие *корыстным и угодническим содержанием*, обернутся противоположным эффектом и приладут выборам некую *закалку* так, как уже не раз случалось в истории, притом не только в отношении выборов. И всё же играть с огнем не стоит. Выборы именно как явление *ценны своей многофункциональностью*, в которой кроются не всегда явные, временами и вовсе спящие, но чаще всего более чем действенные *принципы профилактического рода и превентивного характера*, обладающие защитным значением не только для общества, но для государства и власти. Особенно в том более чем важном смысле, что при необходимости *очень часто именно выборы берут на себя нейтрализацию воздействия всевозможных ударных волн народного гнева*.

Речь здесь идет о той *характеристике* выборов, которая несет в себе особую значимость как для общества, так и для государства. В этом смысле и практически по одной, но внутренне неоднородной причине она разделяется на несколько вариаций, выступая то личной, то социальной, то политической, а то и юридической необходимостью. При этом каждый раз проявляя себя не только с различных аспектов, но и по-разному.

В качестве частной, личной или индивидуальной необходимости выборы выступают как особое средство общения. Это — язык, но не в общепринятом понимании, а язык, оснащенный особого рода голосом, который нельзя не услышать. Это язык, которым выносятся вердикты и описывается история, притом не важно чья — деревни, села, поселка, города или страны, и который несет в себе не только значения, но и смыслы. Им можно донести до соответствующего адресата (до государства или власти того или иного уровня) идеи, мысли, одобрение, возражение, претензии, не только высказываясь (формальным голосованием и многозначным волеизъявлением), но и безмолвием.

Как общественная необходимость, выборы преследуют несколько целей, перечень которых чаще всего открывает явное или подспудное желание установления, восстановления, обеспечения абсолютно субъективного в большинстве своих восприятий порядка. Последующие позиции данного перечня как в своей конкретике, так и в той же субъективности, не сильно отличаются от его начального пункта. В то же время опирающиеся большей частью на объективную реальность государство и власть в виде организаций, служб, структурных единиц и должностных лиц чаще всего прекрасно осведомлены о действительной сути субъективных потребностей. Это означает, что язык выборов в большинстве ситуаций понятен всем сторонам избирательного процесса.

В качестве политической необходимости выборы чаще действуют в определенной сфере и редко выходят за ее пределы. Разговор здесь не столько о власти и государстве, сколько о праве. То есть о том, что своим присутствием выборы придают легитимность тем или иным явлениям, форматам, структурам, деятельности, решениям и так далее. Их функционирование в юридическом пространстве не столь существенно для социума, скорее они важны для самих выборов, так как именно в правовом поле они нарабатывают не только особенную и весьма значимую часть своей репутации как одной из основ демократии, но и обретают юридическую необходимость, таким образом вступая на территорию законодательства.

Несколько отвлекаясь от линии повествования, скажем, что в представлениях социума выборы, хоть и являются некой связующей нитью, а временами и мостом между государством и обществом, в основном действуют в пространстве морали и справедливости. Став юридической необходимостью, они в весьма существенном смысле получают в свое распоряжение новую сферу деятельности и тем самым

расширяют поле как собственного функционирования, так и воздействия избирателей, и практически в прямом понимании слова *заходят* в зону вынесения государственных решений. Обретением свойства юридической необходимости, став некоторого рода *средством легитимации*, выборы определенным образом подставляют плечо как государству, так и власти.

Здесь возникает вопрос: если выборы обладают (или в состоянии обладать) столь широкими возможностями, то по какой причине и каким образом формируется такое достаточно распространенное явление, как *пренебрежительное отношение к выборам, граничащее с безразличием*? Притом речь может идти не только об *абсентиализме*, — подобное отношение может наблюдаться и со стороны власти. Ответ лежит на поверхности.

Хоть обстоятельства и бывают разные, но в случае с избирателями чаще всего подобное восприятие связано с личными мотивами. Здесь прежде всего свою роль играет *проблема доверия*, причем двояким, а нередко и троекратным или множественным образом. *Недоверие к выборам переходит в недоверие к власти*, и точно так же *недоверие к власти может обернуться недоверием к выборам*. Нужно учесть, что ни одна из форм недоверия сама собой не возникает, скорее они *вырастают* из определенного, часто негативного опыта общения или взаимодействия. Ничем не опровергаемое недоверие со временем может порождать *неприятие и безразличие*, и это — естественный процесс.

Власть может в определенной мере *потерять интерес* (полностью отвернуться от них она не в состоянии) к выборам при нескольких ситуациях: когда она устроила свою деятельность таким образом, что практически *не зависит от выборов* (обернулась диктатурой, автократией, «цезаризмом», монархией, то есть почти или в полной мере отвергла демократию) и нуждается в них как в *репутационном средстве* — как в фасаде и декорации; когда, практически «отработав свое», стала «хромой уткой» и готовится к тому, чтобы *сойти с политической «сцены»*; возможны случаи, что безразличие власти к выборам носит *мнимый характер* и на самом деле представляет собой особого рода политическую технологию.

Впрочем, *отношение различных акторов к избирательным вопросам* — избирательной системе и выборным процессам — тема обширная и нуждается в отдельном и более чем обстоятельном изложении. Нам же нужно сосредоточить свое внимание на рассмотрении и анализе различных аспектов выборов, чтобы суметь увидеть их не как нечто разрозненное и расплывчатое, а в виде чего-то цельного. На наш взгляд, именно в своем цельном и целостном состоянии выборы могут раскрываться перед исследователем не только со своей *«парадной» стороны*, которая зачастую выдается за их глубинное содержание, но и бесконечными гранями, деталями, подробностями, формами, проявлениями, составляющими *реальную суть* избирательной практики.

Выборы, как некая самобытность, обладают *реестром правил*. При этом от большинства самобытных явлений отличаются тем, что они — сами

по себе правило, то есть — одно из правил народовластия и, следовательно, гражданского общества. В этом твердом и устойчивом качестве выборы входят в число *важнейших элементов социального обихода как своего рода естественная установка*. Касаясь непосредственно порядка в достаточно высоком и широком восприятии и при этом обладая *природными корнями* через свое происхождение из человеческого (частного) и общественного (общего) выбора, они *связаны с внутренним содержанием индивида*. Отношение к ним может быть разным, а временами кардинально разным, но то, что выборы — это опора как личности и общества, так и власти и государства, очевидный, множество раз проверенный историей факт. Все названные акторы в различной мере и с различными целями опираются на выборы, как на нечто, своей сутью *превышающее значение закона*.

Данная особенность возникла неслучайно. *Закон*, исторически естественным путем сформировавшийся на *этической основе*, достигнув определенного уровня своего развития, можно сказать, *став самостоятельным и весьма действенным фактором*, в некотором смысле *отошел от морали* и пошел (по сей день идет) собственной дорогой. Бывают времена, когда во избежание особых (большей частью субъективных) форм ответственности он вовсе *отвергает* родственные отношения и даже какую-либо связь с моралью. Особое восприятие выборов в общественном сознании и государственном понимании связано с тем, что, как бы они высоко ни взлетали и каким бы значением и авторитетом ни обладали, *нити, связующие их с моралью* [3], остаются прочными. И в этом смысле выборы, находящиеся и функционирующие в законодательном пространстве, обладающие *собственными правилами* и являющиеся *самостоятельным правилом*, представляют собой *исключение из правил*. В данном контексте и проявляется *независимая суть* выборов, которая определяет и порождает их ресурсную базу.

В свое время — очень давно — человеческая цивилизация, на практике столкнувшись с неэффективностью многих иных способов формирования власти (неважно на каком уровне), обратилась к идеи выборов *как к своему шансу* (может быть, очередному, а может быть, последнему и единственному). Как выбор индивида *не в полной мере зависит* от него самого (то есть, сам по себе выбор, как частное дело, настолько же независим в своих действиях, насколько самостоятелен индивид в своем выборе), так и результаты выборов, как общего действия, *соотносятся* со множеством внутренних и внешних обстоятельств. И таким образом, что *субъективный электоральный выбор каждого избирателя складывается в объективный вердикт всего общества*. Здесь — в данном моменте — кроется более чем значимый контент, заключающийся в *глубинной характеристике* внутренних, не всегда доступных к использованию *резервов* выборов. Отказ от выборов в какой бы то ни было форме и каким бы ни было способом — это отречение от содержащегося в них громадного потенциала, способного

выявить и поставить на службу государству и обществу *интеллектуальный запас и физические возможности*, как минимум, большинства населения.

Возможно, одно из важнейших значений выборов кроется в том, что в их более чем богатой и разнообразной сути хранится *заключительная цель*, хотя сами выборы не претендуют на место даже промежуточной цели. В этом смысле выборы, конечно же, представляют собой *средство* (методику, способ, технику, процедуру), но *средство высшего порядка*, ориентированное на достижение *определяющей цели*. Это тот случай, когда в сути орудия или оборудования содержится не только инструкция, но и возможные результаты как применения, так и отказа от его использования. Если говорить образно, то стоит лишь приглядеться, вооружившись элементарным инструментарием (в основном здравым смыслом, а затем — первичными знаниями), то несложно удостовериться, что практически на фасаде (видимой части) всех политических выборов (национальных, региональных, муниципальных, прямых, опосредованных и т.д.) крупными буквами выводится чуть ли не весь спектр целей и задач, притом попунктно.

Выше уже говорилось о месте *воспитания и образования* (именно в такой последовательности) в содержании выборов. Речь шла об их *воздействии* на отношение к выборам, которое носит не определяющий, но в то же время достаточно значимый характер. Надо учесть, что существует еще один аспект, сказывающийся на восприятии электоральных процессов, который так же связан с воспитательными и образовательными моментами. В какой бы форме и качестве ни осознавались выборы определенными акторами — своими участниками, — избирателями, избираемыми, организаторами в целом в общественном поле и, в частности, на арене политики, как бы ни выглядела избирательная практика со стороны и изнутри, каким бы воздействиям она ни была доступна (а то и подвержена), они (выборы) во всех ситуациях *выступают самостоятельным игроком* и политической сцены, и политического пространства. И в данном качестве проявляют свою собственную *воспитательную и образовательную суть* посредством почти прямого влияния на интеллектуальное и психологическое (разумеется, в определенном и в весьма конкретном понимании) формирование как социума и избирателей, так и власти и избираемых. Притом далеко не поверхностным и примитивным образом, а *через воздействие на ментальную суть* электората, — нередко в буквальном смысле слова трансформируя характеристику политического восприятия общества и таким образом *меняя* сложившееся отношение к избирательному праву (как к активному, так и к пассивному).

Обучающая суть выборов обладает немалым многообразием и единственностью. Зачастую (не всегда) она определяет, проектирует, вырисовывает, конструирует, генерирует и моделирует поведенческую характеристику избирателей. То есть если не напрямую, то косвенным образом именно с ней связаны как явные проявления *политизированности граждан* вроде осознанного абсентеизма и обоснованной собственным мировоззрением

общественной активности, так и различные формы конформизма. Раз уж мы коснулись проблематики *поведения избирателей*, то необходимо заметить, что оно базируется не на одних лишь воспитании и образовании. На образы действий избирателей прямое влияние могут оказывать (очень часто и оказывают) различного рода представления (в том числе социальные и политические), стереотипы (среди которых может найтись место и этническим предрассудкам и всевозможным групповым и индивидуальным клише) и формы восприятия.

Выборы в качестве одного из наиболее значительных элементов народовластия, как и сама демократия, *впитывают в себя особенности традиций и обычаяев* и таким образом становятся если не внешне (здесь в обязательном порядке срабатывают общие стандарты, в большей мере касающиеся правил и установок демократии, чем ее сущности и глубинной специфики), то *внутренне самобытными*. Важно иметь в виду, что как у выборов, так и у самой демократии, есть общие (глобальные) и частные (национальные, региональные, этнические, локальные) правила, притом последние так же важны и значимы, как и первые. С данной точки зрения, выборы являются *фактом демократии*, а это означает, что они в контексте народовластия, как *формы правления, вторичны*. Но это *так и не так*, поскольку и выборы без демократии, и демократия без выборов невозможны. В то время как демократия придает выборам свойство *необходимого элемента государственного правления*, выборы наделяют ее *значимостью народовластия*.

Очевидно, что *демократию породили выборы*, притом почти в прямом смысле, — из выборов, как дерево из оброненного зернышка, выросла демократия. Если продолжить образное представление рассматриваемых факторов, ставших (каждое по-своему, но в едином пространстве) важнейшими на сегодня политическими концептами (явлениями, обладающими масштабной — практически глобальной — действенностью и глубоким множественным содержанием), то дерево, развернувшее крону во все стороны, своей густой тенью несколько *нивелирует* значение первичного зерна. В определенной мере демократия, воспринимая политическую авансцену *как место исключительно своего обитания*, превращает электоральное дело в *разовый инструмент периодического характера* (скорее всего, не до конца осознавая значение их внутреннего потенциала [4, с. 135-150]), хотя даже в частности (отдельно от избирательного процесса), выборы явно способны проявить себя *еще с нескольких сторон* (особенно в виде постоянно действующей детали политики, — то есть в более самостоятельном значении). Несмотря на некую степень состоявшейся эволюции и существенный уровень технико-технологического развития демократии, *сегодня выборы возможны только в одном виде, а действенны лишь в отношении определения власти*.

Первичность или вторичность выборов или народовластия в отношении их возникновения большого значения не имеет, даже если с момента обнаружения выборов, как формата определения лидера и включения их

в базовый политический арсенал человеческих коллективов и групп, до изобретения демократии с опорой на голосование прошли тысячи лет. Тут речь не о том, что старше, а что младше, или в первичности и вторичности. Важен вопрос совпадения возможностей выборов со свойствами демократии. В данном восприятии, то есть на фоне народовластия, выборы выступают как *порождение объективной необходимости*, а демократия — как *средство управления*. Здесь сложно обойтись без некоторого отступления от общего нарратива, так как для его дальнейшего развития в должном направлении необходимо вспомнить и принять во внимание то важнейшее обстоятельство, что как выборы, так и различные формы правления (начиная от вождизма и монархии и заканчивая демократией) *возникли в качестве ответа, защитной реакции, механизма обороны, адаптационного средства* разумной цивилизации на те или иные социальные или природные вызовы. Если отбрасывать всякие временные (почти всякий раз недолговечного) характера *политические перверсии* вроде нацизма, апартеида, крайних форм диктатуры и тоталитаризма, то в одних общественных ситуациях, географических и климатических условиях люди нуждались в одном формате власти, в других — в другом и так далее.

С данной позиции демократия исключением не является. Она возникла тогда, когда появилась *соответствующая потребность*; более того, и развивалась *по линии необходимости и востребованности*. Во времена, когда общество могло ограничиться тем, что опиралось на *демос* (на свою более состоятельную, продвинутую, а главное, свободную часть), применялась одна форма демократии, а когда общественное пространство заполонил *лаос* (население), народовластие обрело другое, менее действенное содержание. История пережила весьма долгий период, в течение которого оно вовсе сошло с мировой политической сцены. А затем точно так же, как при зарождении, вернулось, *как бы прислушиваясь к потребности*. В том, что является *результатом поиска*, демократия мало чем отличается от многих иных форм властевования. Одна из ее существенных особенностей заключается в том, что она обладает *возможностью соединить* как потенциал, так и интересы *властной вертикали* с аналогичным содержанием *общественной (электоральной) горизонтали*.

В сочетании с народовластием выборы, это — средство, изобретенное и взятое на вооружение человечеством для того, чтобы оно могло иметь возможность *искать и обретать*; инструмент поиска и достижения; подспорье по преодолению пути, ведущего к более совершенному состоянию; фактор, способствующий извлечению уроков из *опыта прошлого*; потенциал, через который можно обнаружить и использовать *ресурсы настоящего*; механизм, открывающий двери к *знаниям о грядущем*. В каждом из обозначенных здесь восприятий выборы и демократия взаимосвязаны и находятся в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении, — *выборы, как факт демократии, а демократия, как факт выборов*. Объединяющим субстратом

для обоих фактов во всех ситуациях выступает *социум*. Пространство жизнедеятельности государства, тем более зона нахождения власти совершенно недостаточны, а местами и вовсе не пригодны для их (электоральных процессов и народовластия) пребывания, выживания, развития и эволюции. В то же время *социальное поле*, особенно если оно населено гражданским обществом, — естественная среда и для выборов, и для демократии.

Из всех акторов обитаемой гражданами территории — *общественного пространства*, один лишь *социум* (он может носить различные аватары — способен представлять одновременно и общество, и электорат, и народ, и нацию, и этнос) по-настоящему и в полной мере заинтересован и в демократии, и в выборах. Прежде всего по той простой причине, что оба названных явления — в первую очередь *его порождения*. Притом от начала и до конца, — они были сначала востребованы, а затем задуманы, сформированы и запущены в действие *исключительно социумом*. Очевиден вопрос по поводу того, что и власть, и государство по возрасту *намного старше* любых форм правления (хотя бы потому, что в их отсутствии некому и нечему было обретать эти формы), тем более демократии. Следовательно, опровергать факт их участия в возникновении народовластия, как минимум, не совсем корректно. Но здесь нет никакого противоречия. И государство, и власть в немаловажной степени *заинтересованы* в демократии, но всё же *иначе, чем общество*. Они большей частью *интересанты демократии*, то есть те, кто ею пользуется. Достигнув уровня демократической формы правления, *общество переживает ее, пребывает в ней и живет ею*. И этим его заинтересованность отличается от бенефиции и лицензиата государства и, особенно, *во всех случаях временной власти*.

Отношение власти к демократии (а вместе с ней и к выборам) мы неслучайно выделяем как бы в *отдельную строку*. По большому счету оно *детерминируется* не только властью, которой по определению свойственно состояние субъектности, но и самой демократией (точнее, ее пассивным состоянием и примиренческим отношением ко вторичности своей позиции), как *особого рода контекстом*. Еще и потому, что к власти более чем применимо прилагательное «демократическая» (обычно оно носит комплиментарный характер почти на уровне пафоса), а демократию вряд ли можно назвать властной. По поводу обозримого будущего развития взаимоотношений власти и демократии сложно что-либо конкретное сказать, хотя у цивилизации до того момента, пока она не изобретет более действенную и универсальную форму правления, *нет никаких иных вариантов*, кроме как обратиться к полновесному народовластию и исключительно на нем *строить свою судьбу*. По крайней мере на данном этапе человеческой истории положение с демократией таково, что практически на всей планете власть, *не до конца осознавая значение демократии*, не руководствуется ею, а пытается поставить ее себе на службу.

По всему тексту мы обозначаем демократию еще и как народовластие, в некотором смысле обманывая себя, в некотором — льстя ей, в чем-то — надеясь на лучшее, а может быть, — занимаясь своего рода заклинанием. Эти слова — точно *не синонимы*, следовательно, означают не одно и то же. Демократия, это то, что как система управления, притом официальная, присутствует в нашей жизни. Во многих странах она, правда, чаще всего в виде перспективного момента, декорации или вовсе элемента популизма, умудрилась пробиться и в конституцию, — в большей мере в качестве благих намерений, чем реальности. Под народовластием в основном понимается более развитая, а то и совершенная форма демократии. То есть и то, и другое *растет из одного корня*. Но если демократия воспринимается исключительно как форма правления и подразумевает наличие (в актуальной действительности, как правило, формальное) определенной атрибутики — тех же выборов, правового государства, разделенной на различные независимые друг от друга ветви власти, то народовладение невозможно без реального, настоящего, подлинного, единственного, в полной мере оформленного и, самое главное, самобытного и самостоятельного гражданского общества. По сути — того, что в существующей мировой ситуации является только лишь избирателем, и которому, чтобы получить значение гражданского общества, а тем более, чтобы стать им, нужно быть помноженным на довольно большую цифру.

А это — очень долгий путь со своими специфическими препятствиями, который длится тысячи лет. Когда-то на этом пути демагогия (по Аристотелю — защита народа; «демос гогос» означает «народ веду») — тоже форма правления, но с элементами вождизма, была заменена демократией («демос кратос» — «народная власть» или «власть народа»). Это произошло из-за того, что на одном из перекрестков своего развития демагогия, свернув не туда, опустилась на уровень популизма; вынуждена была сойти с дистанции и уступила дорогу более перспективному своему подобию. Речь идет о том, что демократия, возникшая из необходимости (как до нее — демагогия), и сама по себе является потребностью: на личном и индивидуальном уровне — это один вид потребности, на общественном — другой, на государственном — третий. Возможно, для того чтобы стать более совершенной, ей нужно преодолеть некие барьеры, выйти из своего нынешнего состояния инструментария и стать универсальной, всесторонней и всеобъемлющей необходимостью, то есть более высоким проявлением потребности. Это всего лишь предположение, но очевидно, что, став на плоскость необходимости, демократия сумеет открыть для себя, а заодно и своих акторов, ближайшую (или следующую) на своем эволюционном пути развилку.

Понятно, что в одиночку, а значит, *без выборов*, ей никуда не выбраться. В данной ситуации выборы выступают движущим, а может быть, и ведущим механизмом демократии. Их определяющий характер в отношении вопросов правления обретает настолько высокую степень своего воздействия, что они становятся экзистенциальной необходимостью, а это означает одно:

без выборов нет демократии. Да, выборы могут быть разными, и демократия может быть разной, но только в частностях и деталях. Это потому, что оба, как явления, должны соответствовать восприятию социума. То есть не выборы и демократия со стандартным набором приходят к обществу, чтобы довлечь над ним, а общество, исходя из своего актуального состояния, предпочтений и приоритетов, определяет и выбирает демократию как форму правления, а с ней и выборы в качестве средства избрания власти и формирования государственности. Во всех ситуациях, связанных с взаимоотношениями социума с формой правления, избирательной системой, механизмами голосования — по сути инструментарием общественной бытийности, а значит, вторичными ее элементами (ни демократия, ни выборы, ни что-либо другое из этой или какой-то иной категории явлений и ценностей *не представляют собой жизнь и не способны выступить ее заменителями*), начала могут быть только паритетными. Это общество может диктовать демократии или любой иной управленческой системе свои правила и порядки, а не наоборот. Иначе дело (не сразу и сиюминутным образом, а со временем, когда ситуация созреет) может обернуться нежелательными, а иногда и непоправимыми последствиями.

Внутри этих рассуждений зиждется момент, с которым не всегда напрямую, а временами и вовсе косвенным образом, связана своего рода легитимность демократии. Это не та ситуация с соответствием или несоответствием чего-либо закону, когда вопрос решается судебным путем. В данном случае проблема возникает из *сущностной фактуры* и касается реальности и фиктивности демократии, которые (каждая в отдельности) имеют непосредственное отношение к ее эффективности и действенности. Если реальность демократии обитает на одном «берегу» людского восприятия и отличается конструктивностью, а значит, созидает, то ее фиктивность своей несравненно другой, практически полностью противоположной сутью *наисто отрезана от действительности и живет жизнью симулякров, видимостей, имитаций*, порождая себе подобные же понятия, явления, ценности и концепты. Они и движутся по разным дорогам, хотя у реальности, как правило, есть определенный путь, а фиктивность, у которой все ложно, и нет подлинных ориентиров (вроде тех же выборов), часто направляется туда, куда приходится.

Тут выборы выступают неким продолжением демократии, то есть они как бы вторичны. Так оно и есть, но в конкретных контекстах. Общая для демократии и выборов реальность такова, что между этими двумя явлениями без колебаний можно поставить знак равенства. Как уже было сказано, без одного из них другое не может существовать. Это максима только на первый взгляд может показаться спорной, так как демократия — форма правления и *пребывает на той плоскости действенности, что государство и власть*. А выборы *выглядят как функция*, а зачастую — во всей повседневной политической и общественной жизни — *являются функцией*. А значит, в каком-то весьма

значимом восприятии — подспорьем, подсобным моментом, а в целом — всего лишь средством. Куда им тягаться с демократией, которая «на короткой ноге» общается не просто с сильными, а практически с самыми сильными мира сего. Но в том-то и дело, что выборы, в отличие от демократии, которая *ценна своим присутствием, существованием, направленностью и правилами* (по сути, статикой, что и мешает ей стать полноценной управленческой системой) значимы тем, что, во-первых, *оперативны и обладают возможностью практически мгновенно реагировать на любые изменения в общественном пространстве*, во-вторых, *более доступны* и, как бы это странно ни звучало, *более демократичны, чем сама демократия* (не их беда и не их проблема, что социум редко пользуется данными свойствами выборов). Поскольку демократия и выборы *обладают способностью к взаимовыручке*, — могут поделиться между собой действенными характеристиками, то они представляют собой одновременно *и продолжение, и дополнение* друг для друга.

При этом *ведущая сила выборов* в том, что они почти полностью — со всеми «фибрами своей души» и физическим естеством, находятся *на территории общества*. Более того, являются *его делом*. В идеале (возможно, в какой-либо из грядущих перспектив человеческая цивилизация до этого додумается) организатором выборов должно быть общество. Соглашаясь со всякого рода возражениями по поводу того, что для этого общество должно хотя бы обрести гражданские характеристики, а еще лучше — стать гражданским, скажем так, — *взяв в руки* то, что изначально было одной из его наиболее важных функций — *проведение выборов*, общество может *намного быстрее достичь уровня гражданственности*.

Что касается *демократии*, то с ее возникновением и распространением человечество, уже *исprobовав немало форм правления* в виде многих разновидностей монархии, диктатуры, тоталитаризма и так далее, *заполучило в свое распоряжение* новый инструмент по обустройству собственной бытийности, как по функционалу, так и по эффективности *кратно превышающей* способности и потенциал всех не только на тот момент, но и на сегодня имеющихся средств управления обществом и государством. И *ведущая сила, и устойчивость демократии* заключается в том, что она, в отличие от монархии, *основывающейся на единице (индивиде)*, диктатуры, *базирующейся на лжи, тоталитаризма, формирующегося на фундаменте корпораций, опирается на главного субъекта* и политики, и экономики, и культуры, и всего остального, — *на народ* (общество, социум, этнос). Она *может отступать*, сдавать какие-либо из своих позиций, стагнировать, откатиться назад, под воздействием тех или иных обстоятельств на какое-то время потерять ориентиры и не туда свернуть, но как выпавший посреди июля снег не отменяет лето, так и отдельные невзгоды, постигающие ее народовластную суть, *не упраздняют демократию*. Как форма правления, демократия (в виде одного из множества средств управления она вечна) покинет общественное пространство только тогда, когда ей на замену

придет более функциональная, основательная, прочная, жизнеспособная, стабильная и надежная система власти.

Определяющая роль в придании соответствующих качеств демократической власти принадлежит *содержанию демократии*, в частности, выборам, как ее основополагающему компоненту. Но на одном компоненте, каким бы он ни был единственным, *универсальную* форму правления построить невозможно. Выборы, сами по себе опираясь на народовластие в целом, в то же время служат в одних случаях *фундаментом*, в других – *базовой основой*, в третьих – *опорой* для многих других звеньев, источников, принципов демократии. Без них (выборов) невозможны как самостоятельные *ветви власти*, которые имеют свое место в демократическом контенте, и их *легитимность*, так и разного рода *плебисциты*. Порожденные выборами структурные элементы народовластия вместе со всем его устройством и функциональной основой, каждый из которых в собственных пределах и исходя из своего потенциала и потребностей, *прокладывают* (в основном в идеале, хотя в нынешней реальности существуют системы власти, которые на подобное решаются) *линии постоянных взаимосвязей* с социумом, формируя разновидности демократии, воспринимаемые как *современные*.

Нельзя сказать, что нынешняя *демократия*, своей устойчивостью *существенным образом выделяющаяся в мировой государственной системе*, обитает в *наиболее богатых странах с удобными географией и климатом*. Как богатство, так и удобство местоположения страны может иметь значение, но оно ни в одном из признанных вариантов *не имеет определяющего характера*. Что касается *географии и климата*, то они, можно сказать, *носят вторичное значение* во всех наблюдаемых вариациях. А то же *богатство* может быть *не причиной, а следствием* соответствующих социальных трансформаций. Чаще всего социумы, преуспевающие в демократизации, возникают на основе определенных *традиционных ценностей*, нередко на *доверии*, как *свойстве этноса*, и значительной частью в достаточно сложившемся *гражданском обществе*. Возможно, здесь мы вышли на *своего рода аксиому*, заключающуюся в том, что *качество демократии детерминируется* в том числе (а, может быть, и в большей мере) и *ментальным состоянием социума*. А оно, в свою очередь, зависит от множества факторов, среди которых *первые позиции* занимают *развитое правовое государство* и уже обозначенное в данном контексте *состоявшееся гражданское общество* [5]; и то, и другое по определению способствуют формированию *должной социальной атмосферы*, например, такой, что основывается на указанном чуть выше *взаимном доверии*, с одной стороны, общества, с другой – государства и власти.

Отметим, что между качественным уровнем *демократии* и значимостью *выборов* связь *прямо пропорциональная*. Чем выше уровень, тем значимее выборы. Более того, в развитых формах народовластия *электоральное поле* намного шире и простирается далеко за пределы *зоны избрания* власти, властных структур, должностных лиц и охватывает в том числе и гражданское общество.

Примерно таким же образом располагается демократия на *территории политики*: чем демократичнее власть, тем конструктивнее политика. Здесь можно было бы использовать слово «созидательнее», но демократия не просто *про созидание*, в значительно большей степени она *про рационализм и здравый смысл*.

С небольшой ремаркой обращаясь к менее логичным и обоснованным *предшественникам демократии* — к той же монархии и диктатуре, нужно сказать, что они фундируются *максимум на рассудке*, действенность которого намного ниже, чем эффективность и разумность *здравого смысла*. Возможно, реальность, свидетельствующая о том, что, вопреки всевозможным представлениям, по которым как монархия и диктатура, так и тоталитарные формы правления, в отличие от *«неповоротливой» демократии*, более *оперативны и плодотворны*, но при этом во всех типах, видах и проявлениях *конечны в своем развитии*, — то есть когда-нибудь обязательно заканчиваются (не переходят в какую-то иную свою форму, потому что некуда, а прекращают свое существование), обладает более чем высоким значением. И оно в том, что *народовластие*, судя по практике и уже указанным выше причинам, как по своей сути, так и по определению *эволюционно*. Оно не только трансформируется из одной своей формы в другую — *более совершенную*, если даже при этом переживает промежуточные, иногда отнюдь не демократические состояния, но и эволюционирует.

В анализируемом контексте специфика ситуации в том, что у народовластия *есть время*, и это обстоятельство совпадает с *вечностью общества* (государству и власти, независимо от их форм и потенциала, вряд ли дано рассчитывать на подобную роскошь). Следовательно, демократия и социум могут, разумеется, в некоторых, но всё же в весьма широких пределах *позволить себе ошибаться*; даже *«падать»*, — но только для того, чтобы *вновь встать и двигаться дальше* (споткнувшееся государство редко когда оказывается способным на восстановление, а упавшая власть просто сходит с общественной сцены, в лучшем случае оставляя после себя едва заметный исторический шлейф). И здесь для тандема демократии и общества *одной из важнейших опор* выступают выборы, которые, благодаря своему происхождению из частного человеческого выбора, то есть из инстинктов, так же долговечны. *Трио* выборов, народовластия и общества, опирающееся на естественные начала, по своим параметрам совпадает не только внутри себя, но и с природой, как окружающей средой. *Дуэт* государства и власти (оба при их значимой близости к обществу и плотности взаимоотношений как с демократией, так и с выборами, — для данной тройки сторонние фигуры) по большому счету и в долгосрочной перспективе жизнеспособен *лишь при условии*, если он основывается и свою деятельность базирует на союзе демократии, общества и выборов.

Важный момент заключается в том, что ни один из названных акторов *не должен возвышаться над другими*. Как ради полноты картины и всеобщей

действенности, так и для звучания в унисон, хорошо бы им объединиться в квинтет. К тому же для воспроизведения единой симфонии других вариантов нет: *правовое государство может быть только демократическим; власти для обретения легитимности и полноценного функционирования без выборов не обойтись; полноценность общества напрямую зависит от его гражданской характеристики; на выборы «ошеник» можно надеть, но тогда они тут же перестанут быть выборами; а демократия на «цепи» не живет.* Что касается симуляков каждого из них, нередко выдаваемых за подлинники в неблаговидных целях, то они на то и симулякры, чтобы не действовать, а изображать деятельность.

Кроме того, перечисленные акторы не просто опираются друг на друга, но и *зиждутся друг на друге*. Можно было бы назвать самостоятельным *общество*, без которого существование других акторов невозможно, но и оно *нуждается как в государстве и власти, так и в демократии и выборах* на жизненно важном уровне. То есть общество, государство, власть, демократия, выборы — не конкуренты, не соперники, а тем более не враги друг другу, а *объекты и субъекты единой общественной инфраструктуры*. Превращение их в *частные или корпоративные инструменты* во всех случаях обличивается различного рода *бедствиями*. Подобного рода рассуждения выглядят морализаторством, но на сегодня нет новостей, которые бы оправдывали переиначивание правды в ложь.

На этой не совсем благополучной картине актуальной реальности глобального мира с большей или меньшей успешностью *ладят между собой только демократия и выборы*. При наличии множественных взаимосвязей здесь другой исход невозможен. Оба фактора, кроме всего прочего, *способствуют* обоюдной устойчивости и *обеспечивают* как жизнедеятельность, так и развитие и совершенствование друг друга. Между ними *нет ведущих и ведомых*, — разве что один из них может следовать за другим в зависимости от ситуации и обстоятельств. Каждый в данном тандеме *обладает собственной инфраструктурой*, одновременно являясь частью, фактом, фактурным элементом и базовой основой другого. И если выборы представляют *стержневую суть, становой хребет, альфу и омегу народовластия*, то демократия в своих действиях *исходит из выборов*, — не только из их практических результатов, но и из их состояния.

Если говорить об их взаимоотношениях с социумом, то нужно учесть, что глубинной основой общества является мало какому пониманию доступная *ментальность*, которая может выступать как очевидность и при этом хранить в себе сложнейшие сложности. Она и определяет «*красные*» линии как выборов, так и демократии. То есть экспериментировать с ними можно, но в определенных пределах. Если «*лабораторные опыты*» с выборами включают в себя в основном разного рода и уже упомянутые политические, психологические, избирательные, а в нынешней реальности еще и электронные технологии, то демократию на прочность испытывают чаще всего

так называемые *стандарты*. Последние функциональны и в избирательном пространстве, но здесь они временами бывают и к месту. Хотя в глобальном общественном поле, где различия между индивидами и сообществами начинаются с *тонкого уровня* — с восприятий, пониманий, осознаний, осмыслений, представлений и так далее, *единые меры* редко срабатывают.

Понятное дело, что *стандарты*, придуманные для упрощения тех или иных производственных процессов наравне с образцами, трафаретами, штампами, моделями, эталонами, формулами, *перекочевали на территорию народовластия и электоральной практики* с соответствующей целью и без спроса. Жизнь показывает, что они, если и вписываются в общественно-политическое пространство, то только местами. Задача распространения стандартов на поле социума не требует особых разгадок, — она напрямую связана с *бюрократической сутью* так называемых контролирующих органов, тех самых *глобальных наблюдателей* — личностей, должностных лиц и организаций, которые в буквальном смысле слова назначены *оценщиками* состояния как в общем демократии и выборах, так и их различных элементов.

То есть существует кто-то, имеющий право дать оценку действиям и деятельности, с одной стороны, общества, с другой, — государства и власти. Не мнение свое высказать, *предварительно попросив разрешения*, а именно дать оценку, притом определяющую. Нет причин сомневаться в том, что подобного рода оценщики — это некие представители не какой-то конкретной бюрократии, а в целом *бюрократической системы*. А появление самой возможности таких оценок — *итог взаимодействия национальных бюрократий с наднациональными*. Можно было бы и уточнить их названия, но не в названиях суть. *Бюрократия* по собственной традиции во всех ситуациях движется по пути упрощения, то есть действует так, чтобы было легче *считать*. В условиях, когда общественное пространство чуть ли не в прямом понимании *оккупировано* бюрократией, никаким стандартам удивляться не приходится. Та же цифровизация, которая могла бы послужить благополучию общества, не успев появиться, стараниями глобальной бюрократии стала *инструментом по подсчету и фиксации* деяний населения. Притом практически любых. А ныне, взяв в союзники *нейросети*, не только социуму, но и целым государствам *диктует* правила поведения.

Начнем с того, что и общество, и демократия, и выборы *возможны и функциональны* исключительно в условиях *свободы*. Без нее общество никогда не выйдет за *пределы значения толпы*, а демократию и выборы можно назвать ее прямыми последователями. Притом речь здесь идет о *внутренней свободе*. О той, что связана, во-первых, с ментальностью, во-вторых, с моралью и порядком, как со своими непосредственными ограничителями. Значит, еще и *осознанной*. Может быть, не самой высокой формой свободы (мы этого не можем знать, так как ее высочайшая форма мало кому доступна и от своих обыденных форм кардинально отличается), но достаточной, чтобы *взаимодействовать со множеством смыслов*. В дополнение к сказанному напомним,

что у демократии связь со свободой прямая: вопреки представлениям о том, что в состав «демоса» входило в основном городское население (что случилось позднее), в Древней Греции этим словом изначально обозначались *свободные крестьяне*.

Бюрократия работает исключительно по инструкциям, а если и имеет отношение к смыслам, то только к тем, которые держат ее на плаву. Подсчитывать итоги голосования она способна, более того, она просто мастер подсчитывать, но делать масштабные выводы из своих подсчетов — не в состоянии. Неслучайно, что ее интересы редко выходят за границы предписаний. Для нее самым важным моментом является то, чтобы совпали цифры, то есть чтобы всё соответствовало инструкции. Потому она и упрощает всё то, чего не понимает или не в состоянии понять, — ведь простое легче складывать. Бюрократия по определению не способна оценивать. Вот откуда заранее заготовленные заключения о состоянии демократии, об итогах выборов, так называемые предварительные выводы, которые часто служат элементарными установками. Оттуда же и стандарты, — в том числе демократические, избирательные, законодательные и многие другие, которые призваны посредством упрощения сделать человеческий мир удобным для подсчетов. Неслучайно, что последние десятилетия людской истории характеризуются посягательствами глобальной бюрократии на ту сферу, где никакой объективности (соответственно и стандартизации) не может быть как по логике, так и по определению, — мораль и ментальность. Судя по всему, следующим кандидатом на стандартизацию вполне может быть поведение избирателей, а дальнейшие ее этапы просто непредсказуемы.

Демократия и выборы, будучи элементами человеческих (субъектных) взаимоотношений, не только не одинаковы по своей сути и содержанию, но и не могут быть уложены даже в самые разумные и как бы обдуманные протоколы. К обоим этим явлениям применимы правила, законы, порядок, но только стандартам в их пространстве делать нечего. Если сильно приглядеться, то так называемые международные избирательные стандарты больше похожи не на средство установления электорального порядка, а на всё те же вездесущие политические технологии.

Единственное, с чем они совпадают по своим отдельным параметрам, это законы и законодательство. Но законодателями выступают (по крайней мере формально, — повторимся: при пропорциональной избирательной системе легитимность избираемых весьма сомнительна) представители народа, при этом мало кому известны имена авторов и разработчиков демократических, избирательных и всяких иных подобных стандартов. Не хотелось бы в это верить, но становится всё более очевидным, что в содержании последних доля политики значительно превышает удельный вес демократии.

Формы правления, подразумевающие народовластие, как своими целями и задачами, так и свойствами зависимые от огромного множества факторов, могут быть похожими, почти идентичными и практически одинаковыми,

но *не могут быть стандартными и абсолютно аналогичными*. То же самое можно сказать и о выборах. И демократия, и выборы возможны в определенной, *каждый раз разной* общественной и этнической среде. Если стандартизация в общественном поле выступает в качестве *самоцели*, заменяя собой главную задачу демократизации в целом и избирательной системы в частности, то она является в большей степени *спекуляцией*, чем средством упорядочивания. *Мерила нужны*, а в отдельных случаях и вовсе необходимы, но как у каждого явления, у них должна быть своя *конкретно очерченная сфера функционирования*.

Стандартизация, притом *бюрократического свойства*, в отношении демократии и выборов являет собой *посягательство на свободу*, а это означает *покушение на сущностную характеристику социума*. Для того чтобы подходить к выборам с едиными и общими для всех мерилами, придется преодолеть множество важных препятствий, в том числе частного, общего, социального, этнического, государственного характера, одновременно *нивелируя детерминирующую роль* выборов в становлении демократической власти, а самое главное, лишая их свободы, которая ни по одному из своего бесконечного множества параметров не совместима со стандартами. *Без свободы не может быть ни демократии, ни выборов.*

В пространстве выборов стандарты допустимы только в *организационном плане*. Точнее, в той сфере, где обеспечивается *удобство голосования* избирателей. Проще говоря, *выборы можно проводить по стандартам, но они не могут быть стандартными*. Более того, превращением выборов в некий стандарт невозможно добиться (а цель стандартных выборов может заключаться в основном в этом) стандартных итогов. Какие бы мерила ни применялись к выборам, они всегда приводят к принципиально разным итогам (речь здесь не о процентах голосов). В сути выборов, — в той их глубине, где принимаются решения, — стандартам не место. Наличие в содержании выборов каких бы то ни было технологий сводит на нет как их *чистоту и честность*, так и *объективность* (разумеется, в конкретном смысле) и *легитимность*, в сущности, оставляя от них одну лишь *оболочку*.

Здесь мы подходим к той важной грани, определяющей одно из важнейших свойств и проявлений выборов, в котором они выступают как *лекарство*, а нередко и вовсе как *панacea* и для социума, и для власти, и для государства. Во времена, когда акторы общественного пространства (иногда по одному, а временами все вместе) по тем или иным — внутренним или внешним — причинам оказываются в состоянии своего рода *болезни*, именно выборы становятся тем *эликсиром*, способным вернуть их в нормальное состояние без посторонней помощи. В подобных ситуациях, которые отнюдь не редки и к каким-либо видам экзотики не имеют ни малейшего отношения, — то есть ни одна страна и ни одно государство от таких моментов не застрахованы, выборы выступают средством *сплочения социума, приведения в действие* всего его потенциала, *мобилизации физических, материальных и ментальных*

ресурсов во имя общей цели. Именно выборы, в повседневности воспринимаемые как общественно-политическое мероприятие, превращаются в *принцип консолидации социума*, государства и власти в единое начало.

К сожалению, для большинства народов планеты именно в подобных своих проявлениях выборы все еще остаются *недосягаемой мечтой*, так как до обозначенного уровня им нужно дорасти, вернее, пройти значительный отрезок пути своего развития. По возрасту выборы (как явление, а не как процедура) *намного старше* всех существующих государственных систем и форм правления, и в *генной памяти* отдельных народов и всего людского рода содержатся *некие воспоминания об их действенности*. В странах и обществах, в которых ни разу никаких выборов в современном понимании не проводилось, люди *догадываются*, что выборы из себя представляют в глубинном смысле. А там, где они достаточно давно стали обыденным делом, избиратель, безотносительно к форме их организации, *знает* (именно так!), что такое настоящие выборы. Сбить с подобных знаний посредством применения политических и психологических технологий (тех же стандартов) вряд ли кому удастся.

В соответствующий момент выборы, которые в своей настоящей и подлинной вариации *нужны всем*, — государству и власти не в меньшей мере, чем социуму, становятся *общей для всех точкой опоры*. Этим они привлекательны и этим же обеспечивают в себе крайнюю заинтересованность социума. К чему бы общество ни стремилось, чего бы ни добивалось, — крайней стабильности, масштабного движения, резких скачков или осмысленных реформ, *выразить свои пожелания оно может только электоральным путем*, то есть через выборы. К мнению, высказанному им посредством бунтов и революций, как правило, некому оказывается прислушаться. И начинать после подобных «высказываний» обычно приходится в лучшем случае с неопределенностей, в худшем — с хаоса.

Несколько по-иному нуждается в выборах *власть* (всякая), вынужденная в перманентном режиме *самоутверждаться* (доказывать, что она — власть в полном смысле слова, — такая уж у нее форма существования) через свою деятельность, собственные программы и проекты, законотворчество, обустройство страны и так далее. Посредством выборов она, во-первых, *может получить мандат* (право на властвование), во-вторых, *возможность легитимации* на разных уровнях, то есть узаконивания своих действий, и наконец, в-третьих — *доступ к практическим прямому диалогу с обществом*, соответственно, и *право на то, чтобы говорить от его имени*. Собственно, *только таким образом* власть способна стать представителем социума (народа, нации), то есть властью (так как мы говорим о демократической власти, то и исходим из того, что здесь нет нужды в уточнениях отдельных неоднозначных моментов).

Понятно, что в своих отношениях как с избирателем, так и с выборами власть, чаще всего и как правило предпочитающая *пути наименьшего*

сопротивления, в русле продления полномочий может быть склонна к применению не совсем легитимных технологий. В то же время, как и все иные акторы электорального поля и общественной жизни за исключением государства, она опирается на первоначальные инстинкты самосохранения, соответственно, в своих желаниях отталкивается от определенных, а зачастую весьма конкретных пределов. То есть знает свое место, с которого и воспринимает выборы, — если и нарушает их порядок, то с оглядкой на возможные последствия. Любая власть, включая и те ее разновидности, демонстрирующие собственную действенность посредством «игр мускулами», больше изображает, чем является, — в отличие от общества, которое во всех без исключения ситуациях больше является, чем кажется.

Поддерживая в определенной (в ее понимании — допустимой) мере введение различного рода стандартов в общественное пространство, власть основывается в том числе и на своих повседневных, если не сказать сиюминутных, потребностях. С данной позиции она не прочь применять их не только по отношению к выборам, но и по большому счету к чему угодно. У нее свое видение и своя рациональность. Действуя практически рука об руку с бюрократией и воспринимая ее как неизбежное в широком смысле слова зло, в своих желаниях сохранять за собой «tron» как можно дольше власть видит в ней союзника и, таким образом, практически намеренно — не до конца, но все же зная, чем это может обернуться, оставляет между собой и государственностью некий зазор, куда время от времени (в некоторых случаях — зачастую) просачиваются нежелательные элементы вроде политico-психологических технологий и тех же стандартов. В ее понимании она подобной тактикой блюдет свои интересы. Так как любые ошибки власти — политические, то в реальности рано или поздно они практически в обязательном порядке (практически, потому что бывает, что настигать оказывается некого) настигают, в одних случаях — действующую власть, в других — ее последователей, и во всех — общество и государство.

В контексте нашего сюжета можно сказать, что такого рода действиями — правда, чаще всего руками бюрократии, власть добивается стандартизации социального пространства в надежде на то, что выборы по стандартам в сочетании со стандартными моралью, образованием, воспитанием, поведением, мышлением и так далее приведут к формированию стандартного, следовательно, максимально управляемого социума, упуская из виду, что стандартизация наряду с управляемостью с крайней неизбежностью лишает общество внутренней свободы, творческого начала, инициативы, самостоятельного восприятия и понимания, а по сути — внутреннего стержня со всеми вытекающими отсюда последствиями. Хорошая новость в том, что и стандартные выборы, как и стандартное общество, представляют собой не больше, чем фантазию, которая недостижима по той явной причине, что жизненное время любой власти короче срока жизни как выборов, так и демократии, не говоря о государстве и обществе. Плохая — в том, что, к сожалению, стандартизация

(явным образом выдающая себя за демократизацию), взявшая свое начало в актуальной действительности и действующая довольно рьяно почти по всему миру, может (пока по естественным обстоятельствам не лишится своих вдохновителей, операторов, бенефициаров, а заодно и действенности) успеть «наломать дров».

Стандартизация — один из сущностных элементов *глобализации*, но не реальной и естественной глобализации, которая *и так происходит* в течение как минимум нескольких веков и, как эволюционный процесс, ни в какой стандартизации не нуждается. Речь идет о *спекулятивных процессах*, под видом глобализации получивших значительное развитие в последние десятилетия. То есть о рукотворном *коммерческом проекте* общемирового масштаба, разработанного и реализуемого *транснациональными корпорациями*, целью которых является, пусть и очень большая, но все же *банальная выгода*. Это чисто техническое действие, облечено во всевозможные культурные и политические одеяния, при этом его экономическая подоснова хоть и тщательно, но без особой успешности скрывается. И в техническом качестве *коммерческая глобализация*, как, впрочем, и ее разработчики-интересанты, лишена некоторого, но при этом очень важного понимания сущности объекта, на который намеревается воздействовать с целью его ни много ни мало трансформации.

На примере избирательной системы скажем, что стандартизация может (возможно, даже с положительных позиций) поменять *арифметику выборов* — сферу, связанную с процедурной проблематикой, но ни в коей мере не способна повлиять на их *математику*, а тем более *тригонометрию или химию*, хотя она претендует именно на подобное влияние. С учетом того, что в электоральном пространстве важно всё, включая *историю, географию, геометрию* (разумеется, все это в опосредованном и несколько абстрактном, но всё же — то есть в конечном счете — в абсолютно прямом смысле), никаким сторонним воздействиям не дано *даже коснуться* внутренней сути выборов и демократии. Не имея никакого практического отношения к народовластию, — особенно к его развитию, а тем более к естественной эволюции, стандартизация может привести только к *расширению территории бюрократии*. Нужно признать, что на данном поле ее интересы сходятся, притом исключительно опосредованно (через бюрократическую систему), с интересами власти.

«Стандартизаторам» (ни локальным, ни глобальным, ни международным, ни каким-либо иным) не понять, что *каждое явление функционально, эффективно, а главное, целесообразно и благотворно на своем месте*, то есть в конкретном пространстве {та же бюрократия на территории своего обитания бесценна и незаменима, но как только она выходит за ее пределы, претендуя на место власти или так называемого глубинного государства (дипстейта), жди беды; точно так же с технократами, которые, добравшись до власти, тут же бросаются управлять страной и государством как корпорацией, а это,

как неоднократно продемонстрировала недавняя и современная история, всякий раз заканчивается фиаско}. *Не всё можно подвергнуть стандартизации*, — как сама жизнь, человеческая суть, разум, психология, этнический менталитет, мораль, так и их проявления и порождения, обладающие постоянной и неразрывной связью со своими первоначалами, *не могут быть стандартными*. Те же *права человека* происходят из *индивидуальной и личностной свободы*, которая ни по одной из своих линий не пересекается со стандартизацией. Выборы исходят из человеческого выбора — внутренне свойственного индивиду имманентной возможности, в свою очередь берущего начало из инстинктивной сферы, в которую доступ предельно ограничен не только технологиям, но и науке. Соответственно, в их сути нет *ни малейшего места стандартизации*. Стандартные выборы могут предполагать, притом по определению, только полный абсурд в виде возможности существования стандартных личностей, так как от природы нестандартный избиратель (*человек*) в какие-либо эталоны и шаблоны не укладывается.

Основываясь на обозначенных моментах и предельно очевидных и явных позициях, можно сказать, что не могут быть стандартными и выборы. По разным оценкам у понятия «культура» существует около 200 определений. Это означает, что культура как явление из-за широты сферы своей деятельности в дефиниции не укладывается. Примерно по такой же причине и выборам одновременно *и легко, и сложно давать определения* [6]. В подобных попытках нужно охватить *слишком большой спектр* как факторов и проявлений, так и позиций, ракурсов и точек зрения, которые во всех ситуациях *субъективны*. В содержании выборов, посредством которых демократическое общество стремится добиться *непредвзятости и беспристрастия*, ничего объективного нет. Возможно, это — наиболее важный момент среди положительных характеристик выборов, который можно раскрыть посредством *естественности их сути*.

Природной основой эlectorальных процессов объясняется и *действенность детерминирующих начал* выборов. Электоральная сфера может только казаться подвластной, подчиненной, зависимой, так как почти все ее системные основания, логистика, отрасль и каркас *рукоторвны*, содержатся в рабочем состоянии и поддерживаются одними из ее главных интересантов — *государством и властью, и без непосредственного участия общества*, которому в основном отводится в значительной степени *фиктивная роль наблюдателя*. Электорат, конечно, «звучит гордо», но зачастую — не более того. На нем *одна лишь ответственность* за то, что он, говоря очень и очень мягко, практически *не контролирует*. В то же время, если заглянуть вглубь электоральных процессов, то за формальным содержанием выборов можно обнаружить реальную *избирательную инфраструктуру*, располагающуюся на *смысовых началах, множественной сущности, созидательных функциях и безальтернативности* выборов. В действительности, на эту безоговорочно главную инфраструктуру, *нередко сами того не подозревая*, опираются не

только государство и власть, но и все возможные, малые, большие, частные и общественные интересанты выборов.

Созида́тельная суть выборов распространяется далеко за пределы любых государственных, властных, социальных, политических и экономических инфраструктур, в одной и той же значимой мере охватывая *не только актуальную реальность, но и прошлое и будущее*. Тем, что они *порождают и формируют власть* (притом это происходит *в течение тысяч лет*), пусть и не очевидным образом и не в непосредственном понимании, но *возвышаются над действительностью*, с одной стороны, как *надежда высшего смысла*, с другой — в качестве той *единственной опоры*, которая не может подвести ни при каких обстоятельствах. Их *множественный* и более чем *сложный контент*, включающий в себя и *конфликтные основания*, не оставляет места вопросу о том, почему именно выборы? Ведь современная ситуация способна предложить массу вариантов формирования властных структур; те же нейросети вполне могут обеспечить чуть ли не абсолютную объективность и беспристрастие как в целом выборов, так и голосования. Дело в том, что *доверие к выборам* напрямую связано с их *внутренним смыслом* и с тем, что для общества (как для граждан и избирателей, так и для населения и народа) *выборы сами по себе являются смыслом*. Если по-другому, то в восприятии большей части избирателей (как бы они сами для себя подобные моменты ни формулировали) в выборах содержится *коллективный разум и общая психология*. Следовательно, *легитимным* (правдивым, истинным, подлинным, настоящим) может быть только тот *вердикт*, который выносится *коллективно*, а значит, «*всем миром*».

В данном восприятии, относящемся (может быть, за редким исключением) *ко всему детскому роду*, выборы — элемент человеческой жизни. И в этом качестве они скрывают в себе полную *nepredskazuemost'*, полученную в наследство от такого концепта с бесконечно неясной сущью, как выбор, связь избирателя с которым стоит того, чтобы на ней хотя бы ненадолго сосредоточиться. Выбор *в своем осознанном виде* присущ исключительно *разуму, а значит, человеку*. Здесь ни одно явление, включая все мыслимые и немыслимые формы правления, управленческие системы, формальные структуры и тому подобное, *не в состоянии конкурировать* с индивидом (избирателем). Он только на первый взгляд прост (настолько, что некоторые авторы позволяют себе такие абсолютно некорректные, а главное, неверные по сути выражения, как «простой человек», «обычные люди» или даже «простой народ»), но во всех ситуациях *именно за ним последнее слово*. Попытки «водить его за нос» (здесь речь идет в том числе и о чуть ли не повсеместно — по всему миру — предпринимаемых попытках управлять, а то и руководить электоральными процессами) *только в краткосрочной перспективе и панорамном ракурсе* они всякий раз и почти с одинаковой неизбежностью оборачиваются обратным эффектом. В отношении выборов,

если более конкретно, то *их разнообразных и временами довольно изощренных фальсификаций*, данный постулат выступает, да и воспринимается, как «божья кара».

Дело тут не в чем-то сверхъестественном, которого в природе не существует, а в *корне ошибочной тактике*, опирающейся на эфемерные цели и задачи, и *стратегии*, основывающейся на ложном восприятии действительности. Как никакой подвиг невозможен без чьей-то ошибки, недоработки, а то и глупых по существу решений, так и любого рода катастрофы — результат того или иного просчета. Пока власть и государство функционируют *во взаимосвязи с собственным источником происхождения — электоратом (социумом и народом)* и исходя из его интересов, в общественном пространстве складывается *одна ситуация*, как только они в большей степени полагаются на какие-то другие (не обязательно на свои) интересы, — положение, при том *всё*, более того, как в общем, так и в мельчайших (не всегда видимых) деталях, *меняется в корне*.

В электоральном поле, кроме формальных (законодательно установленных) правил, существует *внутренний порядок*, базирующийся на не всегда очевидных, но в то же время *глубинных убеждениях и принципах* общества, по которым, в частности, *фальсификация* выборов (кто бы их ни фальсифицировал) неким неведомым обыденному восприятию образом переносит *ответственность* (общую, а можно сказать, и глобальную) с избирателя (следовательно, в целом электората) на власть. И хорошо, если на какой-либо из ее уровней, — зачастую дело получает такой оборот, что безотносительно к уровню выборов обозначенная *масштабная ответственность перекладывается на верховную власть, а нередко и на государство*.

Возможно, для *формальных правителей и действующей власти*, которые за счет различных технологий вполне могут дотянуть до конца своих *календий*, это может и не иметь большого значения, но проблема не в том, каково в подобных ситуациях приходится тем или иным должностным лицам и управленческим структурам, поскольку здесь речь *не совсем о прямой ответственности*. Она больше касается того обстоятельства, что такие моменты сказываются, с одной стороны, на *фундаменте государственности*, на *отношении народа и государства, социума и власти*, с другой, что особенно важно, — на *общественных течениях*. Может оказаться значительное воздействие на *легитимность власти*, особенно с учетом того, что в государственном (властном) и общественном (народном, электоральном) понимании легитимность — *разные категории*. Почти во всех случаях в собственном восприятии власть обладает *одним (как правило, более высоким) уровнем легитимности*, в восприятии народа — *другим (также как правило, но более низким)*. Иногда, особенно в периоды, когда обозначенное понимание кардинально разнится, для объявления «царя ненастоящим» многого не требуется. Как это ни парадоксально, в отличие от памяти власти, в которой мало что хранится *долгое время*, народная память, складывающаяся из памяти индивидов,

референтных групп, коллективов, сообществ и социума, настолько крепка, что при необходимости может предъявить суду истории не только обиды и проявления несправедливости, но и всевозможные недоразумения.

Очевидно, что посредством выборов формируется власть, то есть политическая структура, но означает ли это, что выборы — *политическое действие*? Одним лишь появлением на избирательном участке или тем, что голосует определенным способом (например, опуская избирательный бюллетень в ящик для голосования), гражданин *не становится политиком*. Вряд ли можно считать организаторов, да и всех остальных участников избирательной кампании, политиками. *И активным, и пассивным избирательным правом обладают граждане государства*, которые до того, как стать таковыми, являются членами общества. В содержании выборов трудно обнаружить что-либо политическое, в то же время они *пронизаны и наполнены факторами социального свойства*; практически всегда проводятся на общественной территории. Возможно, эти моменты и придают им существенную степень *легитимации*, так как общество, то есть народ, и *является источником легитимности*. Да, время и место проведения выборов — в разных странах по-разному, то есть разными органами власти или должностными лицами, — назначаются политиками, а этого *явно недостаточно* для признания выборов политическим действием. Всё перечисленное в этом абзаце говорит исключительно в пользу демократии: выборы, как *демократический фактор*, не могут быть *политическими*. Более того, *чем больше в выборах политики, тем они менее демократичны*. То, что *общественные выборы* представляют собой *политическое событие*, никаких противоречий под собой не имеет.

Не менее интересные процессы происходят на противоположной стороне линии *соприкосновения выборных процессов с политической системой*. Они касаются того, что *выборы по определению не могут быть политическими*, даже если проводятся внутри политической системы, так как в таком случае они *заведомо необъективны*. Это означает, что выборы — *вопрос социальный*, и они во всех случаях имеют *непосредственное отношение к обществу*. Проще говоря, условное политбюро (собрание должностных персон, целиком и полностью состоящее из политиков), какие бы каждому из его представителей ни были присущи политические взгляды и мировоззрения, в момент голосования *на определенное время превращается в коллектив членов общества*. В этом примере заключены как *субъективные* (интеллектуальные, эмоциональные, ментальные, этнические, исторические, географические и так далее) *аспекты*, так и *психологические особенности* выборов, свидетельствующие об их *множественной* (многофакторной, разнонаправленной, многовекторной, многоцелевой) *сущности*. В то же время выборы могут быть в том числе политическими, то есть *политическое направление* может являться одним из многих, а в определенных случаях — *одним из значимых контентов*. Члены условного политбюро из приведенного примера при голосовании по тому или иному

вопросу (а они должны голосовать в основном по вопросам государственного значения) могли руководствоваться и политическими мотивами.

Повторяя как мантру, что выборы — это краеугольный камень демократии, нельзя забывать о том, что они же (притом до того, как стать этим самым «камнем») — элемент человеческой жизни и в первую очередь функционируют в качестве данного элемента. Этот момент более чем важен для объяснения *сложной сущности* выборов, поскольку, хотим мы того или не хотим, нам придется сталкиваться и учитывать множественность человеческой натуры. И как следствие — умножить ее на локальный, региональный, национальный избирательный округ (в каждой из перечисленных вариаций — на множество множественостей). И тогда мы можем получить ответ на огромное число накопившихся вопросов в отношении как выборов, так и демократии. А затем, возможно, перестанем размышлять на тему того, можно ли руководить выборами, насколько они важны, чего стоят их симулякры и подобия, во что обходятся избирательные игры и так далее.

Так уж повелось, что в коннотации выборов большинству видится особого рода противостояние между социумом и властью, — акторами, которые по своей природе — как по происхождению, так и целевому назначению — союзники. В действительности, подобного рода антагонизмы возможны, но не более того, хотя данное восприятие неслучайно. То, что им обоим не хватает взаимного доверия, выше уже было сказано. Добавим не менее значимое обстоятельство, без наличия которого у них не только с этим самым доверием, но и со многими иными аспектами взаимодействия всегда будут проблемы. Речь идет об обойдной искренности, начисто отсутствующей в отношениях власти и общества. При наличии искренности эти акторы-союзники вряд ли, глядя удивленными глазами друг на друга, изображали бы недоумение по поводу того, откуда берутся «черные» и «грязные» технологии, абсентеизм, равнодушие, безразличие, политическое невежество, почему чуть ли не в большинстве случаев победителями избирательной конкуренции становятся как минимум не самые лучшие, демократизация оборачивается стандартизацией, глобализация на поверхку оказывается коммерческим проектом, а самое главное, — по какой причине этому перечню нет ни конца ни края.

Сложно сказать, на каком повороте истории искренность выпала из их арсенала, но пока они (оба, притом одновременно, так как искренность может быть только взаимной) ее не вернут, общий проект (демократия) социума и власти обречен блуждать «в темной комнате в поисках несуществующей черной кошки» в качестве то фикции, то абстракции, а то и фантазии. Что же касается избирательных процессов и избирательной практики, то по сути своей они, несомненно, имеют отношение к конкуренции, но их квинтэссенция, то есть выборы, — это ключ. Человечеству только предстоит обнаружить замочную скважину, в которую оно может этот ключ вставить.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / пер. с нем. Б.Г. Столпера. М.: Издательство АСТ, 2023. 960 с.
2. Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельмана. Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики», 2-е изд. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023. 193 с.
3. Сакс Дж. Мораль. О восстановлении общего блага в эпоху разобщенности / пер. с англ. Олега Алякринского. М.: Книжники, 2024. 400 с.
4. Стефанов Я.Н. Безреволюционное развитие и непрерывная демократия // Гражданин. Выборы. Власть. 2024. № 2. С. 135–150.
5. Гасанов И.Б. Новый Вавилон. Эволюция государства — от единовластия к двоеначалию. М.: МедиаПресс, 2019. 816 с.
6. Гасанов И.Б. Выборы как способ кардинального улучшения качества власти // Журнал о выборах. 2003. № 2.

Л.Д. МИШИН

НОВАЯ ПАРТИЯ БЛАГОДЕНСТВИЯ ТУРЦИИ: АЛЬТЕРНАТИВА ИЛИ БЕСПЕРСПЕКТИВНАЯ КОПИЯ?

Аннотация. Новая партия благоденствия стала по-настоящему феноменом в современном политическом процессе Турецкой Республики, заявив о себе на местных выборах 2024 года и получив убедительное число голосов избирателей. Являясь партией умеренного политического ислама, новое объединение предложило подходы, отличные от тех, что с 2002 года представляет Партия справедливости и развития (ПСР) под началом Р.Т. Эрдогана. Партия умело использует нарративы правящей партии двадцатилетней давности, часть из которых оставлена позади, что добавляет популярности объединению среди разочарованного в ПСР избирателя. Она явно имеет шансы на закрепление успеха 2024 года, а также на заявление о себе как о полноценной альтернативе Партии справедливости и развития.

Ключевые слова: Турция, партийная система Турции, Новая партия благоденствия, политический ислам, семья Эрбакан, Milli Görüş.

THE NEW WELFARE PARTY OF TÜRKİYE: NEW ALTERNATIVE OR FUTURELESS COPY?

Abstract. The New Welfare Party has become a real phenomenon in the modern political process of the Republic of Türkiye, declaring itself in the 2024 local elections and receiving a convincing number of votes. As a party of moderate political Islam, the new association proposed approaches different from those proposed by the Justice and Development Party (AKP) under the leadership of Recep Tayyip Erdogan since 2002. The party skillfully uses the narratives of the ruling party from twenty years ago, some of which have been left behind, which adds to the popularity of the association among the electorate disappointed in the AKP. The party clearly has a chance to consolidate the success of 2024, as well as to declare itself as a full-fledged alternative to the Justice and Development Party.

Keywords: Türkiye, party system of Türkiye, The New Welfare Party, political islam, Erbakan family, Milli Görüş.

Анализируя историю становления Новой партии благоденствия (Yeniden Refah Partisi), нельзя обойти стороной ее предшественника, — Партию благоденствия и ее основателя Неджметтина Эрбакана (Necmettin Erbakan) — видного теоретика политического ислама и главного наставника и учителя президента Р.Т. Эрдогана. В 1969 году Эрбаканом был разработан манифест,

---

МИШИН Лев Дмитриевич — младший научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва

получивший название *Milli görüs* («Национальный взгляд»), который, воврав в себя идеи политического ислама, заложил основы идеологии неоосманизма [1. s. 788–806].

Идеология Эрбакана претворялась в жизнь путем создания ее автором целого ряда партий. Первой была Партия национального порядка (*Milli Nizam Partisi*), которая в 1971 году была закрыта решением Конституционного суда за свою, по мнению турецкого правосудия того периода, исламистскую деятельность.

Следующим политическим детищем Эрбакана стала Партия национального спасения (*Milli Selamet Partisi*), которая в 1974 году сформировала альянс с Народно-республиканской партией (*Cumhuriyet Halk Partisi*). Объединение получало стабильно высокие для турецкой партийной системы голоса. В частности, на всеобщих выборах 1977 года Партия национального спасения добилась 8,6 процента голосов. После военного переворота 1980 года коалиция была запрещена.

В том же году была создана Партия благоденствия (*Refah Partisi*), которая в 1995 году образовала союз с партией «Правильный путь» и впоследствии смогла победить на всеобщих выборах. Ее глава стал премьер-министром, однако на этом посту он долго не продержался. В 1997 году в результате так называемого «бархатного военного переворота» Н. Эрбакан был отстранен от власти.

16 января 1998 года Конституционный суд Турции запретил Партию благоденствия (*Refah Partisi*). Примечательно, что распуск партии поддержал и Европейский суд по правам человека, подчеркнув, что партия ставила своей целью переопределение понятия «секуляризм», а значит действия государства были хоть и жесткими, но справедливыми¹.

* * *

Отдельного упоминания достоин факт тесных отношений Неджметтина Эрбакана и Реджепа Тайипа Эрдогана. Последний называл бывшего премьер-министра своим наставником и вдохновителем². Тем не менее их пути достаточно быстро разошлись по мере того, как Эрдоган начал свое восхождение как политик национального уровня, а не просто как мэр Стамбула (что также традиционно является важной должностью в турецкой политике, но все же обладающей ограниченным значением в рамках страны).

Ключевыми положениями, по которым между бывшим учителем и учеником возник разлад, стали взгляды на Европейский союз и НАТО. Эрбакан традиционно выступал с антизападных позиций, настаивая на выходе из НАТО и отказе от вступления в ЕС, тогда как Эрдоган сразу после прихода

¹ Refah Partisi // LawTrend. URL: <https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/03/Refah-Partisi-v11.-Turkey.pdf> (дата обращения: 12.09.2025).

² Erdoğana siyaset yolu açıldı // Evrensel. URL: <https://www.evrensel.net/haber/125145/erdogan-a-siyaset-yolu-acildi> (дата обращения: 12.09.2025).

его партии к власти в 2002 году и обретения премьер-министерского портфеля провозгласил целью вступление в Евросоюз и усиление взаимодействия с НАТО. Именно при нем начались существенные подвижки по приведению турецкого законодательства в соответствие с требованиями Европейского союза. Наиболее ярким примером этого стал законодательный запрет на пытки, действовавший до 2004 года³. До принятия закона о данном запрете Турция была единственной страной Европы, где пытки были официально разрешены.

Набор названных предпосылок и стал отправной точкой в разладе между двумя бывшими соратниками. В 2001 году в интервью газете Milliyet Эрдоган заявил: «Если бы он мог просто уйти, он стал бы еще более ценным. Наши лидеры не умеют уходить, их амбиции чрезмерны. Возможно, они считают: „Если я оставлю свое кресло, никто не постучит в мою дверь“»⁴. На этом отношения между двумя политиками прекратились, а в СМИ периодически просачивалась их критика в отношении друг друга.

Тем не менее Эрдоган после смерти Эрбакана регулярно упоминал своего учителя в речах, отмечая его огромный вклад в становление как страны, так и его лично [2. с. 399]. Из наиболее ярких примеров, свидетельствующих об отношении Эрдогана к своему бывшему соратнику, можно назвать вручение президенту потерянного письма от Н. Эрбакана, что широко освещалось проправительственными СМИ⁵. Помимо этого, президента неоднократно замечали у могилы автора «Национального взгляда», что также активно распространялось средствами массовой информации⁶.

Становление Новой партии благоденствия и основные программные положения

Путь формирования нового политического объединения, фактически, начался за несколько лет до его официального обрамления. В 2013 году сыновья Н. Эрбакана, Фатих и Элих, основали Фонд имени своего отца — экс-лидера Партии счастья и бывшего премьер-министра Турции, сферой деятельности которого было заявлено сохранение и развитие идеи «Национального взгляда», а также проведение исследований в экономических, идеологических и политических сферах⁷. А через некоторое время

³ Türkiye'de iskence en büyük insan hakları sorunu // Haberler. URL: <https://www.haberler.com/guncel/turkiye-de-iskence-en-buyuk-insan-haklari-sorunu-17460702-haberi/> (дата обращения: 12.09.2025).

⁴ Erdoğan Necmettin Erbakanı tutuklatmak istedî // Yenicagazetisi. URL: <https://www.yenicaggazetesi.com.tr/erdogan-necmettin-erbakan-tutuklatmak-istedi-iddiasina-bir-aciklama-da-fatih-769986h.htm> (дата обращения: 12.09.2025).

⁵ Erbakanın mektubu 26 yıl sonra başkan Erdoğan ullaştı // Ahaber. URL: <https://www.ahaber.com.tr/ozel-haberler/2023/04/26/erbakanin-mektubu-26-yil-sonda-baskan-erdogana-ulasti-hediye-sahibine-teslim-edildi?paging=3> (дата обращения: 12.09.2025).

⁶ Başkan Erdoğan'dan Erbakan'a // Ahaber. URL: <https://www.ahaber.com.tr/gundem/2023/05/27/baskan-erdogandan-necmettin-erbakan-ve-turgut-ozalin-kabrine-ziyaret> (дата обращения: 12.09.2025).

⁷ Erbakan vakfı genel merkezi açıldı // Anadolu Ajansı. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/prof-dr-necmettin-erbakan-vakfi-genel-merkezi-acildi/203692> (дата обращения: 12.09.2025).

к целям Фонда было добавлено стремление к созданию новой партии, которая возьмет за основу идеи Н. Эрбакана.

В 2018 году Фатихом Эрбаканом была основана Новая партия благоденствия (НПБ). Ее изначальный кадровый состав (99 человек) большей частью состоял из людей «Фонда Эрбакана» [3, с. 214–231].

В программе партии, названной «Ради новой Великой Турции» и «Ради нового мира» подчеркивается, что на сегодняшний день НПБ – единственная политическая партия, представляющая идеологию «Национальный взгляд». Помимо этого, партия в первую очередь будет основываться на идее «Национального взгляда», которая, как написано в программе, принималась на протяжении веков народом. Подчеркивается, что партия отдает предпочтение правам человека, справедливости и руководствуясь правилом «Мораль и духовность – прежде всего». В программе Партии в качестве основных столпов названы справедливость, мораль, духовность, национальная воля, благосостояние, мир, права, верховенство закона, разделение властей и так далее. Важно отметить, что, в отличие от предшественника НПБ – Партии благоденствия, в программе новой партии принцип секуляризма не упоминается, а демократия сводится лишь к политическим партиям⁸.

Важнейшей целью партии является усовершенствование института президенства путем усиления независимости ветвей власти и расширения влияния парламента. Одним из важнейших направлений партия считает укрепление научного и образовательного потенциала Турции. По мнению Новой партии благоденствия, только непревзойденный научный потенциал способен обеспечить будущую Великую Турцию всем необходимым для ее становления мировой державой⁹.

Отдельное место в программе занимает энергетический вопрос: обозначается стремление к снижению зависимости от импорта энергоносителей, однако НПБ стремится выдерживать баланс между своими основными торговыми партнерами, среди которых особо выделяются Россия, Иран, Азербайджан, Катар и Алжир. Партия выступает против строительства ГЭС в туристических регионах Черноморского побережья¹⁰.

Что касается курдского вопроса, то в программе акцентируется внимание на приоритетном значении повышения уровня жизни юго-восточных регионов Турции (преимущественно населенных курдами). Вместе с тем слово «курд» принципиально не используется, что расходится со взглядами Н. Эрбакана о мирном сосуществовании турецкого и курдского народов. В дополнение к сказанному отмечается необходимость улучшения отношений с Сирией, Ираком и Ираном и отказа от конфронтации с ними¹¹.

⁸ Yeniden Refah Partisi programı. URL: <https://yenidenrefahpartisi.org.tr/page/parti-programi/14> (дата обращения: 12.09.2025).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Отдельное место в программе занимают планы по усилению армии и наращиванию собственного производства вооружений. Планируется введение специальных уроков в школах, на которых будет рассказываться о подвигах турецких мучеников¹².

Одним из слоганов партии является фраза «Для благополучия каждого». Во внешнеполитическом разделе программы говорится о «неустойчивых» взаимоотношениях Турции и ЕС и высказывается мысль о том, что политика США «не служит миру во всем мире», а ряд событий, в том числе сирийские, свидетельствуют о том, что НАТО не справляется со своими обязательствами перед Турецкой Республикой. Отдельно подчеркивается агрессивное поведение Североатлантического альянса по отношению к мусульманским странам. Совокупность данных факторов позволяет партии предположить, что Турция рано или поздно может покинуть данное объединение¹³.

Внимание уделяется тюркскому и исламскому миру, в частности Кипру и Африке. Россия при этом названа соседом, а также отмечено, что партия поддержит с ней любые экономические проекты, которые будут созданы на основе взаимного уважения и обоюдных интересов¹⁴.

На основе анализа программы НПБ можно сделать вывод, что она в целом имеет схожие нарративы с положениями программы партии Р.Т. Эрдогана на начальном этапе ее деятельности. Во внутриполитическом аспекте на первый план вновь выдвигаются позиции консерватизма и умеренного ислама, но в чуть более выраженном оформлении. На наш взгляд, это и стало одним из поводов для перехода бывшего избирателя Партии справедливости и развития к Новой партии благоденствия¹⁵.

В отношении непосредственно становления партии стоит отметить, что объединение Фатиха Эрбакана первые политические шаги делало на умеренной критике ПСР без принципиального противопоставления своей позиции «линии» правящей партии. Некоторые турецкие общественники и журналисты выдвигали предположения о том, что новообразованная партия Ф. Эрбакана — всего лишь «спойлер» радикальных инициатив ПСР. Наиболее ярким примером для подобных утверждений стали заявления лидера НПБ с осуждением ЛГБТ (признано экстремистским движением в России). Руководителям Новой партии благоденствия приписывалось и «ковид-диссидентство» из-за их публичных рассуждений о смертельной опасности вакцин от COVID-19. В связи с упомянутыми обстоятельствами среди турецкой общественности укоренилось мнение о нераздельности взглядов правящей партии и НПБ [4. с. 468–481].

Вплоть до 2023 года объединение Ф. Эрбакана было едва заметно на внутриполитическом треке. Его основной избирательный блок состоял из бывших

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

сторонников ПСР, не разделявших ее умеренность во внешней и внутренней политике. В канун всеобщих и президентских выборов 2023 года НПБ приняла решение выступить в союзе с правящей коалицией на президентских выборах, поддержав выдвижение Р.Т. Эрдогана, однако на парламентские выборы объединение пошло самостоятельно, набрав всего 2,8 процента голосов. Этот показатель не мог быть прорывным, но с учетом того, что данные выборы были первыми в истории партии, он стал весьма неожиданным для экспертного сообщества.

Примечательным в данном кейсе стало региональное распределение полученных голосов. Так, в Бингёле НПБ набрала 10 процентов голосов, в Малатье – 9,2 процента, в Карабюке – 8,2 процента¹⁶. Важно отметить, что в этих регионах был замечен наибольший отток голосов из традиционно доминирующих здесь Партии справедливости и развития и Партии националистического движения (особенно это касается Малатии, которая неофициально считалась «вотчиной» ПНД).

Выборы продемонстрировали, что Новая партия благоденствия является магнитом для той части избирателей правящей коалиции, которая стремительно в ней разочаровывается. В связи с этим Фатихом Эрбаканом было принято решение о выходе из коалиции с ПСР и ПНД на местных выборах 2024 года. Оно было аргументировано коренными расхождениями взглядов на внешнюю политику. Ф. Эрбакан и его партия решительно выступали против агрессии Израиля в Палестине и призывали руководство страны занять более жесткую позицию в отношении данного конфликта. Новая партия благоденствия также осудила продолжение ведения бизнеса с Израилем, в чем, по сообщениям ряда общественников, был замешан старший сын Р.Т. Эрдогана – Биляль.

В канун местных выборов Эрбакан заявил, что если правительство объявит о прекращении торговли с Израилем, о закрытии радиолокационной станции Кюреджик в Малатье, которая была создана для защиты Израиля, и объявит об увеличении минимальной пенсии до 20 тысяч лир, то НПБ будет готова отозвать своего кандидата в Стамбуле (то есть вновь примкнуть к правящей коалиции). Так как далеко не все члены партии были согласны с данным решением, то произошел крупнейший в истории НПБ исход функционеров из ее состава: о своей отставке объявили 120 человек, а что особенно примечательно, они перешли в партию Эрдогана¹⁷.

Местные выборы 2024 года стали для партии довольно успешными. Набрав 6,19 процента голосов, она заняла третье место после Народно-республиканской партии и Партии справедливости и развития. НПБ смогла

¹⁶ Seçim sonuçları. URL: <https://secim.sozcu.com.tr/secim2023mayis14> (дата обращения: 12.09.2025).

¹⁷ Yeniden Refah Partisinde istifa firtinası // Ahaber. URL: <https://www.ahaber.com.tr/gundem/2023/03/22/yeniden-refah-partisinde-istifa-firtinası-120-kisi-ak-partiye-gecti> (дата обращения: 12.09.2025).

обойти даже предыдущих фаворитов İYİ и DEM¹⁸. Не менее неожиданными стали результаты в конкретных муниципалитетах: в Йозгате и Шанлыурфе партии Ф. Эрбакана удалось с отрывом победить всех конкурентов (в них было набрано более 30% голосов)¹⁹. Во всех остальных регионах НПБ стабильно заняла 3–4 места, и лишь на традиционно либеральном юго-западном побережье страны партия не смогла войти в первую четверку победителей.

Данный итог, как вполне ожидаемый результат снижения поддержки традиционных представителей консервативного крыла, стал неожиданностью для многих представителей экспертного сообщества Турции, однако представители Новой партии благоденствия, комментируя свои успехи, отмечали, что объединению помогли два главных фактора: жажда народа по экономической стабильности и его стремление к духовности и морали²⁰.

Превосходство программы НПБ по первому пункту основывается на том, что идеология «Национального взгляда» подразумевает справедливый подход к экономике. В программе внимание избирателей акцентируется на том, что вот уже 20 лет кабинет министров ПСР и ПНД закрывает глаза на собственный народ. Подчеркивается, что данное правительство полностью переняло западную капиталистическую систему, которая не подходит Турции²¹.

Что касается второго пункта, то НПБ выделяет падение моральных качеств населения, что, по мнению лидеров партии, вызвано телевизионными передачами, в которых культивируются наркотики и отсутствие традиционных турецких семейных ценностей²².

Будущее Новой партии благоденствия в актуальном политическом процессе

Новая партия благоденствия во главе с Фатихом Эрбаканом успешно «оседлала» повестку, активно использовавшуюся Партией справедливости и развития в первые годы правления. В то же время избранная в начале политического пути «линия» на союз с правящей партией показала свою надежность с точки зрения закрепления на политической арене, однако не предоставляла возможности для значительного роста поддержки, что и было продемонстрировано на первых для партии всеобщих выборах 2023 года.

Решение Ф. Эрбакана и его партии отойти от союза с ПСР и ПНД в экспертной среде Турции изначально было воспринято с подозрением, однако уже на местных выборах 2024 года изменение тактики наглядно показало целесообразность принятого решения. Несмотря на вторичность подхода

¹⁸ Партия «Хорошая» (İYİ) и Партия равенства народов и демократии (DEM Parti).

¹⁹ Seçimler sonuçları. URL: <https://secim.sozcu.com.tr/secim2024mart31> (дата обращения: 12.09.2025).

²⁰ Yeniden Refah Partisi neden ve nasıl güclendi // T24. URL: <https://t24.com.tr/haber/yeniden-refah-partisi-neden-ve-nasıl-güclendi,1159273> (дата обращения: 12.09.2025).

²¹ Там же.

²² Там же.

переманивания повестки от одной, более популярной, партии к другой, только начинающей свое восхождение, этот метод оказывается вполне действенным, особенно если он применяется в условиях согласия основного массива избирателей с основными положениями повестки, который одновременно недоволен реализацией данных идей конкретной партией.

Подобный кейс и произошел с Партией справедливости и развития, в которой из-за продолжающегося кризиса в экономике, вызванного не в последнюю очередь действиями самого правящего руководства, разочаровался значительный процент ее традиционного избирателя. Тем не менее было бы ошибкой говорить, что ПСР ничего не предпринимает для борьбы с оттоком сторонников к своему прямому идеологическому конкуренту. Всю осень 2024 года можно было наблюдать поток новостей о том, что члены Новой партии благодеяния покидают объединение и переходят в ПСР. Примечательно, что речь идет не просто о рядовых членах, но о руководителях целых отделений партии. Так, в ноябре 2024 года покинули НПБ глава женского крыла партии С. Оздемир и глава молодежного крыла И. Меневеше²³.

* * *

Таким образом, можно подытожить, что Новая партия благодеяния привнесла новые переменные в политическое пространство Турецкой Республики. Этого эффекта удалось добиться в первую очередь благодаря неожиданно сильным результатам на местных выборах 2024 года. К этому привел ряд грамотных стратегических решений, среди которых самым значительным оказался выход из наиболее благоприятного и стабильного сценария развития объединения — союза с правящим руководством. Именно это позволило встать на собственную тропу подвижек, хоть и не лишенную недостатков. Среди последних в качестве основных можно назвать неясность перспектив, притом на фоне того, что основная позиция НПБ лишь отражает недовольство качеством проводимой правящей партией политики, но не противопоставляет себя ей и даже подчеркивает верность принятого когда-то ПСР пути.

Последствия этого обстоятельства проявляются в том, что начиная с 2024 года отдельные члены Новой партии благодеяния переходят в правящую партию. Некоторые эксперты отмечают, что одно из объяснений данной ситуации — угроза преследования со стороны власти, хотя допустимо предположение, что корень проблемы кроется в неопределенности партийных перспектив.

Будущее партии Фатиха Эрбакана продемонстрируют всеобщие выборы 2028 года, по итогам которых станет ясно: успело ли объединение

²³ Yeniden Refah Partisinden AKPye transfer // Cumhuriyet. URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/siyaset/yeniden-refah-partisinden-akpye-transfer-2269151> (дата обращения: 12.09.2025).

выработать новые смыслы, способные подстегнуть не просто разочаровавшийся избиратель ПСР, но и привлечь нового, ранее не обращавшего внимание на идеологию политического ислама избирателя. Ведь в истории турецкой политической системы были прецеденты, когда партии со схожими программами уходили в прошлое после изживания протестного ресурса [5. s. 697–733].

Список литературы

1. Çaha Ö., Baykal Ö. Milli Görüş Hareketinin Kuruluşu: Türk Siyasetinde Milli Nizam Partisi Deneyimi // Gazi Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi. 2017. № 19(3).
2. Современные избирательные системы. Португалия, Турция, Эстония / А.С. Автономов, В.А. Аватков, А.И. Сбитнева, В.А. Оленченко; научный редактор В.И. Лафитский. М.: Норма, 2022. 399 с.
3. Işık M. Yeniden Refah Partisi'nin Kurumsal Belgelerinde ve Partili Yetkililerin Açıklamalarında Kadına Bakış // Bartın Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Fakültesi Dergisi. 2024. № 15(30).
4. Demir O., Kivrak E. Yeniden Refah Partisi: Kuramsal Bir Değerlendirme // Eskişehir Osmangazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. 2024. № 25(2).
5. Hamdemir B., Çelik A. Türkiye'de Parti Sistemleri // Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 2019. № 67(4).

И.В. СУСЛОВ
Ю.Я. ДУБРОВИНА

РЕИДЕОЛОГИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: КАРТОГРАФИЯ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИХ ПОЗИЦИЙ

Аннотация. В общественно-политическом пространстве современной России замечен нарастающий интерес к реидеологизации как инструменту укрепления политической стабильности и общественной консолидации. В статье рассматриваются ключевые политico-философские позиции, отражающие восприятие процессов реидеологизации в научном сообществе в 2012–2024 годах. Анализ показывает, что в интеллектуальной среде России сложились разнонаправленные позиции: от критики рисков идеологической унификации, предполагающей ограничение политического плюрализма, до поиска способов конструктивного участия в определении направлений национального развития и формировании ценностных ориентиров государственной политики. В научном дискурсе обозначились такие концептуальные линии, как гуманистическая перспектива, культуроцентричный подход и коммунитарные проекты, а также стратегии интеллектуального дистанцирования от идеологических практик. Совокупность выявленных политico-философских позиций позволяет одновременно говорить и о кризисе философской идентичности, и о формировании новых эпистемологических рамок, в которых переосмыслиается роль идеологии в процессах общественной консолидации и государственного строительства.

Ключевые слова: идеология, реидеологизация, власть, общественная консолидация, политico-философские позиции, государственная политика, национальные ценности.

REIDEOLOGIZATION OF RUSSIAN SOCIETY: CARTOGRAPHY OF POLITICAL-PHILOSOPHICAL POSITIONS

Abstract. In the socio-political space of contemporary Russia, there is a growing interest in re-ideologization as an instrument for strengthening political stability and social consolidation. The article examines key political-philosophical positions reflecting the perception of re-ideologization processes within the academic community in 2012–2024. The analysis demonstrates that the intellectual environment has developed divergent positions: from criticism of the risks of ideological unification, implying restrictions

---

СУСЛОВ Иван Владимирович — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов
ДУБРОВИНА Юлия Яковлевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

on political pluralism, to the search for constructive ways of participating in defining national development trajectories and shaping the value orientations of state policy. The scholarly discourse has revealed such conceptual lines as the humanistic perspective, the culture-centered approach, communitarian projects, as well as strategies of intellectual distancing from ideological practices. The totality of identified political-philosophical positions indicates both a crisis of philosophical identity and, simultaneously, the emergence of new epistemological frameworks in which the role of ideology in processes of social consolidation and state-building is being reinterpreted.

Keywords: ideology, re-ideologization, power, social consolidation, political-philosophical positions, state policy, national values

Отказ от государственной идеологии, зафиксированный в Конституции Российской Федерации 1993 года¹, на протяжении первого постсоветского десятилетия определял нормативно-ценостный контур политico-публичных и научных споров о перспективах развития страны. Деидеологизация трактовалась как необходимое условие перехода к демократическому устройству общества, призванного преодолеть тоталитарное прошлое и обеспечить идеологический нейтралитет государства, формировалась концепция идеологического плюрализма, предполагающая недопустимость господствующей идеологии и приоритет личностной автономии в определении ценностных ориентиров. В.Т. Кабышев полагал, что «демократическое правовое государство не может нормально функционировать без политического многообразия жизни, основу которой составляет политический плюрализм, проявление свободы человека» [1, с. 49].

Однако с началом XXI века наблюдается постепенное смещение парадигмы. В частности, в 2004 году заметным явлением стал выход двух монографий – «Проект Евразия» А.Г. Дугина [2] и «Российская идеология 21» В.Н. Кузнецова [3], в которых утверждалась возможность создания и успешного функционирования идеологии, призванной объединить российское общество. Перспективы и эффективность новой российской идеологии оценивались как положительные, а также отмечалось, что только через идеологию консолидации можно обогатить и наполнить цели, идеалы и ценности людей значимым смыслом. Идеология, таким образом, наделялась способностью предоставить смысл жизни, произведя российскую мечту на основе сохранения и укрепления исторической памяти и культуры патриотизма.

Позднее В.С. Мартьянов и Л.Г. Фишман [4] отметили трагическое совпадение постсоветского транзита России в 1990-е годы с истощением морального импульса, легитимировавшего политический проект капитализма. Исследователи утверждали, что для создания новой идеологии, способной сохранить человеческие ценности от деградации и кризиса, необходима

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (в ред. от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. 06.10.2022. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 24.06.2025).

моральная трансформация (революция) российского общества [4]. Также Е.Н. Мощелков объяснял слабую эффективность многих стратегических национальных программ и доктрин двух постсоветских десятилетий отсутствием национальной идеи [5, с. 71].

Уже в первой декаде нового века оказались ощутимыми процессы интеллектуального и политико-культурного разворота от либерального универсализма к формам консервативного традиционализма. А.В. Рубцов фиксирует в 2010–2011 годах изменения в официальном и медийном дискурсе, связанные с заменой терминов модернизационного толка (инновация, экономика знаний, человеческий капитал) на концепты, апеллирующие к духовным, культурным и историческим основаниям российской государственности, — традиции, духовность, культурные коды, идентичность, скрепы [6, с. 68]. Подобная трансформация не была исключительно риторической: она сопровождалась институциональными изменениями в сфере образования, культуры, информационной политики, государственно-конфессиональных отношениях.

Политико-риторический проект реидеологизации, начавшийся в 2010 годы, постепенно охватывал всё большее количество сфер общественной жизни, внося корректизы в школьные учебники, патриотическое воспитание, стратегии культурной политики и легитимации настоящего через героизированное прошлое.

Реакция научного сообщества на процессы реидеологизации выявила наличие нескольких концептуальных стратегий. Часть исследователей выступила с критикой происходящих изменений в идеологической сфере, указывая на риски воспроизведения авторитарных форм политической регуляции. Так, А.А. Кара-Мурза акцентирует внимание на опасности тотализации идеологии в условиях отсутствия полноценного гражданского общества и независимых институтов гражданского контроля. Идеология, по его мнению, неизбежно приобретает репрессивный характер, подменяя рациональную дискуссию принуждением к нормативному единомыслию [7, с. 27–44]. Э.А. Соловьёв в свою очередь выделяет ряд ключевых механизмов идеологического манипулирования массовым сознанием: формирование образа врага, эксплуатация geopolитических мифов, поощрение ксенофобии, сакрализация исторического нарратива [8, с. 10–12].

Другая часть научного сообщества отмечала, что идеология, как форма структурирования коллективного сознания, неизбежна, следовательно, задача философии заключается не в отрицании феномена как такового, а в разработке нормативных оснований легитимной и открытой идеологии, способной консолидировать общество на базе общенациональных ценностей [9, с. 5–18]. В этом контексте получает популярность политико-духовный концепт «национальной идеи» как формы смысловой консолидации в условиях фрагментированного и атомизированного общества. Подобные усилия поддерживаются

и в концепции «ценностного ядра нации», в рамках которой Россия мыслится как носитель особой цивилизационной миссии, противостоящей западной универсалистской экспансии.

О национальной идее говорил и Президент нашей страны В.В. Путин. В рамках приветствия организаторам, участникам и гостям первой всероссийской конференции «Демографическая политика современной России: как добиться роста вопреки прогнозам» глава государства отметил, что еще на рубеже XIX–XX веков великий русский мыслитель Д.И. Менделеев выразил главную национальную идею в виде «приумножения народа России»². Такая национальная идея приобретает особую актуальность сейчас, когда «крепкая семья» провозглашается в качестве основной традиционной российской духовно-нравственной ценности³. Дополнительный вклад в осмысление современных форм идеологического производства вносит интерпретация идеологии как фактора geopolитического суверенитета. Несмотря на критику догматических и нередко квазирелигиозных форм этих теорий, их широкое распространение указывает на востребованность интегративных нарративов в условиях идеологического вакуума постсоветского периода развития российского общества.

Коллектив Института философии и права УрО РАН попытался ответить на вопрос: существует ли альтернатива идеологии как инструменту социального управления. По мнению исследователей, успех в модернизации идеологии требует соответствия желаемого настоящего и будущего этическим принципам не только отдельных групп общества и России, но и всего человечества [10].

Вышеприведенную позицию поддерживает и Ю.Г. Волков, замечая, что трудно оспаривать роль идеологии как силы, способной объединять и мобилизовывать общество. Однако вопросы, возникающие относительно развития идеологической сферы, преодолеваются через усилия по гуманизации, легитимации идей социального творчества, самореализации и альтруизма. Важное различие между идеологией гуманизма и традиционными идеологиями ученый видит в отсутствии насилиственного воздействия, ведущего к политическим конфликтам в процессе реализации гуманистических идей [11].

Таким образом, процессы реидеологизации не могут быть поняты исключительно в терминах возвращения к прежним формам идеократии; они свидетельствуют о качественном изменении характера самой идеологии, о ее переходе от директивного к латентному, от декларативного к структурному типу функционирования. В этих условиях социально-политическая

² Путин назвал главную национальную идею России // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17601115?ysclid=mca6kls9qn420054852> (дата обращения: 24.06.2025).

³ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

наука приобретает новую актуальность в качестве области, способной к концептуализации механизмов идеологического воздействия, выработке критериев легитимности идеологических программ и защите автономии мышления как фундаментальной ценности.

В конце 2010-х годов в обсуждении реидеологизации российского общества наметились *две тенденции*: *первая* была связана с изучением идеологических позиций и логики действий *российской элиты*, *вторая* — с определением политico-идейных характеристик, собственно, *россиян*.

Научный взгляд на идеологическую самоидентификацию политической элиты может быть охарактеризован как скептический. Л.Г. Фишман указывал на сочетание в современном российском правящем классе черт бюрократии, буржуазии и советской номенклатуры как фактор, препятствующий созданию идеологии принципиально противоположной западному либерально-универсалистскому проекту [12]. При этом некоторые политологи называли идеологию маской, созданной в качестве стратегического проекта для привлечения голосов избирателей [13, с. 129–142; 14, с. 15–31].

Реакция массового сознания на реидеологизацию общественной жизни была зафиксирована в серии важных социологических исследований, проведенных на рубеже второго и третьего десятилетий XXI века. Однако результаты оказались противоречивыми.

Многомерный анализ социологических опросов, осуществленный в Институте социально-политических исследований РАН в 2018 году, показал, что современные политические и идеологические взгляды населения представляют собой смесь традиционных советских ценностей и либерально-демократических установок [15, с. 471–472]. В 2020 году В.В. Петухов делал вывод о неопределенности идеологических предпочтений большинства россиян, хотя справедливость, демократия и державность с определенными оговорками назывались как консенсусные [16].

Исследование, проведенное под руководством Т.Н. Юдиной, позволяет делать еще более резкие выводы о степени идеологизации массового сознания в начале 2020-х годов. Подтверждается, во-первых, уменьшение значимости идеологии в обществе, во-вторых, смягчение идеологической поляризации среди граждан, в-третьих, увеличение разнообразия взглядов, а также потеря идеологическими ориентирами статуса терминальных ценностей [17, с. 588–589].

Таким образом, результаты сопоставительного анализа не подтверждают тенденцию к архаизации или модернизации идеологических взглядов россиян, не указывают на их однозначный «левый» или «правый» поворот. В отсутствие ясной национальной идеи наблюдается эклектизм, характеризующийся соседством социалистических и капиталистических ценностей, предполагающий стремление к свободе и богатству с одновременным требованием создания условий социальной защищенности. Насколько в данной ситуации уместно говорить о создании единой государственной идеологии?

Внесение поправок в Конституцию Российской Федерации⁴ и осложнение геополитической обстановки приводят к возникновению в российском научном дискурсе двух точек зрения. С одной стороны, всё решительнее раздаются голоса сторонников идеологического самоопределения государства и общества, с другой, — заявляется о необходимости соблюдения некоторых условий и осторожности в процессе непременной реидеологизации. Вторая позиция кажется весьма интересной и будет далее охарактеризована более подробно.

На данный момент, считает И.В. Радиков, стремление к установлению официальной государственной идеологии — закрытой для критики, является преждевременным. В настоящее время предлагается определить границы идеологических разногласий в пределах задачи обеспечения целостности, самостоятельности и независимости государства [18, с. 54–75]. Результаты исследования С.В. Ивлева подтверждают важность использования социально-политических коммуникаций для достижения согласия в идеологических вопросах [19, с. 245–246].

Г.А. Борщевский исходит из того, что закрепление социально значимых норм требует тщательного анализа общественного мнения, а также политических и экономических процессов. В противном случае принятые нормы приведут к социальному расколу [20]. С данной позицией согласен и научный директор проекта «ДНК-Россия» А.В. Полосин, предложивший концепт «пентабазиса» мировоззренческих ценностей для российского общества⁵. Отмечается необходимость обратить внимание на изучение мировоззренческих, культурно-ценностных и идентификационных основ российского народа [21, с. 14–15].

* * *

Во второй половине 2010-х годов в социально-философском и политическом дискурсе активизировались поиски новой идеологической парадигмы, способной выразить специфические черты российского общества и ответить на вызовы современности. Данный поворот к реидеологизации, по всей вероятности, стал реакцией на длительный период постсоветской деидеологизации и ценностной фрагментации российского общества, а также на возрастание системной нестабильности в глобальном и внутреннем контексте.

Отдельные исследователи и философские школы обозначили контуры возможных направлений в формировании российского интегративного идеологического дискурса, при этом часто выходя за пределы классического триединства: либерализма, социализма и консерватизма. Внимание было уделено таким возможным основаниям, как гуманизм, культурная традиция

⁴ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

⁵ Предложены такие целеориентированные паттерны российского мировоззрения, как «человек — служение», «семья — многодетность», «общество — соборность», «государство — порядок» и «страна — цивилизация».

и коммунитаризм, каждый из которых претендует на роль смыслообразующего принципа будущей идеологической конфигурации России.

Гуманизм как метаидеологическая рамка. Ю.А. Красин — один из наиболее заметных представителей критического анализа модернизационных процессов, подчеркивал, что переход к инновационному типу общества требует новой метаидеологии, способной синтезировать принципы личной свободы, творческого саморазвития и общественно-политического согласия. По Красину, в условиях постиндустриального кризиса ценностей гуманизм (сугубо европейская традиция) должен быть переосмыслен в универсальный нормативный проект, способный лечь в основу «мировой политики компромиссов» — диалогического порядка, признающего ценность другого [22, с. 34–59], приобретя статус философского фундамента социальной солидарности в условиях постглобального мира.

Культура как базис идеологической консолидации. А.Л. Маршак предлагает сместить акцент идеологического поиска с нормативных проектов на культурно-исторические основания. По его мнению, российская культура — в силу своей глубины, многослойности и способности к синтезу разнородных этнических и цивилизационных кодов — может служить основой для построения новой инклузивной, но не унифицирующей идеологии [23, с. 510–511], не догматичной, хотя и с высокой степенью символической идентификации. Культура в таком подходе мыслится как «органическая» база идеологического порядка, способная обеспечить интеллектуальную консолидацию без насилия над разнообразием.

Коммунитаризм как альтернатива атомизированному либерализму. Л.Г. Фишман рассматривает реидеологизацию как возможность перехода к модели социальной интеграции, основанной не на универсализме прав, а на гражданском участии и солидарности. По его мнению, новая идеология должна строиться на основе социальной активности, подразумевающей вознаграждение не только за участие в экономическом производстве, но и за вклад в воспроизводство общественной ткани (добровольчество, гражданское участие, поддержание публичного порядка) [24, с. 116–129]. Подобный подход особенно релевантен в условиях технологической трансформации занятости и размывания индустриального рабочего класса как базового субъекта прежней идеологии солидарности. Фишман фактически предлагает создание «гражданского дивиденда» — системы моральных и материальных поощрений за участие в поддержании социальной сплоченности. Такой подход актуализирует идею «ценностей общего блага», противопоставленных рыночной логике индивидуального успеха.

А.Л. Никифоров выдвигает идею нового коллективистского проекта, в котором Россия должна отказаться от либеральной парадигмы и капиталистической модели, в пользу ограниченной частной собственности и перераспределения благ [25]. Л.А. Мусаелян ставит акцент на необходимости разработки государственной идеологии, ориентированной на молодежь,

указывая на необходимость трансляции общероссийских идеалов через систему образования, с целью формирования нового типа гражданской идентичности [26].

Таким образом, в условиях эрозии привычных идеологических ориентиров и в ситуации идеологического вакуума, в котором российское общество оказалось после распада СССР, научное сообщество оказалось перед необходимостью не только рефлексии, но и участия в выработке новых смысловых конструктов, способных стать основой для национального проекта. Вопрос о возвращении идеологии, или реидеологизации, стал вызовом, требующим мобилизации как аналитических, так и проектных ресурсов социально-политической философии.

Список литературы

1. Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: Избранные научные труды. М.: Формула права, 2013.
2. Дугин А.Г. Проект «Евразия». М.: Эксмо, Яузा. 2004. 514 с.
3. Кузнецов В.Н. Российская идеология 21. М.: Книга и бизнес, 2004. 551 с.
4. Мартынов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Весь Мир, 2010. 253 с.
5. Моцелков Е.Н. «Русская идея»: прошлое и настоящее // Вестник Российской нации. 2015. № 2(40).
6. Рубцов А.В. Иллюзии деидеологизации. Между реабилитацией идеологического и запретом на огосударствление идеологии // Вопросы философии. 2018. № 6. URL: <https://doi.org/10.7868/S0042874418060055272>.
7. Кара-Мурза А.А. Как идеи превращаются в идеологии: российский контекст // Философский журнал. 2012. № 2(9).
8. Соловьев Э.Ю. Философия как критика идеологий. Часть I // Философский журнал. 2016. № 4(16).
9. Шевченко В.Н. Зачем нужна обществу публичная философия? // Философский журнал. 2014. № 1(12).
10. Мартынов В.С., Фишман Л.Г. (ред) Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартынова, Л.Г. Фишмана. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 334 с.
11. Волков Ю.Г. Образы идеологии и гуманизма в современной России. М.: КноРус, 2016. 208 с.
12. Фишман Л.Г. Обойдемся без миссии. Почему постсоветская номенклатура не может выработать национальную идеологию? // Дискурс-Пи. 2023. № 2. URL: https://doi.org/10.17506/18179568_2023_2_52.
13. Летняков Д.Э. Политико-идеологические тренды постсоветских обществ: попытка обобщения // Полис. Политические исследования. 2018. № 1.
14. Масловский М.В. Цивилизационный дискурс российской политической элиты в контексте интерпретаций модерности // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 1.
15. Иванов В.Н., Назаров М.М., Кублицкая Е.А. Политические ценности российского общества (результаты сравнительного проекта) // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18, № 3.

16. Петухов В.В. Идейно-политические предпочтения россиян: смена дискурса // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 4(32). URL: <https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.4.7654>.
17. Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н., Бабакаев С.В. Динамика политico-идеологических ориентаций населения России в постсоветский период // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. URL: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-582-594>.
18. Радиков И.В. Поиск идеологических ориентиров в постсоветской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1(834).
19. Ивлев С.В. Социально-политические коммуникации в контексте идеологического дискурса // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 2. URL: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0907>.
20. Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 4(111). URL: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-111-4-67-93>.
21. Полосин А.В. Шаг вперед: проблема мировоззрения в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2022. № 3.
22. Красин Ю.А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма // Вестник Института социологии. 2015. № 1(12).
23. Маршак А.Л. Культура как основа современной российской идеологии: проблемы и перспективы // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17, № 4. URL: <https://doi.org/10.223.63/2313-2272-2017-17-4-503-512>.
24. Фишман Л.Г. Закат «общества труда»: современная идеологическая конstellация // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 3(82).
25. Никифоров А.Л. Какое будущее ждет человечество? // Философский журнал. 2021. Т. 14, № 3. URL: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-3-82-95>.
26. Мусаелян Л.А. Тревожные мысли философа по поводу особенностей современной общественной жизни и некоторых проблем образования в эпоху тотальной цифровизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. № 3. URL: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-349-364>.

В.Л. МАКАРОВ
А.Р. БАХТИЗИН
М.Ю. АФАНАСЬЕВ
Н.И. ИЛЬИН

МЕТОД ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В настоящее время находят применение качественные и количественные подходы к оценке эффективности деятельности региональных органов исполнительной власти. Полученные на их основе оценки, как правило, включают в себя субъективную составляющую. В данной работе предложен метод, позволяющий получать весовые коэффициенты оценочных показателей на формальной основе без привлечения экспертов. Он предусматривает четыре основных этапа расчетов: подготовка исходных данных, включающих совокупность оценочных показателей; формирование структурной матрицы достижений; оценка сложности показателей и структур достижений; оценка эффективности. Особенность предложенного подхода в том, что он позволяет добиться представления об относительной сложности решения задач и достижения целей социально-экономического развития. Это представление складывается на основе сравнительного анализа выявленных на формальной основе весов оценочных показателей.

Ключевые слова: региональная экономика, математическое моделирование, эффективность регионального управления.

METHOD FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE ACTIVITIES OF EXECUTIVE AUTHORITIES OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. At present, qualitative and quantitative approaches to assessing the effectiveness of the activities of regional executive bodies are being applied. The assessments obtained

---

МАКАРОВ Валерий Леонидович — доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Центрального экономико-математического института Российской академии наук, г. Москва

БАХТИЗИН Альберт Рауфович — доктор экономических наук, профессор РАН, профессор, член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института Российской академии наук, г. Москва

АФАНАСЬЕВ Михаил Юрьевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института Российской академии наук, г. Москва

ИЛЬИН Николай Иванович — доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института Российской академии наук, г. Москва

on their basis, as a rule, include a subjective component. In this work, a method is proposed that makes it possible to obtain weight coefficients of estimated indicators on a formal basis without the involvement of experts. It provides for four main stages of calculations: preparation of initial data, including a set of estimated indicators; formation of a structural matrix of achievements; assessment of the complexity of indicators and structures of achievement; Evaluation of effectiveness. The peculiarity of the proposed approach is that it allows us to get an idea of the relative complexity of solving problems and achieving the goals of socio-economic development. This idea is formed on the basis of a comparative analysis of the weights of estimated indicators identified on a formal basis.

Keywords: regional economy, mathematical modeling, effectiveness of regional management.

Актуальность оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации обусловлена повышением уровня социально-экономического, общественно-политического развития, личной безопасности и является многоплановой проблемой [1, с. 26–31; 2, с. 78–99; 3, с. 9–17; 4, с. 776–785], а по сути должна стать стержневой, системообразующей доминантой оценки деятельности главы региона и его команды.

Важнейшая задача региональной власти — повышение уровня жизни населения и поддержка его роста в перспективе. К компонентам уровня жизни относятся экономическое благополучие, товары и услуги, духовные потребности, общественная безопасность и другие условия социальной комфортности, включая экологическую обстановку и состояние среды обитания. Уровень жизни населения определяется балансом между произведенным и ввезенным для конечного потребления продуктом, возможностью населения приобретать товары и услуги, накапливать сбережения, удовлетворять свои духовные потребности, а также способностью администрации региона поддерживать социальную комфортность проживания.

В Указе Президента России¹ и методике, утвержденной постановлением Правительства, отмечается, что предметом оценки эффективности деятельности региональных органов власти являются результаты в таких сферах, как экономика, инвестиционная привлекательность, государственное и муниципальное управление, здравоохранение, образование, состояние благоприятной среды проживания. Этими нормативными документами утверждены более 20 целевых показателей (от доверия к власти, численности населения, уровня бедности до темпов роста инвестиций в основной капитал и цифровой зрелости).

Для комплексной оценки необходимо использовать интегральный показатель, который диктуется, с одной стороны, наличием большого числа данных, принимаемых во внимание при оценке эффективности деятельности региональной власти, а с другой, — ограниченными возможностями

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28.11.2024 № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации».

человека обобщать наборы разнородной информации. Обычно человек в состоянии дать оценку процессу, если он описывается не более 5–6 параметрами. Иначе обобщение требует применения формализованных правил и обработки информации таким образом, чтобы получить интегральную оценку на базе свертки показателей. Здесь возникает задача выбора весовых коэффициентов.

Для этого, как правило, привлекаются эксперты и используются их оценки. При этом эксперты сами признают, что не всегда располагают достаточной информацией для обоснования рекомендаций. Поэтому методы свертки показателей, не связанные с экспертным выбором весовых коэффициентов, представляют особый интерес. Для решения этой задачи предлагается метод, позволяющий получать весовые коэффициенты для свертки оценочных показателей на формальной основе. Другими словами, два специалиста, проводящие оценку с использованием одного и того же набора оценочных показателей, получат один и тот же результат, имеющий под собой теоретическое обоснование.

Краткое описание подхода

Оценка эффективности деятельности органов власти субъектов Российской Федерации регионального управления проводится на основе оценочных параметров. Набор показателей, формируемых для оценки эффективности, определяется исходя из практических целей с учетом регламентирующих документов и адекватных методических рекомендаций. Например, для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц и органов исполнительной власти субъектов Федерации набор показателей установлен Указом Президента Российской Федерации от 28.11.2024 № 1014.

Мы исходим из того, что каждый оценочный показатель соответствует конкретной цели и задаче социально-экономического развития, а его значение отражает уровень достижения этой цели регионом. Оценочный показатель должен удовлетворять следующим условиям: он принимает количественные значения; работа органов регионального управления оказывает прямое или косвенное влияние на его значение; известно желательное направление изменения значения показателя (рост или снижение).

На первом этапе формируется матрица нормированных значений оценочных показателей, строки которой соответствуют регионам, а столбцы — оценочным показателям. Значения каждого оценочного показателя нормируются со средним «ноль» и стандартным отклонением «единица». Если нормированное значение оценочного показателя для региона превосходит пороговый уровень, то цель считается достигнутой. В ряде случаев, например, при оценке эффективности деятельности высших должностных лиц, помимо фактических значений оценочных показателей, задаются их

целевые значения. Цель считается достигнутой регионом в том случае, если фактическое значение оценочного показателя лучше целевого.

На основе нормированных значений оценочных показателей формируется *структурная матрица достижений A=(akj)* с элементами ноль или единица. Элемент матрицы равен единице, если нормированное значение оценочного показателя превосходит пороговое значение. В этом случае оценочный показатель j *результативен* для региона k . В противном случае показатель результативным для региона не является и элемент матрицы достижений равен нулю. *Вектор-строка матрицы A определяет множество результативных показателей, по которым регион превосходит установленное пороговое значение. Далее мы будем называть этот вектор структурой достижений* региона, а матрицу А — структурной матрицей достижений. Рекомендуемым пороговым значением является ноль.

В соответствии со схемой расчетов, характерной для оценки экономической сложности [см. 5], строятся две матрицы, однозначно определяемые матрицей структурных достижений. На их основе вычисляются оценки сложности структуры достижений каждого региона и оценки сложности каждого оценочного показателя. Данные оценки нормируются таким образом, что находятся в интервале ноль-единица и в сумме равны единице. Поэтому нормированные оценки $esij$ сложности показателей можно рассматривать в качестве их веса при расчете оценок эффективности структур достижений регионов.

Искомая оценка эффективности для региона является суммой нормированных оценок сложности всех его результативных показателей и может быть рассчитана как скалярное произведение соответствующей строки структурной матрицы достижений А на вектор нормированных раздельно показателей. Для любого региона оценка эффективности находится в интервале ноль-единица. Причем для региона, у которого все оценочные показатели результативны, эта оценка равна единице.

Оценки эффективности регионального управления по данным 2020 и 2021 годов

Для апробации метода из большой совокупности доступных показателей, характеризующих уровень социально-экономического развития регионов, были отобраны те, которые, по мнению авторов, отражают результаты деятельности органов регионального управления. Для расчета эффективности использован набор из 29 оценочных показателей Росстата за 2020 и 2021 годы, приведенных в *приложении*. Показатели отражают уровень материального благосостояния населения, демографического и ряда других направлений социально-экономического развития. Этот набор показателей не претендует на полноту, но демонстрирует возможность применения предложенного метода для оценки эффективности органов регионального

управления в сферах социально-экономического развития, представляющих интерес для исследователей.

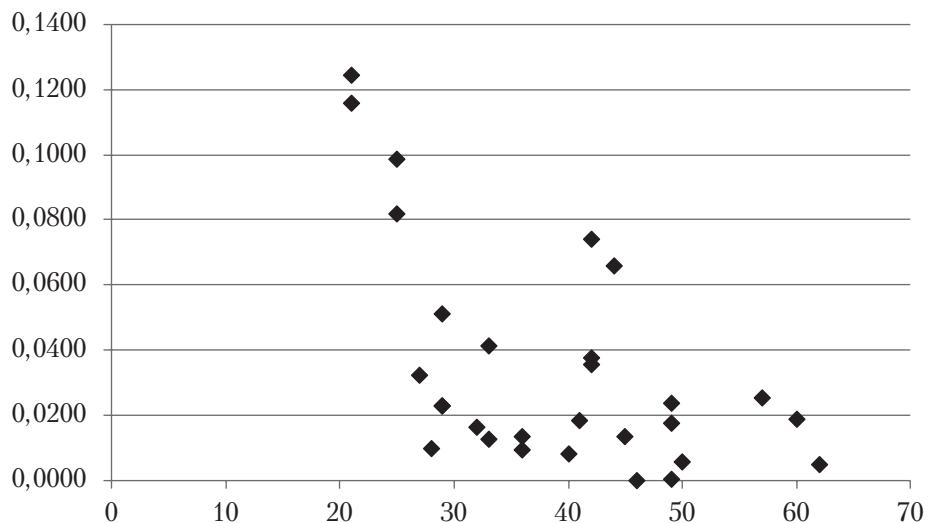
Структурные матрицы достижений А построены для 85 регионов по 29 оценочным показателям. На их основе получены нормированные оценки $esij$ сложности показателей. Оценки по данным за 2021 год приведены в столбце (4) приложения, оценки по данным 2020 года — в столбце (5). Они характеризуют веса показателей, то есть — их вклад в оценку эффективности. Строки приложения упорядочены по убыванию весов показателей за 2021 год. Таким образом, в столбце (1) — ранги этих весов. Ранги весов за 2020 год приведены в столбце (6).

Высокие значения имеют веса показателей, отражающих уровень материального благосостояния населения. На рисунке 1 показана зависимость весовых коэффициентов оценочных показателей за 2021 год от их распространенности q_{j0} — числа регионов, в которых показатель является результативным {см. данные в столбце (3) приложения}. Высокие весовые коэффициенты имеют показатели с низкой распространенностью на уровне 21–23.

Преодоление порогового значения по этим показателям доступно для относительно небольшого числа регионов. С ростом распространенности показателя значение его весового коэффициента имеет тенденцию к снижению. Достижение пороговых значений по показателям с высокой распространенностью доступно для большинства субъектов Федерации. Обращает на себя внимание, что два оценочных показателя (в центре рис. 1), несмотря на достаточно высокую распространенность 42–43, имеют высокие весовые коэффициенты. Это «Инвестиции в основной капитал на душу населения» и «Средний размер назначенных пенсий». Данные показатели имеют более значимые веса и оценки сложности, так как являются результативными в регионах с высокими оценками сложности структур достижений. Тенденция снижения весовых коэффициентов с ростом их распространенности характерна и для 2020 года.

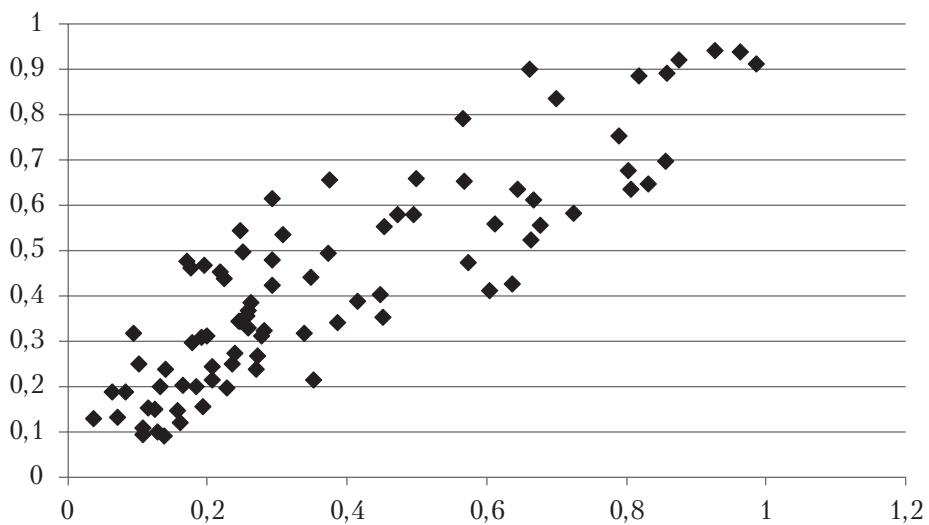
Для 85 регионов получены оценки эффективности регионального управления за 2021 год. Ведущие позиции в рейтинге эффективности занимают Московская область, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан с оценками эффективности, соответственно, 0,9865, 0,9622, 0,9263 и 0,8754. В этих регионах много (более 26) результативных показателей при достаточно высоком уровне сложности структур достижений. По оценкам эффективности за 2020 год на ведущих позициях те же четыре региона, хотя и несколько в ином порядке.

На рисунке 2 регионам соответствуют точки в пространстве оценок эффективности за 2021 год (ось абсцисс) и за 2020 год (ось ординат). Указанные выше четыре региона-лидера находятся в правом верхнем углу этого рисунка. В левом нижнем углу — Республика Тыва, Орловская,

Рис. 1. Зависимость весовых коэффициентов оценочных показателей (ось ординат) от их распространенности (ось абсцисс) за 2021 год. Точка соответствует оценочному показателю

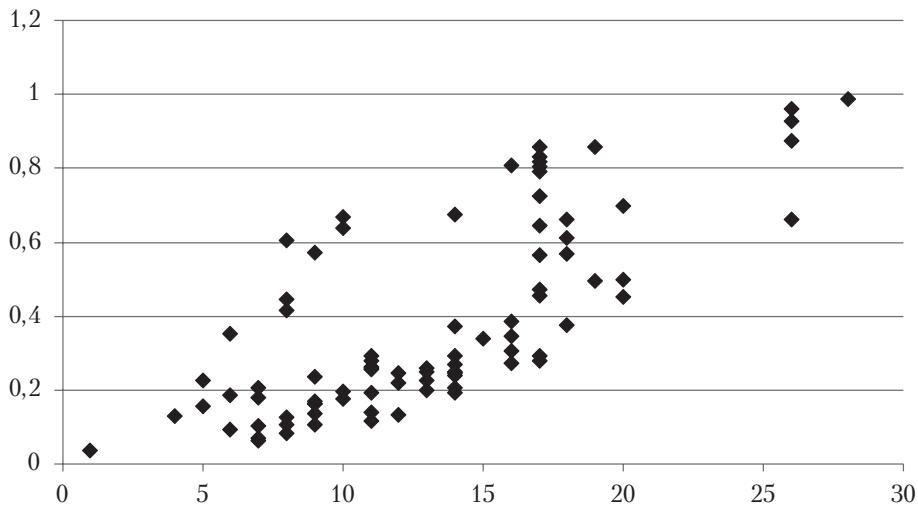
Источник: расчеты авторов по данным Росстата за 2021 год.

Рис. 2. Взаимосвязь оценок эффективности за 2020 год (ось ординат) от оценок эффективности за 2021 год (ось абсцисс). Точка соответствует региону

Источник: расчеты авторов по данным Росстата за 2020 и 2021 годы.

Саратовская, Смоленская области с оценками эффективности за 2021 год, соответственно, 0,0376, 0,0633, 0,0710 и 0,0825. Высокий коэффициент корреляции 0,871 оценок эффективности указывает на их устойчивость во времени.

Рис. 3. Зависимость оценки эффективности (ось ординат) от числа результативных показателей (ось абсцисс) за 2021 год.
Точка соответствует региону

Источник: расчеты авторов по данным Росстата за 2021 год.

На рисунке 3 точки, соответствующие регионам, представлены в пространстве двух характеристик: число результативных показателей (ось абсцисс) и оценка эффективности (ось ординат) по данным 2021 года. Наблюдается тенденция роста оценок эффективности с ростом числа результативных показателей, что вполне естественно. В то же время в центральной части рисунка наблюдаются точки, соответствующие регионам с небольшим числом результативных показателей и относительно высокими оценками эффективности. В их числе Сахалинская (оценка 0,8566), Магаданская (0,8304), Мурманская (0,8066) области. В этих регионах 16–17 результативных показателей, среди которых показатели с высокими оценками сложности.

Обсуждение результатов

При апробации метода не рассматривалась конкретная практическая задача, поэтому полученные результаты расчетов в большей степени характеризуют особенности метода, чем различия в оценках эффективности регионального управления. Особенностью предложенного подхода является то,

что он позволяет получить представление об относительной сложности решения задач и достижения целей социально-экономического развития. Это представление складывается на основе сравнительного анализа весов показателей.

Высокий вес показателя, как правило, свидетельствует о том, что лишь малому числу регионов удается достичь по этому показателю высоких значений. То есть показатель является результативным лишь в немногих регионах.

Относительно низкий вес показателя указывает на то, что многие регионы достигают по этому показателю высоких значений. То есть он имеет высокую распространенность.

В 2021 году самые большие веса имеют четыре показателя, непосредственно характеризующие материальное положение населения. На первом месте показатель «Среднемесячная номинальная начисленная заработка плата (в рублях)», который является результативным в 21 регионе. Этот показатель занимает первую позицию и в рейтинге весов 2020 года. То есть в рассмотренный двухлетний период по регионам сохраняется значительная дифференциация в уровне доходов населения.

В то же время (в 2020 году) наблюдаются высокие веса показателей «Число умерших в трудоспособном возрасте (на 100 тыс. населения)» и «Коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте по основным причинам смертности». Они занимают соответственно 2 и 3 места в рейтинге весовых коэффициентов (см. столбец 6 приложения). Причем, уже в следующем 2021 году с окончанием пандемии коронавируса эти показатели отступают в рейтинге, соответственно, на 14 и 15 позиции. Таким образом, веса показателей реагируют на объективные трудности, возникающие в системах управления социально-экономического развития регионов.

Сравнивая ранги весов показателей за 2020 и 2021 годы, можно увидеть относительное возрастание или снижение сложности решения отдельных задач социально-экономического развития регионов. Так, снижение с 16 до 25 рейтинга показателя «Удовлетворенность населения Российской Федерации качеством предоставления услуг в сфере туризма» может отражать успешную работу по развитию туризма в ряде регионов, для которых этот показатель стал результативным.

Заключение

Предложенный метод может использоваться в различных приложениях. Одним из направлений его практического применения, как уже отмечено выше, является оценка эффективности деятельности высших должностных лиц и органов исполнительной власти субъектов Федерации на основе оценочных показателей, установленных Указом Президента от 28.11.2024 № 1014. Мы рассматриваем также возможность использования метода для

оценки качества условий жизни с применением набора оценочных показателей, достаточно полно характеризующих основные сферы социально-экономического развития регионов. Еще одним из возможных направлений расширения сферы применения метода является оценка эффективности фундаментальных научных исследований с учетом трудозатрат, необходимых для их выполнения.

Приложение

Оценочные показатели, их распространенность и весовые коэффициенты

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Ранг eci_j 2021	Название оценочного показателя	q_{j0} 2021	eci_j 2021	eci_j 2020	Ранг eci_j 2020
1	Среднемесячная номинальная начисленная заработка плата (руб.)	21	0,1244	0,0785	1
2	Денежные доходы на душу населения (руб.)	21	0,1160	0,0645	4
3	Потребительские расходы на душу населения (руб.)	25	0,0985	0,0581	5
4	Оборот розничной торговли на душу населения (руб.)	25	0,0817	0,0541	6
5	Инвестиции в основной капитал на душу населения (руб.)	42	0,0740	0,0478	9
6	Средний размер назначенных пенсий (руб.)	44	0,0659	0,0389	12
7	Объем оказанных бытовых услуг населению на душу населения (руб.)	29	0,0510	0,0393	11
8	Численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (%)	33	0,0414	0,0258	19
9	Удовлетворенность населения своим материальным положением (%)	42	0,0376	0,0482	8
10	Благоустройство жилищного фонда – удельный вес площади, оборудованной канализацией (%)	42	0,0354	0,0384	13
11	Удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	27	0,0322	0,0219	22
12	Уровень безработицы (по методологии Международной организации труда)	57	0,0254	0,0176	23
13	Благоустройство жилищного фонда водопроводом (%)	49	0,0237	0,0367	15

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
14	Число умерших в трудоспособном возрасте (на 100 тыс. населения)	29	0,0227	0,0657	2
15	Коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте по основным причинам смертности	29	0,0227	0,0657	3
16	Доля населения, положительно оценивающего состояние межнациональных отношений, в общей численности населения (%)	60	0,0186	0,0285	18
17	Уровень травматизма от дорожно-транспортных происшествий (на 100 тыс. населения)	41	0,0183	0,0431	10
18	Удовлетворенность населения деятельностью органов государственной власти по противодействию коррупции	49	0,0176	0,0308	17
19	Ввод в действие жилых домов на 1000 чел. населения (тыс. м ²)	32	0,0162	0,0220	21
20	Доля инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (%)	36	0,0135	0,0049	26
21	Удовлетворенность населения оказанной медицинской помощью (%)	45	0,0135	0,0370	14
22	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	33	0,0124	0,0536	7
23	Число посещений музеев на 1000 человек населения (ед.)	28	0,0098	0,0111	24
24	Уровень инновационной активности организаций	36	0,0092	0,0022	27
25	Удовлетворенность населения Российской Федерации качеством предоставления услуг в сфере туризма (%)	40	0,0078	0,0336	16
26	Площадь жилищ, приходящихся в среднем на одного жителя (м ² общ. пл.)	50	0,0057	0,0052	25
27	Доля населения, положительно оценивающего состояние межконфессиональных отношений, в общей численности населения (%)	62	0,0046	0,0249	20
28	Средний возраст постоянного населения на начало года – женщины (лет)	49	0,0002	0,0000	29
29	Средний возраст постоянного населения на начало года – мужчины (лет)	46	0,0000	0,0020	28

Список литературы

1. Головцова И.Г. Эффективность государственного управления как инструмент повышения качества жизни населения / И.Г. Головцова, К.Д. Терентьева // Современный менеджмент: проблемы и перспективы: Сборник статей по итогам XVI международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021.
2. Кожевников С.А. Повышение эффективности государственного управления — ключевая задача для современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 3.
3. Окрепилов В.В. Повышение качества государственных услуг посредством внедрения систем менеджмента качества // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 6(78).
4. Чазова И.Ю. Оценка эффективности деятельности органов государственной власти // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2019. № 6.
5. Hidalgo C.A., Hausmann R. The building blocks of economic complexity // Proceedings of the National Academy of Sciences, 2009. 106(26), 10570–10575.

И.Б. БОРИСОВ

ИНОСТРАННЫЕ АГЕНТЫ: ПРАВОВОЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТЫ

Аннотация. Феномен «иностранных агентства», занесенный к нам с Запада и ставший объектом правового регулирования, требует научного осмыслиения и определения своего места в отечественной юридической системе. Автор, проанализировав историю, зарубежную практику, теоретические и практические подходы к подобным явлениям, приходит к выводу, что в первой четверти текущего столетия в Российской Федерации сформировался новый для нашей страны институт права – институт иностранного агентства. Он не имеет ничего общего с ярлыками, ассоциативно навязываемыми нам идеологическими противниками, а лишь приводит к единому знаменателю созданный на рубеже тысячелетий коллективным Западом в России (и не только) социальный институт иностранных агентов с его легальным правовым регулированием (правовым институтом иноагентства). Попытки отдельных стран, направленные на глобальное доминирование, и развитие современных информационно-коммуникационных технологий свидетельствуют о необходимости дальнейшей работы по развитию правового института иностранных агентов, в том числе и на международном уровне, для обеспечения безопасности и суверенитета государства, прав и свобод граждан, включая право на выбор будущего без какого-либо давления и влияния извне. Для этого, на взгляд автора, а также для достижения конституционно значимых целей развития народовластия допустимо вводить определенные правовые ограничения и юридические санкции для субъектов иностранного воздействия.

Ключевые слова: институт права, социальный институт, иностранный агент, иностранное влияние, внешнее воздействие на политические процессы, вмешательство в выборы извне, избирательный суверенитет.

FOREIGN AGENTS: LEGAL AND SOCIAL INSTITUTIONS

Abstract. The phenomenon of a «foreign agency», brought to us from the West and becoming an object of legal regulation, requires scientific comprehension and determination of its place in the domestic legal system. The author, having analyzed the history, foreign practice, theoretical and practical approaches to such phenomena, comes to the conclusion that in the first quarter of the current century, a new institution of law for our country was formed in the Russian Federation – the institution of a foreign agency. It has nothing to do with the labels associatively imposed on us by ideological opponents, but only brings to a common

---

БОРИСОВ Игорь Борисович – член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского общественного института избирательного права (РОИИП), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Москва

denominator the social institution of foreign agents created at the turn of the millennium in Russia (and not only) with its legal regulation (the legal institution of a foreign agency). The attempts of individual countries aimed at global domination and the development of modern information and communication technologies indicate the need for further work on the development of the legal institution of foreign agents, including at the international level, to ensure the security and sovereignty of the state, the rights and freedoms of citizens, including the right to choose the future without any pressure and influence from outside. For this, in the author's opinion, as well as for achieving the constitutionally significant goals of the development of democracy, it is permissible to introduce certain legal restrictions and legal sanctions for the subjects of foreign influence.

Keywords: institute of law, social institution, foreign agent, foreign influence, external influence on political processes, interference in elections from outside, electoral sovereignty.

Актуальность данного материала обусловлена не столько определением правового статуса «иностранных агентов» как субъекта общественных отношений, появившегося не так давно в российском законодательстве, сколько отсутствием четких правовых позиций в научной литературе относительно нового правового понятия и особенностей регулирования общественных отношений, связанных с этим юридическим феноменом. При этом очевидно, что «иноагентство», как социальное явление, возникло намного раньше, чем правовое понятие «иностранный агент» появилось и было закреплено в законе.

* * *

Несомненно, что система права «создается законодателем и учеными на основе изучения совокупности общественных отношений, требующих особенного правового регулирования» [1, с. 7], в том числе и такого специфического явления современности как «иноагентство», вошедшее в наш лексикон вместе с современным политico-электоральным феноменом, обозначаемым как «цветная» или «бархатная» революция, имеющим в актуальной действительности место, как правило, в период национальных выборов.

Основным и определяющим признаком всех «цветных революций» последних десятилетий, без которого они не были бы «цветными», а представляли собой что-то другое в череде народных восстаний и волнений (народный бунт, мятеж, захват власти, революция в классическом понимании этого слова), является сам механизм их реализации, системообразующую роль в котором играла внешняя помощь, якобы направленная на «поддержку» демократий и реализуемая в ходе электоральных процессов. Эта «помощь» никогда не направлялась напрямую «революционерам», а предоставлялась скрытно и завуалированно через национальные некоммерческие организации (НПО, НКО) или «младодемократические» институты, состоящие чаще всего из пары-тройки местных граждан.

Результаты «цветных революций» стали объектом скрупулезного исследования канадской журналистки Наоми Кляйн [2]: в первую очередь

это — подчинение страны внешнему управлению и контролю со стороны транснациональных корпораций коллективного Запада. Такой вывод журналистка делает по результатам исследования множества государств — от Чили и Аргентины до Ирака и Китая, где применялась единая методология разрушения и порабощения стран при помощи западных социальных и экономических инструментов в критические периоды.

Практически все «оранжевые революции», как показывает практика, инспирируются, подогреваются и оплачиваются извне при активном воздействии представителей государства-жертвы, которые в большинстве случаев даже не подозревают о том, в какую geopolитическую игру их втянули под видом «демократизации» с использованием методов обмана, подкупа и даже шантажа.

В частности, в Югославию деньги шли по различным каналам: через Институт «Открытое общество» Дж. Сороса*, Национальный фонд поддержки демократии* (США), фонд «Поддержки демократии в Восточной Европе» (SEED)*. В одну только Сербию через SEED поступило 15,3 миллиона долларов в 1998 году, 24,3 миллиона — в 1999 году, 55 миллионов — в 2000 году [3, с. 200]. Национальный демократический институт (NDI)* и Международный республиканский институт (IRI)* с 1997 года по 2000 год провели в Югославии колossalную работу, связанную с подготовкой активистов и лидеров оппозиции по вопросам «предвыборной стратегии и умению привлекать широкое внимание», в том числе и организации «Отпор», сыгравшей решающую роль в югославской «революции».

В ходе «оранжевой революции» на Украине активную роль учителя и вдохновителя масс взял на себя Freedom House («Дом свободы»)*, возглавляемый бывшим главой ЦРУ Дж. Вулси и финансируемый всё тем же Дж. Соросом [3, с. 214]. «Помощь» (и не только консультативная) легально оказывалась через различные представительства международных организаций и фондов, осуществляющих деятельность «по развитию демократии» посредством вовлечения в свою орбиту максимального числа национальных избирателей.

Для создания положительного имиджа «революционным проектам», основанным якобы на протесте электората, подготовленном и вскормленном специальными фондами и западными институтами, присваивались привлекательные названия: «революция роз» в Грузии (2003 год), «пурпурная революция» в Ираке (2003–2005), «оранжевая» на Украине (2004–2005), «кедровая» в Ливане (2005), «тюльпановая» в Киргизии (2005), «голубая» в Кувейте (2005), провалившаяся «джинсовая» в Белоруссии (2006), «шафрановая» в Бирме (2007), неудавшаяся «зеленая» в Иране (2009) и «жасминовая» революция в Тунисе (2010–2011).

---

* Организации, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Спонсоры (а речь идет именно о спонсорстве выгодных государству-донору проектов и подкупе исполнителей-резидентов) открыто таковыми не назывались, маскируясь под институты «продвижения демократии», среди которых западные неправительственные организации. Речь идет о таких организациях, как: Национальный фонд поддержки демократии*, Агентство США по международному развитию* (USAID)¹ и Институт «Открытое общество»* Дж. Сороса. Можно упомянуть и «Фридом Хаус»*, Картеровский центр, Национальный демократический институт по международным вопросам*, корпорацию «Вызовы тысячелетия» или «Хьюман Райтс Вотч».

Средства национальным организациям, готовым продвигать американское трактование демократии («Америка превыше всего!»²), выделялись на основании «Акта о поддержке свободы», утвержденного Конгрессом в 1992 году. В данном документе прямо говорится о создании неправительственных организаций для продвижения «демократических ценностей, свободного рынка, прав человека и поддержки независимых СМИ»³. Деятельность USAID охватывала множество социально-политических процессов, проходивших на рубеже веков в России, — от составления школьных учебников до подготовки проектов законов. В 2007 году 40 тысяч российских граждан участвовало в его программах⁴. То есть одно американское агентство фактически сформировало на территории России социальный институт, работающий по своим правилам с четкой иерархией и структурой в интересах достижения конкретных целей и задач, формулируемых за океаном.

В Евросоюзе аналогичной деятельностью на территории России занимались Европейский фонд за демократию*, Европейская инициатива в области укрепления демократии и прав человека (EIDHR) и «Механизм гражданского общества» (CFS). Эти неправительственные организации под видом «гуманитарной помощи» без соответствующих лицензий национальных государственных органов, осуществляли учебные и просветительские проекты, готовили кадры, оплачивали изготовление пропагандистских материалов, устраивались на работу советниками в органы власти⁵.

* Организации, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

¹ Деятельность в Российской Федерации прекращена с 1 октября 2012 года.

² Лозунг «Америка превыше всего!» впервые использовал в ходе президентских выборов 1916 года Вудро Вильсон. Дональд Трамп взял его на вооружение в ходе своей предвыборной кампании и, находясь уже в Белом доме, разъяснял смысл лозунга: Америка должна восстановить свою былую экономическую и военную мощь, свое былое политическое влияние в мире. Катасонов В. «Америка превыше всего!»: что скрывается за главным тезисом Трампа // Бизнес Online. 29 ноября 2024. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/655811> (дата обращения: 10.11.2025).

³ Кузмак А. Насос демократии: как и с кем работало USAID в России // IZ.RU. 7 февраля 2025. URL: <https://iz.ru/1835020/andrei-kuzmak/nasos-demokratii-kak-i-s-kem-rabotalo-usaid-v-rossii> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴ Там же.

⁵ Чимек Г. Myśl Polska (Польша): белорусский кризис как поворотная точка // ИноСМИ.ru. 27 октября 2020. URL: <https://inosmi.ru/politic/20201027/248411259.html>, оригинал публикации: <https://mysl-polsha.p/2534> (дата обращения: 10.11.2025).

Только в 2019–2020 годах США выделили 29 миллионов долларов на создание сети независимых блогеров и информационных ресурсов социальных сетей, готовивших активистов для уличных акций⁶. Об истинных объемах теневого спонсирования вскармливаемого Западом социального института «иноагентства» можно догадаться из просочившихся в СМИ данных затрат Агентства США по международному развитию, ставших достоянием гласности в начале 2025 года. Агентство, которое согласно уставу должно поддерживать экономику, здравоохранение и образование, а также оказывать людям экстренную гуманитарную помощь, имело представительства в более чем 100 странах мира с годовым бюджетом примерно в 50–60 миллиардов долларов.

«Подготовка и организация государственных переворотов в странах мира за счет финансирования проектов и программ, направленных на соответствующее обучение гражданских активистов, наблюдателей на выборах, журналистов. Украина, Грузия, Молдова, Армения, Кыргызстан, Куба, Никарагуа, Венесуэла — это далеко не полный список государств, пострадавших от такой помощи в „продвижении демократии”», — комментировал закрытие USAID Председатель Государственной Думы В.В. Володин⁷.

* * *

За достаточно короткий срок коллективный Запад смог сформировать в России и в целом на постсоветском пространстве институт иностранных агентов — социальный институт, имеющий в реальной практике огромное видовое многообразие своего воплощения в реальных общественных процессах [4, с. 44]. Именно данный институт под пристальным кураторством зарубежных органов и организаций, будучи достаточно устойчивым, с одной стороны, а с другой — исторически изменчивым, был призван организовывать и регулировать деятельность людей в другой стране, представителей разнообразных социальных общностей и складывающиеся в процессах взаимодействия социальные связи [5, с. 7]. Здесь обманываться не сложно: институт иностранных агентов, латентно созданный коллективным Западом на территории молодых демократических государств, обладает всеми атрибутами социального института, в число которых входят субъекты и цели деятельности, решаемые задачи, средства и способы функционирования [6, с. 16].

В западной социологии понятием «социальный институт» принято обозначать устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, которые образуют

⁶ Михалков Ю. Дума (Болгария): почему вокруг России полыхают «горячие точки» // ИноСМИ.ru. 29 октября 2020. URL: <https://inosmi.ru/politic/20201029/248432356.html>, оригинал публикации: <https://duma.bg/zashto-plamvat-goreshtite-tochki-okolo-russiya-n225680> (дата обращения: 10.11.2025).

⁷ Володин прокомментировал возможное закрытие USAID в США // РИА Новости. 05.02.2025. URL: <https://ria.ru/20250205/volodin-1997428764.html> (дата обращения: 10.11.2025).

социальную систему [7, с. 116–188]. Исходя из данного определения можно утверждать, что в Российской Федерации западными спецслужбами был создан партикулярный (частный, неофициальный) социальный институт иноагентства [8, р. 55–56], то же самое было осуществлено в большинстве стран постсоветского пространства.

Скрытие его истинных целей и задач, латентность работы и источников финансирования, которая сохраняется и по сегодняшний день⁸ при мощной ресурсной и медийной поддержке Запада, создали вокруг представителей новоявленной системы некий ореол величия. Их стали приглашать в общественные советы при государственных органах, выступать на конференциях и семинарах, включать в качестве спикеров в ток-шоу, их деятельности посвящались колонки в печатных изданиях, а их тексты цитировались в научной литературе.

Фактически этот институт, созданный и управляемый извне, действующий за рамками правового поля и публичной политики, установленными Конституцией Российской Федерации (далее – Конституция) и российскими законами, стал одним из влиятельных акторов отечественной политической системы.

Протестные митинги, прошедшие на Болотной площади в Москве в конце 2011 – начале 2012 года, были спровоцированы Западом; они начались сразу после подведения итогов выборов депутатов Государственной Думы VI созыва, завершились столкновениями с полицией и задержаниями⁹ и стали своего рода триггером для запуска процесса создания правового института «иностранных агентов».

Де-факто (но не де-юре) существовавший в течение десятилетий социальный институт, который действовал на основе общих юридических норм и правил, не учитывающих специфику иноагентства, стал угрожать безопасности и целостности государства, суверенитету и независимости народа. Обеспечив соответствующую базу для формирования правового института и, прежде всего, создав основу для понимания и восприятия необходимых правовых предписаний, он стал институциональной компонентой правовой сферы общества.

Согласно части 3 статьи 17 и части 3 статьи 55 Конституции право каждого на объединение и свобода деятельности общественных объединений не являются абсолютными и могут быть ограничены федеральным законом

⁸ «Пока „демократизаторы“ из США сворачивают финансирование своих „цветных“ проектов, европейские НПО ринулись заполнять вакuum», заявил председатель Комиссии Государственной Думы по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России В.И. Пискарев 23 октября 2025 г. Василий Пискарев: 60% «нежелательных» – из Европы. В Евросоюзе громко злятся, когда их ловят за руку! // Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации. 23 октября 2025. URL: <http://komitet-bezopasnost.duma.gov.ru/novosti/9b21a4ae-960a-42ce-9efe-f20a0594f40d> (дата обращения: 10.11.2025).

⁹ Хейфец К. «Было ощущение, что история творится на наших глазах» // Коммерсантъ. 26.12.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5143517> (дата обращения: 10.11.2025).

в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Несомненно, усилия государства и его органов должны быть направлены на противодействие неправовому воздействию извне, чтобы оградить народы от внешней зависимости и внешнего управления, для придания цивилизованных форм внешнему взаимодействию, установления правовой регламентации и контроля за иностранным воздействием на внутриполитические процессы.

* * *

В мире нет ни одного государства, которое не испытывало бы давления или влияния извне. Результаты своего «труда» стали ощущать на себе даже родоначальники применения социальных технологий вмешательства в суверенный выбор народов независимых государств – США и страны Европейского союза, которые под предлогом обеспечения «стерильности» своих внутриполитических процессов стали закрывать информационные агентства, лишать аккредитации независимых журналистов, аннулировать загранпаспорта и отзывать визы, ранее выданные правозащитникам¹⁰.

Необходимость формирования эффективных моделей реагирования на внешнеполитическое воздействие вызвала логичную потребность в интенсивной правотворческой работе [9, с. 12–16]. Чем стремительнее развиваются события в международном контексте, имеющие проникающий эффект в национальные правоотношения, тем оперативней становится реакция законотворчества. Интенсификация попыток влияния на внутриполитические вопросы независимых государств с использованием современных технологий в последние десятилетия приобрела колоссальные масштабы.

Поэтому особую актуальность в современных условиях внешнего давления приобрел процесс законодательства по вопросам безопасности, защиты конституционного строя государства и обеспечения политических прав и свобод граждан в максимально полном объеме. Появление и дальнейшее бурное развитие инструментов влияния на внутреннюю политику других государств сопряжено с обострением geopolитической обстановки в мире, желанием иностранных государств лоббировать свои интересы на территории других стран [10, с. 171–174].

Продолжительное время существовавшие механизмы и инструменты внешнего влияния не имели устоявшихся общепризнанных понятий и терминологии. Юридическое понятие «иностранный агент» возникло далеко за пределами нашей страны. В 1938 году в США был принят закон

---

¹⁰ Польша аннулировала визы российским участникам конференции ОБСЕ // РИА Новости. 05.10.2025. URL: https://ria.ru/20251005/polsha-2046531695.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 10.11.2025).

о регистрации иностранных агентов (Foreign Agents Registration Act; далее — FARA)¹¹. Его принятие было обусловлено необходимостью системного противодействия нацистской пропаганде в США, росту числа организаций, которые финансировались правительством Германии для пропаганды нацизма, а также увеличению роста шпионажа в пользу Германии [11, с. 5–15].

За последнее десятилетие во многих странах мира были приняты специальные законы, направленные на установление определенных правовых рамок и в той или иной степени регламентирующие деятельность иностранных агентов [12, с. 114]. В 27 государствах действуют законы или внесены поправки в законодательство с различными формулировками статуса иностранного агента [13, с. 179]. При этом категорически против правового закрепления данного статуса в странах, находящихся за пределами сферы влияния Соединенных Штатов и Евросоюза, выступают США и ЕС¹². Они пытаются оставить вне рамок правового поля сконструированные ими же международные каналы скрытого продвижения своих интересов в суверенных государствах.

С 2018 года в Австралии действует закон о системе прозрачности иностранного влияния, согласно которому иностранные агенты, то есть лица, работающие на территории страны под контролем зарубежных принципалов, обязаны зарегистрироваться в публичном реестре и предоставлять отчет о своей деятельности. В Великобритании в 2024 году вступил в силу закон, который требует от любого лица, действующего от имени иностранной державы или организации и осуществляющего политическое влияние, вносить свои данные в публичный реестр, а с 1 июля 2025 года в стране заработал реестр иностранных агентов. В июне 2017 года парламент Венгрии принял закон, усиливающий контроль над НПО с иностранным финансированием на сумму не менее 24 тысяч евро в год. В Грузии со второй попытки, фактически преодолев вето Евросоюза, 31 мая 2025 года вступил в силу Акт о регистрации «агентов иностранного принципала»¹³. В Израиле с июля

¹¹ Закон США «О регистрации иностранных агентов» // Justice.gov. URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara> (дата обращения: 10.02.2025).

¹² Так, категорически против принятия в Грузии закона об иноагентах выступила вице-президент США Камала Харрис, которая в письме на имя президента Грузии Саломе Зурабишвили предупредила, что закон, принимаемый парламентом, «подорвет американо-грузинские отношения» (Двали Г. В Грузии наступил конец вето // Коммерсантъ. 28.05.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6729504> (дата обращения: 10.11.2025)); посол ЕС в Грузии Павел Герчинский назвал законопроект об иноагентах несовместимым с рекомендациями Евросоюза. 14 мая 2024 года помощник госсекретаря США по делам Европы и Евразии Джеймс О'Брайен в ходе своего визита в Тбилиси заявил, что США введут санкции против властей Грузии, если закон об иноагентах вступит в силу без согласования с нормами ЕС. 15 мая Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель и Еврокомиссия опубликовали заявление, в котором призвали власти Грузии отказаться от закона об иноагентах (Что известно об истории рассмотрения закона об иноагентах в Грузии // ТАСС. 28 мая 2024. URL: <https://tass.ru/info/17223599> (дата обращения: 10.11.2025)).

¹³ Как в Грузии работает новый закон об «иноагентах» – итоги первых 20 дней // Sputnik. 22.06.2025. URL: <https://sputnik-georgia.ru/20250622/kak-v-gruzii-rabotaet-novyj-zakon-ob-inoagentakh-itogi-pervykh-20-dney-293865490.html> (дата обращения: 10.11.2025).

2016 года действует законодательное требование об указании зарубежных спонсоров любой организации, если она получает из иностранных источников более половины своего финансирования. В *Китае* с января 2017 года действует закон, регулирующий деятельность иностранных неправительственных организаций, согласно которому не разрешается финансировать на территории страны коммерческую, политическую или религиозную деятельность и участвовать в ней¹⁴. В Молдавии иностранными агентами, помимо некоммерческих организаций, могут быть признаны еще и коммерческие учреждения – как «иностранные экономические агенты». Поэтому в Приднестровье вынуждены были принять свой аналогичный акт¹⁵.

* * *

Зачастую, как это было и в России, сторонники полной свободы иностранного влияния на внутриполитические процессы приводят в качестве своих доводов против принятия законов, регламентирующих деятельность иноагентов, неблагозвучность звучания самого термина «иностранный агент», который ассоциируется с понятиями «предатель», «шпион», «враг народа», «коллаборационист» (человек, на добровольной основе сотрудничающий с противниками или оккупационными режимами, исходя из своей личной выгоды или идеологических либо иных взглядов).

Однако формирование отношения к любому понятию и термину, а также его восприятие в социуме не является предметом правовой науки, а большей частью характеризует симпатии или антипатии общества, сформировавшиеся (формирующиеся) относительно к данной категории права. История правового регулирования социальных правоотношений знает множество примеров, когда юридическому понятию, обозначающему позитивный и в целом прогрессивный процесс, общество давало негативную оценку или наоборот (в зависимости от множества факторов, в том числе от практического проявления юридически значимых действий участниками этого процесса). Поэтому отношение к понятию «иностранный агент» формируют своими конкретными делами и действиями сами иностранные агенты.

В 2014 году Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд) принял Постановление¹⁶ по делу о проверке конституционности отдельных положений законодательства об общественных

¹⁴ Иностранные агенты в законодательстве зарубежных стран. Статус и деятельность // ТАСС. 16 апреля 2024. URL: <https://tass.ru/info/7253197> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁵ Resolution of the Government of the Pridnestrovian Moldavian Republic of 12 February 2024 No. 90 «On Temporary Registration of Economic Agents of the Republic of Moldova». URL: <https://government.gospmr.org> (date of the application: 10.06.2024). (In Russ.)

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 года № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона „О некоммерческих организациях”, части 6 статьи 29 Федерального закона „Об общественных объединениях” и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда „Костромской центр поддержки общественных инициатив”, граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева».

объединениях и некоммерческих организациях, по которому в дополнительных обязанностях лиц, выполняющих функции иностранных агентов, дискриминация не была выявлена.

В своем Постановлении от 08.04.2014 № 10-П Конституционный Суд достаточно однозначно обозначил правовую позицию: признание конкретных НКО выполняющими функции иностранного агента не означает указание на исходящую от данных организаций угрозу государственным и общественным институтам. Любые попытки обнаружить в словосочетании «иностранный агент» отрицательные контексты, исходя из стереотипов советской эпохи, лишены конституционно-правовых оснований. Соответственно, установленными нормами не предполагается негативная оценка той или иной организации со стороны государства, а также не преследуется цель дискредитации ее деятельности. А законодательное выделение подобных НКО согласуется с обеспечением конституционно значимых публичных интересов, а также с защитой государственного суверенитета, так как получение организацией средств и имущества из иностранных источников не исключает возможности их использования в интересах соответствующих спонсоров.

Понятие «иностранный агент» наиболее точно характеризует тот социальный институт, который был создан стараниями Запада и стал комфортным для агентов иностранного влияния.

Если обратиться к этимологии термина «иностранный агент», то он обозначает представителя одной страны, действующего в другой стране, обычно без дипломатического иммунитета (малый академический словарь дает следующее определение данным понятиям: «иностранный» — относящийся к иному государству, стране, принадлежащий им; «агент» — представитель организации, учреждения и тому подобного, выполняющий служебные, деловые поручения). В русском языке слово «агент» (латинское «agens» — приводящий в движение) со значением «торговый представитель иностранного государства, фирмы» стало известным и получило распространение еще в конце XVI веке, а в значении «дипломатический представитель» — с первой половины XVII века. Позже появились однокоренные слова — агентура, агентство и другие [14].

Бессспорно, определенный негатив для российского народа вносит слово «иностранный», то есть относящийся к другой стране или к другому государству. Но здесь уже каждый волен выбирать свой путь. В этой части ни Конституция, ни действующее российское законодательство не ограничивают граждан в выборе работодателя за исключением случаев, прямо оговоренных в законе.

Сегодня в политическом и юридическом смысле понятие «иностранный агент» используется в разных странах для обозначения как физических, так и юридических лиц, а также объединений без образования юридического лица, действующих в интересах зарубежных государств

или международных организаций. Как правило, оно связано с наложением дополнительных обязанностей и введением ограничений на деятельность иностранных агентов. Вне зависимости от восприятия и отношения к данному термину, возникающих под воздействием психоэмоциональных факторов, меняющихся с течением времени и не имеющих отношения к праву, юридическое понятие, закрепленное в законе, имеет конкретное правовое наполнение.

С точки зрения закона, в Российской Федерации в качестве ответа на вызовы времени и сформированного извне института внешнего влияния создан новый правовой институт иностранных агентов, как «определенная группа правовых норм, регулирующих однородные общественные отношения, которые связаны между собой в качестве самостоятельной обособленной подгруппы» [15, с. 587].

* * *

Отличительной чертой отечественного права является его разумный динамизм, выражющийся в интенсификации правового регулирования, как реакция на активное развитие современных технологий, агрессивные вызовы современности и запросы граждан. Законодателем формируются новые правовые общности, которые все чаще объективируются в виде правовых институтов [16].

Действующее законодательство, регулирующее деятельность иностранных агентов, направлено на сохранение демократических институтов и подлинного народовластия от деструктивного вмешательства извне, в том числе от скрытого политического лоббирования зарубежных интересов и распространения недостоверной информации через лиц, находящихся под чужим влиянием. Задачей правотворчества является не только чуткое реагирование на меняющуюся ситуацию, но и ее грамотное и своевременное отражение в нормативно-правовых актах соразмерно актуальным проблемам [9, с. 12–16].

Дискуссии по формированию отраслей и институтов права в период бурно развивающихся технологий, новых форм и видов правоотношений приобретают перманентный характер. А это является позитивным моментом в развитии юридического регулирования жизнедеятельности нашего общества, в том числе и при ответах на новые вызовы. Дискурс о феномене «иностранный агент» возник и подогревается geopolитическими процессами переосмыслиния современных подходов мироустройства, отказа от однополярного доминирования отдельных государств и блоков, перехода к многополярности и равноправию всех государств и народов. Именно последнее не устраивает коллективный Запад, который предпринимает титанические усилия по спасению своего влияния и сохранения западной идеологии исключительности и превосходства, позволяющей диктовать правила всему миру.

Основным объектом воздействия в эпоху развития информационно-коммуникационных технологий становятся индивиды — граждане государства, намеченного в качестве очередной «мишени». Наши недруги пытаются, в первую очередь, использовать население, чтобы зомбированные под руководством или тонким управлением извне люди сами разрушили свое государство. Для этого профессионалы страны-агрессора разрабатывают сложные и малозаметные комбинации, заставляющие людей работать против собственного отечества [17, с. 52–57].

Британская разведка MI-6 запустила защищенную платформу Silent Courier для вербовки агентов по всему миру. Как сообщает The Times¹⁷, глава данной организации Ричард Мур заинтересован в вербовке агентов из России и других «враждебных государств»¹⁸. В 2023 году (после провала американских агентов в Китае в результате взлома даркнет-каналов местными спецслужбами) аналогичная платформа была создана ЦРУ¹⁹. В связи с этим П.П. Фантров справедливо утверждает: «Обеспечение прозрачности деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, выступает необходимой мерой по обеспечению национальной безопасности страны» [18, с. 58–66].

Институт иностранного агентства в России начал приобретать правовые контуры в 2012 году с принятием Федерального закона от 20.07.2012 № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента», внесшего соответствующие изменения в Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Ряд отечественных ученых считают, что именно с того времени (20 июля 2012 года) в России формально возник институт иностранного агентства [см. например: 19, с. 67; 12, с. 109].

Регулирование этой сферы общественных правоотношений было обусловлено необходимостью привести в соответствие фактическое (но скрытое) существование социального института с правовыми нормами регулирования его деятельности, чтобы закрыть законодательную «брешь», служившую для проникновения и активного влияния на внутреннюю политику зарубежных государств, и принять правовые меры реагирования, связанные

¹⁷ МИ-6 обращается к даркнету в поисках новых шпионов // The Times. URL: <https://www.thetimes.com/uk/defence/article/mi6-turns-to-the-dark-web-to-enlist-new-spies-ndvzph2gr> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁸ Британская разведка создаст веб-портал в даркнете для вербовки новых агентов // Коммерсантъ. 19.09.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8043493> (дата обращения: 10.11.2025).

¹⁹ Пламенев И. WSJ узнала о безуспешных попытках ЦРУ восстановить агентурную сеть в КНР // РБК. 26.12.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/12/2023/658a5a669a794756d6e78a2f> (дата обращения: 10.11.2025); Рыжов С. ЦРУ через даркнет активизировало вербовку агентов в Китае – Bloomberg // ПолитНавигатор. 05.10.2024. URL: <https://www.politnavigator.net/cru-cherez-darknet-aktivizirovalo-verbovku-agentov-v-kitae-bloomberg.html> (дата обращения: 10.11.2025); Мисник Л. «Привлекали деньгами и запугивали»: как США и Китай ведут шпионские войны // ТАСС. 28.12.2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19646621> (дата обращения: 10.11.2025).

с противодействием вмешательству извне, интенсивно поглощающему современный мир вопреки всем международным актам, провозгласившим суверенное право народов на самостоятельный выбор пути своего развития.

Именно на конец 2011 – начало 2012 годов приходится пик общественно-политических акций по грубому вмешательству во внутренние дела нашей страны. Их инициаторами в большинстве случаев были некоммерческие структуры, которые координировались и финансировались из-за рубежа, поэтому термин «иностранный агент» первоначально применялся только к некоммерческим организациям [12, с. 109].

Согласно принятому в 2012 году закону иностранным агентом признавалась НКО, ведущая политическую деятельность за счет зарубежного финансирования²⁰. Важно подчеркнуть, что закон не запрещал работу НКО-иноагентов, а требовал от них регистрации в специальном реестре, ведение которого было поручено Министерству юстиции Российской Федерации (далее – Минюст). В противном случае для НКО и ее руководителей наступала административная ответственность. Правоприменители действовали очень осмотрительно и осторожно по отношению к данной процедуре: новая норма была применена только спустя год после принятия закона (на протяжении целого года «Евразийская антимонопольная ассоциация» оставалась единственным иностранным агентом в реестре Минюста).

Как выше было сказано, Конституционный Суд в 2014 году указал на возможность «маркировки» статусом «иноагент»: «...при законодательном закреплении как самих составов административных правонарушений, так и мер ответственности за их совершение следует исходить из характера правонарушений, их опасности для находящихся под защитой закона ценностей, причин и условий их совершения, а также личности правонарушителя и степени его вины, с тем чтобы гарантировать адекватность (соразмерность) порождаемых последствий для лица, привлекаемого к административной ответственности, тому вреду, который причинен в результате административного правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс основных прав индивида (юридического лица) и общего (публичного) интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от административных правонарушений...»²¹.

После первого анализа правоприменительной практики в 2015 году была принята поправка о порядке исключения некоммерческих организаций из реестра иностранных агентов. В том же году вносятся поправки в законодательство о средствах массовой информации, позволившие

²⁰ Законодательно было установлено, что российская НКО (за исключением политической партии) признается иностранным агентом, если получает денежные средства и (или) имущество от других государств, международных и зарубежных организаций, иностранных граждан, и при этом участвует в политической деятельности на территории РФ, представляя зарубежные интересы.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2014 года № 10-П «По делу о проверке конституционности положений...

признавать иностранными агентами СМИ, получавших зарубежную поддержку. Согласно этим поправкам средства массовой информации, призванные иноагентами, обязаны были регистрировать свои юридические лица на территории России. За отсутствие соответствующей маркировки доступ к таким средствам массовой информации мог быть ограничен [20, с. 216].

В 2017 году в качестве ответа на выпад Министерства юстиции США, потребовавшего от «RT America»²² зарегистрироваться в качестве иностранного агента на территории Соединенных Штатов, был принят закон о СМИ-иноагентах. С 1 февраля 2019 года иностранные СМИ-иноагенты стали обязанными распространять информацию только через учрежденные ими российские юридические лица, также выполняющие функции иностранного агента. Все информационные материалы таких СМИ должны сопровождаться указанием, что они созданы или распространяются иноагентом.

2 декабря 2019 года в законодательство страны были внесены поправки, которые впервые определили возможность присвоения статуса иноагента физическим и юридическим лицам, если те распространяют или участвуют в создании информации СМИ-иноагентов и в той или иной форме финансируются из-за рубежа. Согласно внесенным 30 декабря 2020 года поправкам иноагентами стали признаваться незарегистрированные общественные объединения, занимающиеся политической деятельностью и получающие на это зарубежное финансирование, а также отдельные физические лица²³.

До декабря 2022 года Министерство юстиции вело четыре реестра иностранных агентов: НКО-, СМИ-, НОО-иноагентов и отдельный список физических лиц-иноагентов (с апреля 2022 г., а ранее физические и юридические лица вносились в реестр СМИ-иноагентов).

С 1 декабря 2022 года вступил в силу Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»²⁴. Он обобщил разрозненные нормы законодательства об иноагентах. Закон стал первым специализированным нормативным правовым актом, который консолидировал и актуализировал положения несистематизированного и разрозненного законодательства и официально закрепил правовой статус иноагентов. Как было указано в пояснительной записке²⁵ к проекту этого закона, он был разработан в связи с усиливающимися вызовами безопасности и суверенитету страны, а предложенные меры «будут способствовать

²² «RT America» была филиалом российской телекомпании «Международная телевизионная сеть RT», запущенной в 2005 году, вещающей на английском, арабском, испанском, французском, немецком, сербском языках. О канале // rt.com. URL: <https://russian.rt.com/about> (дата обращения: 10.11.2025).

²³ Иностранные агенты в российском законодательстве. История статуса и его применение // ТАСС. 12 сентября 2023. URL: <https://tass.ru/info/18731205> (дата обращения: 10.11.2025).

²⁴ Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».

²⁵ Пояснительная записка к проекту № 113045-8 Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Информационный ресурс Государственной Думы: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/113045-8> (дата обращения: 15.10.2025).

зашите интересов и обеспечению безопасности Российской Федерации, ее суверенитета и территориальной целостности, прав и свобод ее граждан, а также обеспечению безотлагательной реакции на международно-правопротивные действия путем противодействия иностранному вмешательству в дела государства, российского общества, реализации прав и свобод граждан Российской Федерации» [19, с. 68].

До принятия данного Федерального закона законодательство содержало разрозненные положения, закрепленные в различных федеральных законах и устанавливающие разные подходы к базовым элементам, формирующими статус иностранного агента. Так, основные положения были закреплены в федеральных законах «О некоммерческих организациях»²⁶, «Об общественных объединениях»²⁷, «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»²⁸, а также в Законе Российской Федерации «О средствах массовой информации»²⁹. Принятый в 2022 году закон консолидировал и актуализировал нормативно правовые положения, регулирующие статус иностранного агента.

Он учел предыдущие недостатки и нестыковки, определил понятийный аппарат института иностранных агентов, ввел порядок ведения единого реестра иноагентов и процедуру включения в него соответствующих субъектов. Был установлен обновленный порядок признания иностранным агентом, а также обязанности и правовые рамки деятельности иностранных агентов. Четыре ранее существовавшие статуса иностранного агента (НКО, физическое лицо, СМИ и общественное объединение без образования юридического лица) стали подпадать под одно общее понятие «иностранный агент».

* * *

Согласно определению статьи 1 Федерального закона № 255-ФЗ под иностранным агентом понимается лицо, получившее поддержку и (или) находящееся под иностранным влиянием в иных формах и осуществляющее деятельность, виды которой установлены статьей 4 этого закона. Иностранным агентом может быть признано российское или иностранное юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, общественное объединение, действующее без образования юридического лица, иное объединение лиц, иностранная структура без образования юридического лица, а также физическое лицо независимо от его гражданства или при отсутствии такового.

²⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3, ст. 145.

²⁷ Там же. 1995. № 21, ст. 1930.

²⁸ Там же. 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7597.

²⁹ Российская газета. 1992. 8 февраля. № 32.

С 1 декабря 2022 года Министерство юстиции стало вести единый реестр иностранных агентов³⁰. Также вступили в силу изменения в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – соответственно, КоАП и УК) об уголовном наказании за двукратное нарушение иностранным агентом порядка своей деятельности. При этом ответственность по КоАП и УК определена не за сам факт деятельности в качестве иностранного агента и признания таковым, а за нарушение и невыполнение обязанностей уже в качестве иностранного агента, включенного в соответствующий реестр.

С 15 октября 2025 года для привлечения к уголовной ответственности по статье 330.1 УК (уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации об иностранных агентах) будет достаточно совершения одного административного нарушения (ст. 19.34 КоАП «Нарушение порядка деятельности иностранного агента»). Ранее условием привлечения к уголовной ответственности было два административных правонарушения в течение одного года. Данные изменения в УК разработаны в целях совершенствования эффективности уголовно-правового регулирования деятельности лиц, систематически нарушающих законодательство, регламентирующее порядок деятельности иностранных агентов. На основе анализа правоприменительной практики законодателем было установлено, что действующий порядок привлечения к уголовной ответственности за указанные преступления не в полной мере обеспечивает безопасность общественных отношений в данной сфере, так как более 40 процентов лиц, включенных в реестр иностранных агентов, не исполняют обязанности и не соблюдают ограничения, предусмотренные Федеральным законом № 255-ФЗ.

19 января 2023 года Правительство России утвердило положение о государственном контроле за деятельностью иностранных агентов, который будет осуществляться Минюстом и территориальными органами. Согласно положению контролирующие органы получают право: посещать мероприятия, организуемые иностранными агентами; запрашивать распорядительные документы у контролируемых иноагентами юрлиц; запрашивать информацию о финансово-хозяйственной деятельности иноагентов; изучать имеющиеся в распоряжении властей документы, а также анализировать все материалы, размещенные иностранными агентами; выдавать предписания об устранении выявленных нарушений. При этом плановые проверки иноагентов не должны проводиться чаще одного раза в год.

В этой последовательной работе, направленной на исключение иностранного вмешательства во внутриполитические процессы, вполне логичными выглядят шаги законодателя, направленные на исключение иностранного

³⁰ Реестр иностранных агентов // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannyykh-agentov/> (дата обращения: 15.10.2025).

влияния на электоральные процессы. В ЦИК России еще в 2021 году поднимался вопрос о необходимости введения статуса специального субъекта избирательного процесса для иностранных агентов³¹.

Федеральным законом от 05.12.2022 № 498-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены изменения в смежные законы, связанные с введением единого термина «иностранный агент». Лицам, включенным в реестр иностранных агентов, было запрещено быть членами избирательных комиссий с правом как решающего, так и совещательного голоса.

В настоящее время идет достаточно интенсивная работа, направленная на обеспечение электорального суверенитета и на недопущение иностранного влияния на свободный выбор народа. ЦИК России в 2021 году впервые в своей истории организовала новое направление своей деятельности по вопросам противодействия вмешательству в выборы. Было развернуто взаимодействие с Комиссией Совета Федерации по вопросам защиты государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела страны и с Комиссией Государственной Думы по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России, налажено постоянное взаимодействие с правоохранительными органами, Министерством юстиции, Министерством иностранных дел, Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) и другими профильными министерствами, агентствами и ведомствами Российской Федерации.

Несмотря на то, что законодательное решение о запрете на участие лиц, выполняющих функции иностранного агента, на осуществление деятельности, способствующей либо препятствующей выдвижению кандидатов, списков кандидатов, избранию зарегистрированных кандидатов, выдвижению инициативы проведения референдума и проведению референдума, достижению определенного результата на выборах, референдуме, а также в иных формах участия в избирательных кампаниях, кампаниях референдума было принято в конце 2014 года³², императивное требование о запрете участия в избирательных действиях было установлено только в 2024 году, — Федеральный закон от 15.05.2024 № 99-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» запретил иноагентам баллотироваться.

³¹ «Член Центральной избирательной комиссии Игорь Борисов на заседании 12 августа напомнил о законе, который обязывает организации-иноагенты оповещать людей о своем статусе. Он считает, что следует и на избирательных участках информировать людей о том, что определенный наблюдатель связан с иностранным агентом». Член ЦИК предложил маркировать наблюдателей от НКО-иноагентов // ЗАКС. Ру. 12 августа 2021. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/216188> (дата обращения: 15.10.2025).

³² Федеральным законом от 24.11.2014 № 355-ФЗ были внесены изменения в п. 6 ст. 3, запрещающие лицам, выполняющим функции иностранного агента, в любых формах участвовать в избирательной кампании.

В соответствии с требованием законодательства до сложения статуса иностранного агента они не могут выдвигаться и избираться, быть членами комиссий и наблюдателями, вносить пожертвования в избирательные фонды кандидатов и партий. Таким образом, общие требования пункта 6 статьи 3 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» конкретизированы в соответствующих нормах закона во избежание неоднозначного толкования как самими кандидатами, так и организаторами выборов.

Кроме того, если иноагенты являются членами соответствующей политической партии, то они не могут быть делегатами съездов или конференций, которые выдвигают списки и кандидатов; не могут участвовать в предвыборной агитации; не могут публично обсуждать проведение избирательной кампании; не могут оказывать помощь и поддержку кандидатам и партиям; и так далее и тому подобное. В 2021 году было введено понятие «кандидат, аффилированный с иностранным агентом»³³, который стал обязан указывать свой статус в ходе избирательного процесса.

Таким образом, есть признаки формирования отдельных «подинститутов» института иностранного агентства – в избирательном праве, с выделением специальных субъектов избирательного процесса и контролирующих органов – избирательных комиссий, а также при осуществлении контроля за деятельностью иностранных агентов, регламентированного специальным законом³⁴ и реализуемого Министром России.

По состоянию на 14 сентября 2025 года (единый день голосования в России) по данным Минюста в реестре иностранных агентов содержались сведения о 1073 лицах, из них 839 «действующих», в том числе 651 физическое лицо. В единый реестр физических лиц, аффилированных с иностранными агентами, включены сведения о 1989 физических лицах, из них 1977 – «действующих».

Ниже в таблице приведены данные численности лиц, включенных Министром в соответствующий реестр (до декабря 2022 г.) иностранных агентов (лиц, выполняющих функцию иностранного агента) накануне единых дней голосования в Российской Федерации:

³³ Кандидат, аффилированный с иностранным агентом, это кандидат, который не является иностранным агентом и который в период, составляющий два года до дня официального опубликования (публикации) решения о назначении выборов, и (или) в период избирательной кампании на соответствующих выборах: входит (входил) в состав органов юридического лица – иностранного агента и (или) является (являлся) его учредителем, членом, участником, руководителем либо работником; входит (входил) в состав органов незарегистрированного общественного объединения, иного объединения лиц, иностранной структуры без образования юридического лица – иностранных агентов и (или) является (являлся) их учредителем, членом, участником, руководителем; осуществляет (осуществлял) политическую деятельность и получает (получал) денежные средства и (или) иное имущество от иностранных агентов, в том числе через посредников, для осуществления политической деятельности (подпункт добавлен Федеральным законом от 20.04.2021 № 91-ФЗ, в редакции Федерального закона от 05.12.2022 № 498-ФЗ).

³⁴ Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».

Единые дни голосования	19.09.2021	11.09.2022	10.09.2023	08.09.2024	14.09. 2025
Всего записей	254	430	680	854	1073
Физические лица	25	141	345	478	666
Юридические лица, иные объединения без образования юридического лица	229	289	335	376	407
Действующие физические лица	25 (20,7%)	154 (56%)	335 (67%)	465 (72%)	651 (77,6%)
Действующие юридические лица, иные объединения без образования юридического лица	96 (79,3%)	121 (44%)	165 (33%)	180 (28%)	188 (22,4%)
Действующие. Всего	121	275 (+127% от 2021 г.)	500 (+81,8% от 2022 г.)	645 (+29% от 2023 г.)	839 (+30% от 2024 г.)

Из приведенных статистических данных видно, что после вступления в силу в 2022 году Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» и правового закрепления статуса иностранного агента прирост иностранных агентов понизился примерно до 30 процентов и стал относительно статичным. Численность объединений-иноагентов практически стабилизировалась и имеет незначительное увеличение от года к году, а их общая доля среди иноагентов снизилась с 79,3 процента (2021 г.) до 22,4 процента (2025 г.). По предусмотренным законом основаниям в случае утраты соответствующих признаков из реестра иностранных агентов на 31 декабря 2023 года было исключено 193 человека (26,01% от общего количества лиц в реестре) [12, с. 112].

Несмотря на ежегодное увеличение числа иноагентов, их общая численность ничтожно мала. Число некоммерческих организаций в России сохраняется примерно на одном уровне с 2014 года — более 220 тысяч [12, с. 109], из них НКО-иноагентов — менее 0,01 процента. Физических лиц-иноагентов менее 0,00001 процента от 111 437 966 зарегистрированных избирателей (по данным ЦИК России на 1 июля 2025 года)³⁵. Однако финансовая и ресурсная (включая информационную) зарубежная поддержка оказалась настолько весомой, что данный малочисленный институт сумел стать заметным явлением общественно-политического ландшафта государства.

³⁵ Сведения о численности зарегистрированных в Российской Федерации и за пределами территории Российской Федерации избирателей, участников референдума Российской Федерации по состоянию на 1 июля 2025 года // ЦИК России. URL: <http://www.cikrf.ru/reception/quantity/20250701.php> (дата обращения: 15.10.2025).

В 2025 году в ходе подготовки к единому дню голосования решением соответствующей избирательной комиссии во взаимодействии с Минюстом были прекращены полномочия одного члена территориальной избирательной комиссии в связи с наличием у него статуса иностранного агента. В 2024 году были прекращены полномочия двух членов избирательных комиссий, а один гражданин был исключен из резерва составов участковых избирательных комиссий в связи с наличием у них статуса иностранного агента.

Приведенные данные последних избирательных кампаний также указывают на позитивный эффект правового регулирования деятельности иностранных агентов и фактическое формирование правового института, обладающего всеми соответствующими признаками.

Так, современные исследователи выделяют ряд признаков правового института [21, с. 43]:

имеет однородный характер, то есть направлен на регулирование обособленной (относительно самостоятельной) группы (разновидности) общественных отношений;

носит системный характер, то есть нормы права, его составляющие, взаимосвязаны и представляют собой некое единство, без которого невозможно регулирование данного вида общественных отношений;

составляет юридическое единство, особый режим (порядок) правового регулирования, свойственный данному виду общественных отношений;

нормативно обособлен, то есть нормы, его составляющие, закреплены в отдельных частях нормативно-правового акта или в системе законодательства;

представляет собой некую целостность, то есть необходимый и достаточный набор (арсенал) правовых норм, обеспечивающих целостное, относительно законченное регулирование данной разновидности общественных отношений;

носит универсальный характер, то есть позволяет регулировать общественные отношения в сфере как частного, так и публичного права.

Всеми вышеперечисленными признаками обладает институт иностранных агентов. Более того, данный правовой институт имеет свои субъекты (иностранные агенты) и специальный объект правоотношений (сфера легального участия иностранных акторов в общественно-политической жизни государства), контролирующие органы (Министерство юстиции и другие государственные органы в соответствии со своими функциями, включая ЦИК России), ограничения (в частности, в избирательном процессе), обязанности (установлены законодательством и подзаконными актами) и права (право lawfully заниматься любированием иностранных общественно-политических интересов в Российской Федерации).

По мнению С.А. Авакьяна, кроме указанных признаков института, «политико-правовые принципы являются стержнем, вокруг которого объединяется определенная совокупность общественных отношений,

а, следовательно, и совокупность норм, их регулирующих» [22, с. 19]. В действительности невозможно представить себе процесс правового регулирования в отсутствии воплощения в нем правовых принципов, определяющих характер воздействия права на соответствующую область общественных отношений [21, с. 43].

Правовое регулирование деятельности иностранных агентов фактически сформировало соответствующий политico-правовой институт, представляющий собой особую, созданную на нормативной основе социальную структуру, способную существовать на различных уровнях и в различных сферах, объединяющую своим действием сферу общественных отношений, связанных с иностранным участием во внутриполитических вопросах государства. Он выступает в качестве регулятора, действующего в нормативно-правовом поле [21, с. 43]. На нем, как на любом социальном институте, по верному замечанию Г.В. Мальцева, лежит обязанность «...приведения общественных структур и функций в состояние определенного единства и, не в последнюю очередь, „инструктирования“ субъектов деятельности, как они должны вести себя в тех или иных ситуациях» [23, с. 7].

Позитивно отразилось формирование правового института иноагентства на отношении населения к данному институту и его представителям — иностранным агентам. О настоящей их роли в системе межгосударственных отношений мало кто догадывался всего десятилетие тому назад. Ореол «великолепия» и «напыщенности» иноагента, а вместе с ним и безмятежная жизнь агента иностранного влияния мгновенно сошли на нет (как в известном произведении Шарля Перро, карета превратилась в тыкву). По данным опроса, проведенного в октябре 2025 года Аналитическим центром ВЦИОМ³⁶, присвоение статуса иностранного агента физическим лицам и организациям, получающим зарубежное финансирование и занимающимся политикой, поддерживают почти две трети опрошенных россиян. В 2022 году за такую меру выступали чуть более половины респондентов. Для россиян иноагент — это, прежде всего, враг и предатель (41% ответов), к которому возникают негативные эмоции (30%). Только 4 процента опрошенных позитивно отнеслись к иноагентам. При этом, на наш взгляд, еще рано говорить о достижении всех целей, которые стоят перед этим правовым институтом.

Во-первых, правоприменительная практика свидетельствует о необходимости продолжения работы по актуализации и оптимизации правовых норм и ведомственных правил регулирования деятельности института иноагентов. Как указал Конституционный Суд, требование определенности правового регулирования, обязывающее законодателя формулировать правовые предписания с достаточной степенью точности, позволяющей

³⁶ Иноагенты среди нас // ВЦИОМ. 31 октября 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/inoagenty-sredi-nas> (дата обращения: 15.10.2025).

гражданину (объединению граждан) сообразовывать с ними свое поведение, — как запрещенное, так и дозволенное. Но при этом не исключается использование оценочных или общепринятых понятий, так как законодатель не лишен возможности прибегать к ним, если значение таких понятий доступно для восприятия и уяснения субъектами соответствующих правоотношений³⁷. Несомненно, что вместе со становлением и развитием института иноагентства необходимо вести профилактическую и воспитательную работу среди населения, представителей СМИ, политических партий и участников избирательного процесса.

Во-вторых, отмечая актуальность рассматриваемого вопроса по формированию правового института иностранных агентов, важно отметить, что последние политические и военные события в мире стали предпосылкой для ужесточения контроля за иностранными агентами, а также для принятия специального законодательства, в рамках которого присваивается конкретный правовой статус агентам иностранного влияния для легализации их деятельности. Конституция³⁸ исходит из аксиомы о том, что ограничения прав индивида необходимы, поскольку они являются инструментом согласования прав одного человека с интересами и правами других людей, общества, государства, а иногда и условиями осуществления государством своих функций [24, с. 84].

Потому вполне допустимо, а с точки зрения обеспечения безопасности и суверенитета государства даже необходимо устанавливать определенные правовые ограничения и юридические санкции для субъектов иностранного воздействия для минимизации иностранного влияния на внутриполитические процессы суверенного государства.

В этом контексте предложение В.В. Володина об ограничении финансовых выплат иностранным агентам, покинувшим Россию³⁹, предложения Министерства финансов Российской Федерации о лишении иностранных агентов налоговых преференций имеют правовые основания⁴⁰, но требуют тщательной проработки для соразмерности и сохранения баланса интересов, а также обеспечения конституционных прав граждан.

³⁷ Постановления Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2003 года № 16-П, от 14 апреля 2008 года № 7-П, от 5 марта 2013 года № 5-П и др.

³⁸ Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации).

³⁹ Володин: иноагенты не должны получать пенсию в России // Дума ТВ. 29 октября 2025. URL: https://dumatv.ru/news/vyacheslav-volodin--inoagenti-ne-dolzhni-poluchat-pensiyu-v-rossii?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fsearch (дата обращения: 15.10.2025).

⁴⁰ Иностранных агентов предлагается ограничить в использовании налоговых преференций // Министерство финансов Российской Федерации. 29 сентября 2025. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39945-inostrannykh_agentov_predlagetsya_ogranichit_v_ispolzovanii_nalogovykh_preferentsii (дата обращения: 15.10.2025).

Острота этого вопроса (ограничение прав в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции) приобретает особый накал в случаях, когда права и свободы становятся объектом атак со стороны международного терроризма, экстремизма, неонацизма или в случаях ведения так называемых «гибридных войн» — посягательств на суверенитет государства. Принимая меры, направленные на защиту прав и свобод, законодатель вынужден прибегать к механизмам регулирования порядка их реализации во избежание «конфликта приоритетов» либо посредством соблюдения имманентных пределов права, либо путем ограничения прав. Правовые ограничения для определенных «групп риска», в которые попадают иностранные агенты, как мы убеждаемся на протяжении последних лет, позволяют противодействовать экстремизму, терроризму и коррупции, помогают обеспечивать общественный порядок при проведении публичных мероприятий, включая организацию голосования [25, с. 47–64]. Выход за установленные правовые рамки деятельности иноагенов может, а в определенных случаях должен рассматриваться как более тяжкий правовой деликт, не имеющий ничего общего с неосторожностью или неосмотрительностью, а скорее наоборот, — тяжкое или особо тяжкое преступление (государственная измена, содействие террористической деятельности, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства).

Любая попытка иностранного агента (единственного субъекта права, которому легально разрешено заниматься политической деятельностью в интересах иностранного государства) выйти за пределы регламентированной деятельности может расцениваться как путь к предательству своего народа, к измене, сотрудничеству с врагом, коллаборационизму и должна неукоснительно пресекаться. В противном случае, государство для сохранения суверенитета, обеспечения безопасности и защиты прав граждан может пойти на полный запрет иностранным агентам участвовать в политической и публичной жизни общества, — от членства в политической партии и работы агитатором в избирательной кампании до публичных выступлений и публикаций.

Поэтому в данном контексте возможно рассмотреть вопрос о введении в статью 63 УК «Обстоятельства, отягчающие наказание» в качестве отягчающего обстоятельства — «совершение преступления с иностранным участием», дополнив перечень подпункта «е» части 1 статьи 63 (совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы). Более того, отягчающим данное обстоятельство можно считать только для преступлений, предусмотренных главой 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», главой 24 «Преступления против общественной безопасности» и главой 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

В-третьих, необходимо продолжать на системной основе научную и международную деятельность, направленную на обеспечение суверенитета государства и противодействие иностранному влиянию, в том числе через институт иностранных агентов. В рамках своей международной деятельности ЦИК России принимала активное участие в разработке Рекомендаций МПА СНГ по обеспечению и защите электорального суверенитета государства⁴¹, в пунктах 3.1.5, 3.3.1, 3.4.1 которых установлены рекомендательные ограничения для лиц, имеющих правовую связь с иностранным государством. Перед правовой наукой сегодня стоит непростой вопрос о подходах в разрешении приоритетности и допустимости регулятивных ограничений при организации политических и избирательных процессов, в частности, в сложных условиях геополитического противостояния, попыток воздействия на суверенные государства с целью влияния на внутриполитические процессы и изменения либо искажения воли народов для достижения геополитических целей.

В любом случае право должно стать эффективным оружием противодействия противоправному вмешательству в суверенные дела государства. Институт права, решая важнейшие в целом для общества и государства, а в частности для личности задачи, преобразует взаимоотношения идеологии, политики и права в легитимную систему нормативных представлений, сформированных общественным правосознанием. Официальные нормативные предписания в конечном счете не могут быть оторванными от реальности. Государственная воля, регулирующая тот или иной вид общественных отношений, предполагает высочайшую степень обдуманности и ответственности. Вот почему так важно регулярно возвращаться к уже действующему законодательству, устраняя противоречивость и находя органичную форму для симбиоза теоретических моделей и жизненного опыта [9, с. 12–16].

Институт иноагентства в России направлен на установление баланса частных и публичных прав и законных интересов посредством обеспечения, с одной стороны, гарантий реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина и, с другой стороны, национальной безопасности государства [19, с. 70].

* * *

В первой четверти текущего столетия в Российской Федерации сформировался институт иностранного агента, имеющий все родовые признаки правового института со своими объектом, субъектом, определенными

⁴¹ Рекомендации МПА СНГ по обеспечению и защите электорального суверенитета государства, принятые МПА СНГ 22 ноября 2024 г., организацией-разработчиком выступил Российский общественный институт избирательного права (РОИИП). Рекомендации по обеспечению и защите электорального суверенитета государства // Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 22 ноября 2024 года. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov (дата обращения: 15.10.2025).

законом обязанностями и правами. Правовой институт не имеет ничего общего с ярлыками, ассоциативно навязываемыми нам идеологическими противниками, а лишь приводит к единому знаменателю. Попытки отдельных стран, направленные на глобальное доминирование, и развитие современных информационно-коммуникационных технологий свидетельствуют о необходимости дальнейшей работы по развитию правового института иностранных агентов, в том числе и на международном уровне, для обеспечения безопасности и суверенитета государства, прав и свобод граждан, включая право на выбор своего будущего без какого-либо давления и влияния извне. Для достижения конституционно-значимых целей развития народовластия государство может и должно принимать соответствующие превентивные меры безопасности и вводить определенные правовые ограничения и санкции для субъектов иностранного воздействия.

Список литературы

1. Биктагиров Р.Т., Кинзягулов Б.И. Курс современного избирательного и референдумного права России: теория, законодательство, практика: общая часть. Т. 1. Уфа: Уфимский полиграфком бинат, 2007. 387 с.
2. Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М.: Изд. «Доброй книги», 2009. 656 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Революции на экспорт. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.
4. Шубников Ю.Б. Социально-экономические основания частного права: трансформация социально-экономических отношений в частноправовые. Санкт-Петербург: Изд. Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2024.
5. Глотов М.Б. Социальный институт: определение, строение, классификация // Социологические исследования. 2003. № 10.
6. Костина Н.Б. Социальный институт как общественное явление (на материалах институтов культуры). Автореферат кандидатской диссертации. Свердловск, 1982.
7. Современная западная социология. Словарь. / сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Политиздат, 1990.
8. Malinowski B.A. Scientific Theory of Culture. Chapel Hill. 1944.
9. Грибанкова Н.А. Статус иноагента: современные проблемы толкования // Новый юридический вестник. 2023. № 1(40).
10. Устинкин С.В., Горюнова А.А. Основные направления деятельности современных НПО-иностранных агентов в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7(109).
11. Курбанов Р.А., Налетов К.И. Статус иностранных агентов в России, США и Австралии: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 5.
12. Свириденко О.М. Контроль иностранных агентов — новый институт российского права // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 3.

13. Дубоносов Е.С. Институт иностранных агентов в России: оперативно-разыскной аспект // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. 2024. № 3(100).
14. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Русский язык от А до Я. М.: Изд. ЮНВЕС, 2003.
15. Теория государства и права / Под ред. Н.Г. Александрова. М.: Юрид. лит., 1968. 640 с.
16. Малый А.Ф., Логунова С.О. Институты права и правовые институты в современном российском праве и особенности их формирования // Образование и право. 2021. № 2.
17. Голосков Л.В. Уголовное право и гибридные войны // Журнал прикладных исследований. 2020.
18. Фантров П.П. Некоммерческие организации и система национальной безопасности в России: роль неправительственных объединений, имеющих статус иностранного агента // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 18(303).
19. Ми��тахов Р.Л., Белоусов А.И. Особенности административно-правового статуса иностранных агентов в Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 46. № 2(66).
20. Марутин А.Г. К вопросу о причинно-следственной связи появления в отечественном законодательстве нормы о «иностранных агентах» // Известия Сочинского государственного университета. 2014. № 1(29).
21. Беляева Г.С., Абрамова Н.Г., Лещенко О.В. Понятие и сущность юридического института // Теория государства и права. 2019. № 2.
22. Авакян С.А. Государственно-правовые институты: понятие и формирование (применительно к деятельности Советов) / С.А. Авакян // Советское государство и право. 1977. № 2.
23. Мальцев Г.В. О социальной природе юридических институтов / Г.В. Мальцев // Институционализация в праве: Сб. науч. ст. М.: Изд-во РАГС, 2010.
24. Подмарев А.А. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1.
25. Борисов И.Б., Лысенко В.И. Избирательные права в системе прав человека и гражданина. Правовые приоритеты // Гражданин. Выборы. Власть. № 1(27). 2023.

Ю.В. ЕРМОЛАЕВА
Д.С. ВОРОБЬЕВА

БАЛАНС ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА И СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ОПЫТ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Аннотация. Авторы обосновывают необходимость защиты прав ребенка в контексте проведения государственной семейной политики, а также политики в области духовного и нравственного воспитания населения. Обозначаются проблемы оказания помощи семьям, имеющим внутренние сложности, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Проанализирована практика защиты прав детей и сохранения традиционных семейных ценностей в Республике Казахстан. Сделаны предложения по использованию положительного опыта Республики Казахстан в решении обозначенных вопросов, в том числе по созданию и функционированию центров поддержки семьи.

Ключевые слова: защита прав ребенка, семья, традиционные духовно-нравственные ценности, государственная политика, меры государственной поддержки семей, семейные многофункциональные центры.

BALANCE OF PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS AND PRESERVATION OF TRADITIONAL FAMILY VALUES: EXPERIENCE OF THE RUSSIA AND KAZAKHSTAN

Abstract. The authors justify the necessity to protection children's rights in the context of the state family policy, as well as the policy in spiritual and moral education. The problems of providing assistance to families with intra-family difficulties, who have found themselves in a difficult life situation, are identified. The practice of protecting children's rights and preserving traditional family values in the Republic of Kazakhstan is analyzed. Proposals are made on the use of the positive experience of the Republic of Kazakhstan in solving the identified issues, including the creation and operation of family support centers.

Keywords: protection of children's rights, family, traditional spiritual and moral values, state policy, measures of state support for families, family multifunctional centers.

ЕРМОЛАЕВА Юлия Васильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

ВОРОБЬЕВА Динара Сергеевна — старший преподаватель кафедры административного и муниципального права имени профессора В.М. Манохина Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов

Проблема защиты прав ребенка продолжает оставаться одной из актуальных тем. Такие глобальные вызовы современности, как вооруженные конфликты, миграционные процессы, стихийные бедствия и пандемия, затрагивая всё население стран мира, ставят детей в экстремальные условия, подвергая риску физического и психологического насилия, лишения базовых потребностей. В свою очередь, технологический прогресс создает новые угрозы для детей, включая кибербуллинг, зависимость от цифровых устройств, распространение неприемлемого контента, сказывающегося на здоровье молодого поколения, его социализации. По данным Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка за 2023 год, увеличилось число обращений, связанных с защитой несовершеннолетних от насилия, их прав на социальное обеспечение, права на жилище, информационную безопасность и ряда других¹.

Помимо того, что существует реальная необходимость защиты прав детей, данный вопрос нельзя рассматривать в отрыве от традиционных семейных ценностей, господствующих в обществе, так как реализуемая политика в данном направлении затрагивает права как малолетних детей, так и подростков, молодежи. Исходя из содержания части 2 статьи 7 и статьи 38 Конституции Российской Федерации² (далее – Конституция), охрана семьи, материнства и детства – комплексная задача, образующим элементом которой является социально-правовой институт семьи.

В настоящее время наблюдаются изменения в структуре семьи, в число которых входит как растущее количество разводов, неполных семей и повторных браков, так и распространение различных форм семейного устройства (приемные дети, уход отца в декретный отпуск, институт сожительства и т.д.). Учитывая, что семейные ценности – это основа стабильности общества, источник эмоциональной поддержки и безопасности для ребенка, подобная трансформация влечет необходимость оперативного реагирования со стороны государства, изучения практики реализации принимаемых мер в социально-экономической сфере, нормативно-правовых актов.

Республика Казахстан придерживается сходной позиции в поддержании традиционных ценностей народа. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев отмечает, что в жизни каждого человека семья занимает особое место, она играет важнейшую роль в воспитании подрастающего поколения, приобщении детей к национальным ценностям³. В связи с этим интересен

¹ Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка в 2023 году // Официальный сайт Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка. URL: <https://deti.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/Document-0-306-src-1717497135.5379.pdf> (дата обращения: 30.06.2025).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (в ред. от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 23.06.2025).

³ Токаев: крепкая семья – надежный залог устойчивого развития страны // Forbes Kazakhstan. 2023. 10 сент. URL: https://forbes.kz/articles/tokaev_krepkaya_semya_nadejnyiy_zalog_ustoychivogo_razvitiya_stranyi?ysclid=mcw5z5niyb591301686 (дата обращения: 06.07.2025).

анализ опыта соблюдения баланса защиты прав ребенка и сохранения традиционных семейных ценностей на примере данного государства.

В науке конституционного права неоднозначным остается вопрос использования понятий «дети», «ребенок», «несовершеннолетний», «подросток». Это подтверждается названиями последних научных трудов в рассматриваемой области [1, 2, 3]. Однако в рамках данного исследования авторы, не ставя целью изучения теоретической составляющей, предпочитают поддержать позицию о том, что понятие «несовершеннолетний» выделяет возрастную группу населения в целях определения специального правового статуса лиц этой группы, тогда как понятие «ребенок» более широкое; помимо возрастной оценки оно включает в себя характеристику социальной связи ребенка с родителями [4, с. 32]. Здесь особенность ситуации заключается в том, что ребенок может реализовывать свои конституционные права исключительно опосредованно, то есть через законных представителей.

Кроме того, понятие субъективного права как вида и меры возможного поведения лица следует отличать от понятия законного интереса, под которым понимается «юридическое дозволение, выражющееся в стремлениях субъекта пользоваться конкретным социальным благом» [5, с. 17]. Интересы опосредуют и предопределяют юридические права, так как лежат в их основе. Поэтому, говоря об интересах и вытекающих из них правах детей, следует иметь в виду, что их основное предназначение состоит в необходимости удовлетворить потребности ребенка в его комплексном физическом, интеллектуальном, психическом, духовном и нравственном развитии, что закреплено в части 4 статьи 67.1 Конституции, части 1 статьи 27 Конвенции о правах ребенка 1989 года⁴. При этом особо подчеркивается роль родителей, семейного окружения в обеспечении надлежащего уровня развития, а также «важность традиций и культурных ценностей», подлежащих учету, в том числе при защите прав несовершеннолетних (абз. 6 и 12 Преамбулы, абз. 1 ст. 17, ч. 1 ст. 18, ч. 1 и 2 ст. 27 Конвенции о правах ребенка 1989 г.).

В 2020 году в текст Конституции были внесены поправки, закрепляющие семейные ценности, впоследствии в Указе Президента России от 9 ноября 2022 года № 809 были законодательно определены традиционные духовно-нравственные ценности российского народа, в числе которых названа «крепкая семья»⁵. В Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года в качестве ценностей дополнительно отмечаются: большая многопоколенная семья с присущей сплоченностью, преемственностью, многодетностью, уважением младшего поколения к старшему и другие. Кроме того, повышение благополучия

⁴ Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 23.06.2025).

⁵ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Информационно-правовой портал ГАРАНТ.РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 11.03.2023).

российских семей, их поддержка стоит на первом месте в числе национальных целей развития нашей страны (подп. «а» п. 1 Указа Президента России от 07.05.2024 № 309⁶).

* * *

В Республике Казахстан основными нормативно-правовыми актами, определяющими государственную семейную политику, являются Конституция Республики Казахстан, Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье», Закон Республики Казахстан «О государственных гарантиях равных прав и возможностей для мужчин и женщин» и другие акты. Принята Стратегия «Казахстан-2050» и Национальный план развития до 2029 года, дополнено законодательство в вопросах создания и формирования контакт-центра «111» и центров поддержки семьи. В Казахстане также принята Концепция семейной и гендерной политики до 2030 года. Основными достижениями данной концепции являются разработка национального доклада «Казахстанские семьи», запуск деятельности семейных судов, утверждение стандартов оказания специальных социальных услуг жертвам бытового насилия, а также международное признание усилий Казахстана в области семейной политики.

Названные стратегические и программные документы, нормативные правовые акты задают рамку и направление реализации государственной семейной политики, обеспечивают профилактику негативных явлений в семье. Их выполнение требует скоординированных усилий различных государственных органов и общественных организаций, а также большей осведомленности и участия самого населения.

Для реализации данных положений существуют профильные органы государственной власти. В России это Президент как гарант Конституции, Комитет Государственной Думы по защите семьи, вопросам материнства, отцовства и детства, Комитет по социальной политике Совета Федерации, Министерство труда и социальной защиты, соответствующие учреждения публичной власти на региональном и местных уровнях.

На институт семьи распространяются общие гарантии соблюдения прав и свобод человека и гражданина (материальные, организационные, духовные, социально-экономические и юридические). В рамках преобразований реализуются многочисленные приоритетные национальные проекты. В частности, вызывает интерес программа, разработанная общероссийской общественной организацией «Национальная родительская ассоциация социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей»⁷.

⁶ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 20, ст. 2584.

⁷ См.: Типовая программа развития семейного воспитания и родительского просвещения «Этика семейных отношений и традиционные семейные ценности». URL: <https://roditelskayaliga.ru/wp-content/uploads/2020/10/Типовая-программа-Этика-семейных-отношени.pdf?ysclid=mgxx1s5mh902662532> (дата обращения: 06.07.2025).

Положительной тенденцией государственной политики в области сохранения традиционных семейных ценностей можно назвать противостояние деструктивным трендам, принятие решений по вопросам медиабезопасности и фильтрации информационного поля. Всё это закреплено в Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года. В качестве одной из важнейших задач государство ставит перед собой разрешение проблемы налаживания согласованного взаимодействия семьи с государством и всеми элементами современного медиарынка – производителями и распространителями контента, психолого-педагогическими экспертными сообществами⁸. Молодежи нужно оказывать финансовую поддержку, одновременно важно способствовать ее просвещению. Необходимо разработать и реализовать проекты по формированию новых смыслов для поддержания семейных традиций прошлого поколения.

В соответствии с международными стандартами и внутренним законодательством в российском законодательстве находит отражение принцип семейного воспитания ребенка, а семейное образование рассматривается как альтернатива государственному (ст. 17 ч. 1 п. 2, ст. 44 ч. 3 п. 2, ст. 63 ч. 5 Федерального закона «Об образовании»), создаются центры семейного воспитания на базе общего среднего образования.

* * *

В Казахстане в координации реализации семейной политики значительную роль играют Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте республики, в регионах – соответствующие консультативно-совещательные органы, а в структуре Министерства культуры и информации – Комитет по делам молодежи и семьи.

В 2023 году в стране была внедрена Цифровая карта семьи – балльная система управления информацией, охватывающая 19,7 миллиона человек. Эта программа направлена на усиление мониторинга проблем семьи, упрощение доступа к средствам социальной защиты и активное информирование граждан об их правах. К середине 2025 года более 97 тысяч казахстанцев получили пособия без обращения с соответствующими заявлениями⁹.

Кстати, по поводу эффективности данной системы высказывались и сомнения. Критика проекта в основном сводилась к указанию на отдельные проблемные аспекты: нереалистичные критерии благополучия, противоречивые ценностные установки в определении социального благополучия, создание «социального рейтинга». К тому же, в проекте не указывалось,

---

⁸ Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г. № 1105-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 8 мая 2023 г. № 19, ст. 3481.

⁹ В Казахстане запустили Цифровую карту семьи // Центр развития города Алматы. 2023. 9 янв. URL: <https://almatydc.kz/press/news/v-kazahstane-zapustili-cifrovuyu-kartu-semi?ysclid=mgxxefej5x228225851> (дата обращения: 06.07.2025).

какого рода меры планирует принимать государство в отношении «неблагополучных» семей. При более углубленном изучении системы возникает вопрос соблюдения баланса защиты прав ребенка и сохранения традиционных семейных ценностей, то есть *не совсем ясно, почему согласно данному проекту за наличие ребенка в семье баллы отнимаются, а не наоборот.*

Практика использования в Казахстане Цифровой карты семьи еще изучается, хотя в рамках Всемирного Правительственного саммита в Дубае данный инновационный проект был признан лучшим в категории «Инклюзивная цифровая трансформация» и получил престижную награду GovTech Prize 2024.

На сегодняшний день для оказания всесторонней поддержки семьям в решении различных жизненных ситуаций в Республике Казахстан функционирует 48 центров поддержки семьи (ЦПС). В подобных центрах предоставляется временное проживание, юридическая помощь, содействие по уходу за детьми. В течение 2025–2027 годов планируется довести количество центров до 208. При Министерстве культуры и информации Казахстана создана Рабочая группа по совершенствованию деятельности ЦПС, в состав которой входят представители государственных органов и эксперты.

Полагаем, что при разработке любых подобных проектов нельзя забывать, с одной стороны, о том, что «важной составляющей защиты семьи... является приоритет интересов ребенка» [6, с. 3], а с другой, — государство в соответствии с Основным законом принимает на себя обязательство по поддержке и защите семьи в целом, а не только в особых случаях. Так, в Справочнике для парламентариев по вопросам защиты детей, разработанном при участии ЮНИСЕФ, указывается, что работа социальных органов не может быть эффективна в полной мере, если она ориентирована только на неблагополучные семьи. В связи с этим государствам в лице органов здравоохранения и социальной защиты рекомендуется организовать мероприятия по обходу и обследованию семей с маленькими детьми. Как утверждают составители Справочника, такие мероприятия будут носить превентивный характер и не потребуют больших затрат и усилий [7, с. 113] (последнее утверждение представляется сомнительным).

Как отмечают специалисты, упор на раннюю профилактику семейных кризисов «...получил широкое распространение в скандинавской модели социальной работы...» [8, с. 41]. Напомним, что именно оттуда берет корни запрет на телесные наказания детей, действующий в ряде стран [9, с. 7]. Однако, если говорить о ситуации в нашей стране, то не будут ли нарушаться права семьи, в том числе право на неприкосновенность частной жизни, гарантированные статьей 23 Конституции в случае, если обходы станут обязательными, а государство и общество будут активно вовлекаться в семейные дела? На наш взгляд, вмешательство со стороны власти необходимо и оправдано только в целях защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов самих детей (ч. 3 ст. 55 Конституции) и только

на основании федерального законодательства (например, Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»).

В Российской Федерации в последнее время особое внимание уделяется вопросу оказания содействия родителям/семьям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, с тем, чтобы помочь им вернуться к нормальной жизни и предотвратить наступление неблагоприятных последствий в виде отобрания детей, лишения родительских прав и, как следствие, увеличения числа «детей-сирот при живых родителях». Такую помощь предоставляют как органы государственной власти, так и некоммерческие организации. В частности, по инициативе Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка разработан «Свод мер помощи семьям с детьми, оказавшимся в трудной жизненной ситуации или в социально опасном положении», включающий в себя 120 мероприятий. Важная роль при этом — в части ресоциализации родителей — должников по алиментным обязательствам, отводится органам принудительного исполнения.

Однако пока еще в обозначенной сфере существуют проблемы. Большая вовлеченность в процесс восстановления семьи требуется от региональных органов власти. В первую очередь, от органов системы профилактики безнадзорности несовершеннолетних¹⁰, к которым относится достаточно широкий круг субъектов (ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ¹¹).

На наш взгляд, в целях координации в решении поставленных задач необходимо создавать сеть семейных многофункциональных центров, оказывающих комплексную помощь семьям с детьми, находящимся в трудной жизненной ситуации, что постановлено в ряде политico-правовых документов (п. 49 Плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года¹², п. 35 Плана мероприятий по реализации Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года¹³).

В рамках деятельности семейных центров могла бы быть реализована практика заключения социальных контрактов с малообеспеченными семьями, на основании которых оказывается им помощь в поиске работы,

¹⁰ Доклад о деятельности Уполномоченного ... С. 59, 119, 121, 126–127.

¹¹ Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26, ст. 3177; 2025. № 14, ст 588.

¹² План основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 23.01.2021 № 122-р (в ред. от 12.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 5, ст. 914; 2025. № 24, ст. 3272.

¹³ План мероприятий по реализации Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2023 № 3233-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 49 (ч. IV), ст. 8803.

получении образовательных компетенций, осуществлении предпринимательской деятельности, то есть проводятся мероприятия, направленные на рост благосостояния семьи (ст. 8.1 Федерального закона от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи»¹⁴). Кроме того, на базе рассматриваемых центров возможно использование примирительных (медиативных) процедур для разрешения семейных вопросов, в том числе по определению места жительства ребенка и порядка его общения с одним из родителей в случаях развода¹⁵.

Возвращаясь к Республике Казахстан, необходимо упомянуть стартовавшую в 2024 году программу «Национальный фонд – детям», согласно которой каждый ребенок до 18 лет будет получать денежные средства на целевые накопительные счета. Критика программы обуславливается в основном экономической целесообразностью и исполнимостью (зависимость от мировых цен на экспортную нефть), недостаточной прозрачностью, а также значимостью суммы, которую ребенок получит к своим 18 годам (с учетом ее зависимости от валютного курса). Поскольку до введения программы не был проведен опрос граждан, у родителей возникает много вопросов, в том числе по поводу слишком долгой перспективы и существования насущных проблем в социальной сфере, которые требуют незамедлительного решения [10].

Все же опыт Казахстана в сфере соблюдения баланса защиты прав ребенка и сохранения традиционных семейных ценностей важен для нашего государства в следующих направлениях. Так, при написании данной статьи был использован материал национального доклада «Казахстанские семьи»¹⁶ на 120 листах. Представляется, что практику подготовки подобных докладов можно рассматривать в качестве положительного примера разностороннего исследования проблемных аспектов и тенденций трансформации института семьи (снижение вовлеченности старшего поколения, изменение размера семей, запрос общества на осознанное создание семьи и родительство, трансформация внутрисемейных отношений и распределения ролей в семейной жизни) с последующей разработкой практических рекомендаций для дальнейшего совершенствования государственной семейной политики. Подобную функцию мог бы взять на себя Уполномоченный по правам ребенка при Президенте Российской Федерации, включив соответствующий анализ в свой ежегодный доклад для всеобщего ознакомления.

Задачей государства должны стать общая забота о семье, детях, создание надлежащих экономических, психологических и социальных условий для

¹⁴ Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (ред. от 29.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 29, ст. 3699; 2024. № 45, ст. 6698.

¹⁵ Доклад о деятельности Уполномоченного ... С. 58–59.

¹⁶ Казахстанские семьи: национальный доклад // Казахстанский институт общественного развития. URL: <https://ru.kipd.kz/article/kazakhstanskie-semi-natsionalnyy-doklad> (дата обращения: 06.07.2025).

реализации семейных прав граждан, их заинтересованности и уверенности в здоровых семейных отношениях и воспитании будущих поколений, то есть в дальнейшем формировании и укреплении семейных ценностей [11]. Считаем, что подобных целей можно достичь, во-первых, созданием сети вышеуказанных семейных центров, оказывающих комплексную помощь нуждающимся семьям с детьми. Во-вторых, было бы целесообразно в рамках данных центров предусмотреть возможность заключения социальных контрактов с малообеспеченными семьями, а также использования примирительных (медиативных) процедур для разрешения семейных вопросов, в том числе по определению места жительства ребенка и порядка его общения с одним из родителей в случаях развода¹⁷. В-третьих, семейные ценности — это ключевые принципы и убеждения, способствующие формированию личности, ее идентичности, а если подходить к данному вопросу с более широких позиций, то созданию внутрисемейных отношений. В то же время они оказывают значительное влияние на взаимодействие внутри семьи. От того, насколько они сохраняются и почитаются, зависят культурные, национальные, духовные основы государства.

В последнее время особую важность приобретает государственная политика в области духовного и нравственного воспитания населения, пропаганда традиционных для нашего общества ценностей, в том числе установок, подчеркивающих значимость семьи и детства. Считаем, что в данном контексте в качестве конкретных мер можно предложить: помочь в переосмыслении религиозных учений в контексте укрепления межконфессиональных отношений; обучение родителей и детей грамотному использованию гаджетов и Интернета; наполнение информационной среды через СМИ поддержкой идей патриотизма и гражданственности; внимание к своим корням, к истории и культурному наследию страны. Всё это способствует всестороннему духовному, нравственному, физическому и интеллектуальному развитию как детей, так и их родителей.

Зашита прав ребенка и сохранение семейных ценностей — взаимосвязанные понятия, являющиеся ключевыми концептами для обеспечения устойчивого развития общества, благополучия детей и построения справедливого и гуманного мира, правового государства.

* * *

В заключение добавим, что анализ практики в области защиты прав ребенка и сохранения традиционных семейных ценностей обоих государств показал, что в сфере реализации государственной семейной политики проблемы предостаточно. В частности, нуждаются во внимании как государств, так и общества такие вопросы как сложность в межведомственном и внутриведомственном взаимодействии государственных органов; недостаточно

---

¹⁷ Доклад о деятельности Уполномоченного ... С. 58–59.

комплексный подход к поддержке семей; нехватка кадров в рассматриваемой сфере; соответствие государственной семейной политики уровню вызовов цифровой эпохи для семьи, в особенности для детей в семье.

Российская Федерация и Республика Казахстан выбрали конкретный вектор во внешней и внутренней политике и принимают активные действия в направлении защиты традиционных семейных ценностей и в обеспечении защиты прав детей. Хочется надеяться, что обозначенные проблемы будут решены, а предпринимаемые меры будут максимально эффективно способствовать их интеграции во все сферы отношений, и в том числе, в направлении защиты прав детей.

Список литературы

1. Бондаренко О.А. Реализация конституционных прав и свобод ребенка в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. 29 с.
2. Кубеева З.Т. Конституционно-правовое регулирование защиты детства в Российской Федерации и Республике Казахстан: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. 34 с.
3. Михалева Г.Б. Способы обеспечения и защиты прав несовершеннолетних: конституционно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2019. 174 с.
4. Абрамов В.И. Права ребенка и их защита в России: общетеоретический анализ: автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2007. 57 с.
5. Кулапов В.В. Защита субъективных прав и законных интересов детей в Российской Федерации (вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 33 с.
6. Кузнецова О.В. Конституционно-правовая защита семьи, материнства, отцовства и детства в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 3.
7. Child Protection: A Handbook for Parliamentarians / Inter-Parliamentary Union & UNICEF. Geneva: SRO-Kundig, 2004.
8. Ярская-Смирнова Е.Р., Тепер Г.А., Грек Н.В. Брошенные дети: проблемы профилактики раннего социального сиротства // Женщина в российском обществе. 2008. № 3.
9. Implementing equal protection for children in Sweden // Children and Violence. Innocenti Digest. 1997. № 2.
10. Нижегородский Ю. Дорастить до долларов: что не так с программой «Нацфонд – детям» // Orda. URL: <https://orda.kz/dorastit-do-dollarov-chto-ne-tak-s-programmoj-naczfond-detyam/> (дата обращения: 29.06.2025).
11. Конституционно-правовые основы социальной поддержки рождаемости и укрепления семей в Российской Федерации (на примере Саратовской области) / Е.А. Герасимова, Т.В. Заметина, И.А. Зырянов и др.; под ред. Т.В. Заметиной; Саратовская гос. юрид. акад. Саратов: Изд-во Саратовской гос. юрид. акад., 2025. 156 с.

А.Р. ХАШИГ

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА КАНДИДАТА В ДЕПУТАТЫ ПАРЛАМЕНТА АБХАЗИИ (сравнительный анализ)

Аннотация. В статье рассматриваются избирательные цензы для реализации пассивного избирательного права, которые установлены законодательствами Республики Абхазии, Российской Федерации и Республики Армении, а также права, обязанности и гарантии, которые предусмотрены в указанных странах для кандидатов в депутаты парламента. В статье выделены особенности правового статуса кандидата в депутаты в перечисленных государствах и предложены изменения в действующее законодательство Республики Абхазии.

Ключевые слова: пассивное избирательное право, статус кандидата в депутаты, кандидат в депутаты, избирательный ценз.

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF A CANDIDATE FOR DEPUTIES OF THE PARLIAMENT OF ABKHAZIA (comparative analysis)

Abstract. This article discusses the electoral qualifications for the implementation of passive electoral rights, which are established by the legislation of the Republic of Abkhazia, the Russian Federation and the Republic of Armenia, as well as the rights, obligations and guarantees that are provided in these countries for candidates for parliament. The article highlights the features of the legal status of a candidate for deputy in the listed states and proposes changes to the current legislation of the Republic of Abkhazia.

Keywords: passive suffrage, status of a candidate for deputy, candidate for deputy, electoral qualification.

Для вновь образовавшихся государств постсоветского пространства модернизация политической системы и переход к политическому многообразию стали неотъемлемым процессом по демократизации, что позволило наполнить реализацию политических прав новым содержанием.

Правовой статус кандидата в депутаты парламента определяет права и обязанности того или иного гражданина, реализующего свое пассивное

ХАШИГ Астан Русланович – аспирант Института экономики и права Академии наук Абхазии, Республика Абхазия, г. Сухум

избирательное право, под которым традиционно понимается право быть избранным в органы государственной власти или органы местного самоуправления. Активное же избирательное право предполагает право граждан избирать тех или иных лиц (зарегистрированных кандидатов) в органы государственной власти или органы местного самоуправления.

Правовой статус кандидата в депутаты, помимо прав и обязанностей, также наделяет его дополнительными гарантиями защищённости личности, которые должны обеспечивать свободу политической борьбы и защищать от произвольного вмешательства или ограничения со стороны действующих должностных лиц и государственных органов.

Можно согласиться с мнением В.А. Трояна о том, что: «... основной разновидностью гарантий субъективного избирательного права являются конституционно-суверенные гарантии, стандартно размещенные в главах о власти народа или конституционном строе в корреляции с субъективным избирательным правом, реализуемым в основных формах непосредственного волеизъявления народа» [1, с. 74]. Такого рода гарантии необходимы как с правовой, так и с морально-ценностной точки зрения, поскольку они подчеркивают важность активного и пассивного избирательного права в жизни общества и государства.

Один из основополагающих правовых документов наднационального уровня — Международный пакт о гражданских и политических правах — закрепляет: «каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность <...> быть избранным»¹.

Конституция Республики Абхазия в статье 12 признает и гарантирует права и свободы, закрепленные в Международном пакте о гражданских и политических правах² и, тем самым, также устанавливает пассивное избирательное право для граждан республики.

Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств также устанавливает: «Право гражданина избирать и быть избранным закрепляется в конституции и (или) законах, а порядок его осуществления определяется законами или иными нормативными правовыми актами»³.

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. Текст: электронный // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. 2024. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 28.03.2024).

² Конституция Республики Абхазия (принята на сессии Верховного Совета Республики Абхазия 12-го созыва 26 ноября 1994 г., одобрена всенародным голосованием 3 октября 1999 г. с изменением, принятым на всенародном голосовании (референдуме) 3 октября 1999 г.), (с изменениями от 29 марта 2016 г. № 4067-с-V). г. Сухум. Текст: электронный // Официальный сайт Кабинета Министров Республики Абхазия. 2024. URL: <https://vs-ra.org/images/DOCS/Reglament/constRA.pdf> (дата обращения: 28.03.2024).

³ Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств. Текст: электронный // Единый реестр правовых

Таким образом, в международных документах признается и закрепляется всеобщее избирательное право. Однако, как справедливо отмечает О.В. Кузнецова, «в практике выборов сложился разный подход к понятию всеобщности для избирателей и избираемых. Для последних избирательное право имеет более ограничительный характер» [2, с. 346]. Действительно, изучение законодательства различных стран указывает на то, что всеобщее избирательное право всё же имеет свои ограничения и некоторые граждане, в зависимости от установленных в конституциях или законах нормах, могут быть лишены или ограничены в возможности реализации пассивного избирательного права.

При этом стоит отметить разницу между понятиями «избирательный ценз» и «ограничение избирательных прав» в контексте избирательного права. Представляется, что под понятием «ограничение избирательных прав» следует понимать установленные государством запреты на реализацию активного или пассивного избирательного права, тогда как под «избирательным цензом» следует понимать «условия допуска» граждан к возможности реализации избирательных прав [3, с. 26]. По сути, именно эта тонкая грань разделяет эти два понятия, и можно сделать вывод о том, что каждый ценз – это своего рода ограничение, но не каждое ограничение – ценз.

Как справедливо отмечают И.Б. Борисов, А.Г. Головин, А.В. Игнатов, Ю.Ю. Комиссаров: «Границы принципа всеобщности избирательного права в реальности определяются наличием либо отсутствием избирательных цензов, исключающих временно или навсегда определенных членов общества из участия в управлении делами общества и (или) государства посредством выборов» [4, с. 18].

В Абхазии депутатом может стать гражданин республики, достигший на день голосования 25 лет и имеющий высшее образование⁴. С 2027 года в силу вступит положение, согласно которому еще одним цензом станет знание государственного абхазского языка и приравненного к нему русского языка.

Цензы пассивного избирательного права в Российской Федерации предполагают наличие у кандидата в депутаты гражданства, достижение им возраста 21 года на день голосования и постоянное проживание на территории Российской Федерации⁵.

актов и других документов Содружества Независимых Государств. 2024. URL: <https://cis.minsk.by/reestrv2/doc/1312#text> (дата обращения: 28.03.2024).

⁴ Конституционный закон Республики Абхазия от 31 марта 2004 г. № 877-с-XIV с изм. от 21.03.2022 (ред. от 04.11.2022) «О выборах депутатов Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия» // Сборник законодательных актов Республики Абхазия, 2004, № 21, ст. 33.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Текст: электронный // Государственная Дума Российской Федерации: официальный сайт. 2024. URL: <http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/> (дата обращения: 28.03.2024).

В Республике Армении законодательство устанавливает ценз гражданства, но уточняет временной отрезок (его наличие в течение последних четырех лет до выборов), возрастной ценз (достижение 25 лет), ценз оседлости (последние четыре года необходимо постоянно проживать в Армении), ценз владения армянским языком и обладания избирательным правом⁶. Данные цензы соответствуют тем нормам, которые отражены в части 2 статьи 48 Конституции Республики Армения⁷. При этом, Избирательный кодекс Армении конкретизирует порядок исчисления срока постоянного проживания, а также определяет формы подтверждения знания армянского языка, необходимого для избрания депутатом Национального собрания.

Из вышеизложенного видно, что общим для рассматриваемых стран является ценз гражданства и достижения определенного возраста. Другие цензы характерны либо для двух государств (ценз постоянного проживания в России и Армении), либо для одного (ценз наличия высшего образования в Абхазии).

Удивительным является то, что в законодательстве Абхазии не нашел своего отражения ценз оседлости, что представляется упущением с точки зрения связанности кандидата со своей страной и избирателями. Внесение в законодательство поправки, устанавливающей ценз оседлости и, возможно, его сроки, представляется необходимым условием для обеспечения стабильности избирательного процесса и равенства кандидатов при реализации пассивного избирательного права.

Законодательство рассматриваемых государств также устанавливает некоторые ограничения, которые не позволяют гражданам быть избранными.

В Абхазии к ограничениям пассивного избирательного права Конституционный закон о выборах депутатов относит: лишение свободы по приговору суда, признание недееспособным (данные два критерия также характерны и для законодательства Российской Федерации), наличие неснятой или непогашенной судимости, а также наличие заболевания наркоманией, токсикоманией, хроническими и затяжными психическими расстройствами. Также депутатский мандат не может быть совместим с должностью президента, вице-президента, члена кабинета министров и иных должностных лиц.

Особенностями ограничения пассивного избирательного права в Российской Федерации являются наличие иностранного гражданства (подданства), вида на жительство иностранного государства, а также участие в деятельности организации, которая по решению суда была признана

⁶ Конституционный закон Республики Армения «Избирательный кодекс Республики Армения» – Текст: электронный // Armenian Legal Information System. 2024. URL: https://www-arlis-am.translate.goog/hy/acts/172405?_x_tr_sl=hy&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=wapp (дата обращения: 29.03.2024).

⁷ Конституция Республики Армения (принята на референдуме 5 июля 1995 г. с изменениями от 27 ноября 2005 г. и 6 декабря 2015 г.). Текст: электронный // Национальное Собрание Республики Армения: официальный сайт. 2024. URL: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (дата обращения: 29.03.2024).

экстремистской или террористической⁸. Кроме того, кандидат в депутаты не должен иметь счетов и вкладов за рубежом, а также должен прекратить хранение денежных средств и иных ценностей в банках за рубежом.

Также более подробно российское законодательство устанавливает запрет на выдвижение в депутаты Государственной Думы лиц, в отношении которых с момента снятия или погашения судимости еще не прошел тот или иной срок. При этом в ряде случаев, если истечение этого срока приходится на период избирательной кампании, данный гражданин вправе зарегистрироваться в качестве кандидата в депутаты.

В Армении Избирательный кодекс аналогичные ограничения для реализации пассивного избирательного права не содержит. Единственные ограничения связаны с занятием должности судьи, полицейского, военнослужащего и так далее.

В вопросе ограничения возможности реализации пассивного избирательного права также наблюдается некоторая степень различий в законодательствах рассматриваемых стран. По своей сути данные ограничения также представляют собой избирательные цензы.

Институт гарантii деятельности кандидата в депутаты является важнейшим механизмом, обеспечивающим политическую конкуренцию между повторно баллотирующимися должностными лицами и «новыми» политическими кандидатами.

В соответствии с законодательством Российской Федерации все кандидаты равны и им гарантируются равные условия доступа к СМИ. Также предусматривается ряд трудовых гарантii (освобождение от работы на необходимое время в период избирательной кампании, запрет на увольнение и т.д.). Некоторым кандидатам (избранным/назначенным должностным лицам, журналистам и др.) запрещено использовать преимущества, связанные с должностным или служебным положением.

Уголовное дело в отношении кандидата может быть возбуждено только с согласия председателя Следственного комитета. Также с согласия председателя Следственного комитета кандидат в депутаты может быть привлечен в качестве обвиняемого, и ему может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Кандидаты по одномандатным округам обязаны создавать избирательные фонды и не позднее 30 календарных дней после даты объявления результатов выборов предоставить соответствующий финансовый отчет.

В Армении Избирательный кодекс также устанавливает равенство всех кандидатов в депутаты. Законодательно определено требование о создании

⁸ Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 29.05.2023). Текст: электронный // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». 2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/ (дата обращения: 28.03.2024).

предвыборного фонда, а доступ к СМИ определяется Центральной избирательной комиссией.

Отличием армянского законодательства является то, что уголовное дело в отношении кандидата в депутаты может быть возбуждено только при наличии согласия Центральной избирательной комиссии (2/3 голосов). Кроме того, запрет на использование преимущества своего служебного должностного положения распространяется только на лиц, находящихся на государственной службе. При этом такие должностные лица, за исключением президента, депутата Национального собрания и членов правительства, временно освобождаются от исполнения своих служебных обязанностей без сохранения заработка платы.

В соответствии с законодательством Абхазии кандидаты в депутаты после регистрации в ЦИК пользуются равными правами в ходе предвыборной кампании. Они вправе выступать на публичных мероприятиях и по государственному СМИ, где им предоставляется равное эфирное время. Очередность выступления в СМИ устанавливает ЦИК республики.

Создание избирательного фонда, из которого осуществляется финансирование избирательной кампании кандидата в депутаты Парламента Республики Абхазия, является правом, а не обязанностью кандидата. Безусловно, такая норма создает возможности для неконтролируемого финансирования избирательной кампании кандидата в депутаты и является серьезной помехой в транспарентности расходов, понесенных кандидатом в ходе избирательной кампании. Представляется необходимым внести изменения в законодательство о выборах депутатов, согласно которым норма о создании избирательного фонда кандидата приобретет императивный характер.

В качестве гарантии на участие в политической борьбе Конституционный закон о выборах депутатов Абхазии устанавливает «повышенный иммунитет» к возможности привлечения к уголовной ответственности, аресту или административному взысканию. Для подобных процессуальных решений необходимо согласие Генерального прокурора, тогда как мера пресечения и иные уголовно-процессуальные меры могут быть применены к кандидату в депутаты только по решению Верховного суда (ст. 29).

Представленный небольшой сравнительно-правовой анализ статуса кандидата в депутаты в Республике Абхазии, Российской Федерации и Республике Армении демонстрирует, что несмотря на общее политico-правовое и социально-экономическое прошлое, развитие избирательного законодательства проходит в различных темпах, а нормы в данной сфере зачастую сильно разнятся. При этом законодателю в Абхазии стоит обратить внимание на ряд выявленных недочетов, которые сказываются на всем избирательном процессе в республике, и нивелировать их путем внесения поправок в Конституционный закон Республики Абхазия «О выборах депутатов Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия».

Список литературы

1. Троян В.А. Конституционное закрепление гарантий субъективного избирательного права: опыт стран СНГ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5(120).
2. Кузнецова О.В. Принцип всеобщности и разумность ограничения пассивного избирательного права // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3.
3. Стародубцева И.А. Конституционные ограничения пассивного избирательного права в России и зарубежных странах / И.А. Стародубцева // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4.
4. Выборы в мире: избирательные цензы / И.Б. Борисов, А.Г. Головин, А.В. Игнатов, Ю.Ю. Комиссаров; под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: РОИИП, 2015. 336 с.

Следующими двумя статьями журнал «Гражданин. Выборы. Власть» продолжает публикацию материалов финалистов и победителей Всероссийского конкурса «Атмосфера» в номинации «Научный фронт»

О.О. ПАВЛОВА
В.А. РЯЗАНОВА

АКТУАЛЬНЫЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных вопросов в сфере авторского права. В работе исследуются проблемы правомерного использования результатов творческой деятельности, поскольку нарушение законодательства об интеллектуальной собственности является основанием для применения к кандидату на выборные должности конституционно-правовой ответственности. На основе анализа правоприменительной практики предлагаются способы решения данной проблемы путем внесения изменений в избирательное законодательство.

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность, избиратель, интеллектуальная собственность, результаты интеллектуальной деятельности, предвыборная агитация.

CURRENT ELECTORAL PROBLEMS IN THE FIELD OF VIOLATIONS OF THE LAW ABOUT INTELLECTUAL PROPERTY

Abstract. The article discusses the use of the results of intellectual activity in the course of election campaigning. The problems of the lawful use of the results of intellectual activity are examined, as a violation of the legislation on intellectual property is a basis for applying constitutional and legal responsibility to a candidate. Based on the analysis of law enforcement practice, ways to solve this problem are proposed by making changes to the electoral legislation.

Keywords: constitutional and legal responsibility, voter, electoral law, intellectual property, results of intellectual activity, election campaigning.

ПАВЛОВА Олеся Олеговна – студент Иркутского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск

РЯЗАНОВА Валерия Антоновна – студент Иркутского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск

С 2006 года в избирательном законодательстве Российской Федерации предусмотрена ответственность кандидата на выборные должности за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности в период предвыборной агитации. Указанный запрет закреплен в пункте 1.1 части 1 статьи 56 Федерального закона № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях).

В то же время за почти двадцатилетнюю историю существования обозначенной нормы права единообразная практика ее применения не сложилась. Напротив, принятые решения по данному вопросу во многом характеризуются противоположными взглядами на понимание одной и той же проблематики. Такой подход приводит к нарушению принципа равенства прав кандидатов и иных субъектов избирательного процесса.

Вероятно, негативные последствия в рассматриваемой сфере детерминированы не только ошибками правоприменительной практики, но и несовершенством законодательной конструкции. Указанная проблема явно имеет глубинный характер, связанный с правовой природой юридической ответственности за нарушение установленного запрета с иными видами ответственности, применяемыми в избирательном праве. Бланкетная диспозиция в вышеуказанной норме отсылает не к конкретному закону и (или) другим нормативным правовым актам, а к целому правовому институту, слагающемуся из совокупности положений, установленных в разных законах и иных нормативных правовых актах. В связи с этим создается значительная неопределенность правового регулирования и, как следствие, правоприменения. Названные обстоятельства превращают весьма важный институт в инструмент недобросовестной политической борьбы.

Законодатель не дает нормативного определения «конституционно-правовой ответственности». В связи с этим у нас нет четкого разграничения этого вида ответственности от других. Однако правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации конституционно-правовая ответственность¹ наравне с уголовной и административной признаются разновидностями публично-правовой ответственности.

По мнению Г.А. Прокопович, «самой публичной» следует считать конституционно-правовую ответственность [1].

Дальнейшее ограничение конституционно-правовой ответственности от иных видов юридической ответственности позволяет говорить о научной дискуссии относительно содержания понятия «конституционно-правовой ответственности». Так, В.В. Никулин дает следующее определение:

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2012 № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта „в“ части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона „О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. 2013. 16 января.

«Конституционно-правовая ответственность является мерой государственного принуждения, основанной на юридическом и общественном осуждении правонарушения и выражаящейся в установлении для правонарушителя отрицательных последствий (меры принуждения, санкций). В ней отсутствуют такие виды как: лишение личного и имущественного свойства» [2].

Б.А. Страшун утверждает: «Конституционная ответственность имеет более или менее политическую подоплеку, которая наиболее ярко проявляется при парламентарных и смешанных формах правления» [3].

В этом контексте А.Н. Станкин отмечает: «В поисках истины, или в поисках сущности данного вида юридической ответственности, ученые-конституционалисты все чаще рассматривают проблемы соотношения конституционной и политической ответственности. Более того, в конституционном праве используется термин конституционно-политическая ответственность» [4].

Анализ норм, санкционирующих наступление конституционно-правовой ответственности, позволяет сделать вывод о том, что характерными отличиями конституционно-правовой ответственности от других видов юридической ответственности (таких, как уголовная, административная или дисциплинарная ответственность) являются не только основания ее наступления, но и процедура ее применения. Конституционно-правовая ответственность имеет выраженный политико-правовой характер и направлена в первую очередь на защиту конституционного строя, прав, свобод и законных интересов граждан, что делает ее всеобъемлющей в сравнении с другими видами ответственности.

Обобщая выводы, полученные проведенным анализом, можно выделить ряд специфических признаков, характеризующих конституционно-правовую ответственность как самостоятельный вид ответственности: особый (как судебный, так и внесудебный) порядок привлечения к ответственности по причине отсутствия единой процедуры ее применения; особый перечень неблагоприятных последствий (конституционно-правовых санкций); отсутствие единого кодифицированного нормативного правового акта, который содержал бы исчерпывающий перечень конституционно-правовых санкций [5]; практически все санкции конституционно-правовой ответственности не могут быть использованы в качестве санкций других видов юридической ответственности.

Таким образом, можно утверждать, что конституционно-правовая ответственность занимает особое место в системе мер юридической ответственности, применяемых за нарушение избирательного права. Ее отличает непосредственная связь с конституционными нормами и принципами, а также специфика субъектов, на которых она распространяется. А это, как правило, высшие органы власти и должностные лица, чья деятельность должна соответствовать основополагающим положениям конституционного законодательства, однако, она также распространяется и на других лиц.

Вопрос наступления конституционно-правовой ответственности за нарушение кандидатом законодательства в сфере защиты интеллектуальной собственности в период предвыборной агитации требует дополнительного анализа.

Здесь необходимо исходить из того, что конституционно-правовая ответственность предполагает привлечение к ответственности за действия, нарушающие конституционные принципы, регулирующие выборы, свободу волеизъявления граждан и другие важнейшие общественные интересы. В контексте нарушения законодательства об интеллектуальной собственности кандидатом в период предвыборной агитации, важно учитывать, что для наступления именно конституционно-правовой ответственности должно быть затронуто общественное благо или интерес, связанный с обеспечением честности выборов и защиты прав избирателей.

Если не установлена прямая или косвенная форма умысла со стороны кандидата на выборную должность, то есть, если его действия не были прямо или косвенно направлены на нарушение закона, а нарушения всё же произошли, но только по небрежности или случайно, и если при этом нет негативных последствий для избирателей, то такие действия могут рассматриваться как частноправовой деликт. Такой деликт предполагает, что нарушение затрагивает интересы частных лиц (например, права владельца интеллектуальной собственности) и не имеет широкого общественного резонанса, который бы оправдывал вмешательство государственных органов в ситуацию конфликта в контексте конституционно-правовой ответственности.

Отсутствие негативных последствий, как и отсутствие умысла, говорит о том, что нарушение не затрагивает базовых принципов и целей избирательного процесса, в том числе и таких, как равенство кандидатов, информированность избирателей и свободное волеизъявление. В этом случае ответственность кандидата за нарушение норм об интеллектуальной собственности носит скорее частноправовой характер и не связана с угрозой нарушения общественного порядка или прав граждан. Это означает, что такие правонарушения не могут быть квалифицированы как конституционные правонарушения, поскольку они не касаются непосредственно защиты общественного интереса в сфере выборов.

Таким образом, если нарушение кандидатом законодательства об интеллектуальной собственности произошло вследствие неумышленного деяния, а также не влечет за собой серьезных последствий для выборов или не затрагивает важнейшие принципы избирательного процесса, то такие нарушения могут быть квалифицированы как гражданско-правовые, а не конституционно-правовые, следствием которых может быть применение иных мер защиты.

Введение указанных выше изменений в 2006 году стало причиной возникновения широкой научной дискуссии по вопросам характера,

правомерности применения и самой юридической конструкции, используемой законодателем. В частности, по мнению Л.Т. Аглеевой, «Законодатель не совсем логично объединил данный запрет с запретом на экстремизм и злоупотребление свободой массовой информации, закрепленными в пункте 1 той же статьи, — более логичным и правильным с точки зрения юридической техники было бы выделение этих ограничений в самостоятельные пункты» [6].

В.В. Шуленин, придерживаясь точки зрения целесообразности, отмечает необходимость введения нормы ввиду «противодействия недобросовестной агитации путем создания материалов предвыборной агитации в виде плакатов, аудио- и видеоклипов, очень похожих на материалы фаворитов избирательной кампании» [7].

А.Г. Сидякин считает, что установление конституционно-правовых обязанностей, нарушающих законодательство об интеллектуальной собственности, несовместимо с природой охраняемых прав, значит, попытка создать такие обязательства нарушает сущность и назначение прав, связанных с интеллектуальной собственностью. Эти права являются исключительными и предоставляются их владельцам для защиты их творческой деятельности [8].

Несмотря на двадцатилетнее существование указанной нормы права, вопросы правоприменения до сих пор остаются актуальными вследствие ее многогранности и содержания различных, порой несмежных институтов права, что приводит к необходимости постоянного анализа и адаптации к меняющимся условиям и контексту правоприменительной практики.

Как утверждает Р.А. Загидулин, «использование без достаточных оснований указанной нормы обличается самыми серьезными последствиями именно для „нежелательных“ кандидатов и свидетельствует не только о политическом использовании упомянутой нормы закона, но и о пренебрежении принципом соразмерности ответственности за правонарушение» [9].

На наш взгляд, это обстоятельство свидетельствует о необходимости выявления основополагающих принципов и специфики мер конституционно-правовой ответственности, применяемых в избирательном праве, и сопоставления с ними описанной проблемной нормы. В частности, представляется важным проведение анализируемой конструкции по таким элементам юридической ответственности, как виновность деяния; соразмерность правонарушения и санкции; возможность освобождения от ответственности в связи с малозначительностью; и так далее.

Проблемы применения нормы о конституционно-правовой ответственности нашли свое отражение и в судебной практике, анализ которой показывает, что однозначного осмысления не получают такие вопросы, как правовая оценка использования шрифтов в агитационных материалах кандидатов; квалификация используемых изображений и иных материалов в качестве информационных объектов; размещение на агитационном материале товарных знаков социальных сетей; допустимый объем цитирования; и другие.

Следует обратить внимание и на то, что гражданское законодательство предоставляет правообладателям возможность судебной защиты их интеллектуальных прав по их заявлению. Однако, как показали проанализированные судебные решения, в большинстве случаев правообладатели не инициировали судебные разбирательства. Судебные дела часто возбуждались конкурирующими участниками выборов или избирательными комиссиями.

Так, в соответствии с решением Бийского городского суда Алтайского края² была отменена регистрация кандидата Я. в городскую думу Бийска, что стало основанием для удовлетворения исковых требований кандидата П. В искомом заявлении указывалось, что Я. использовал шрифты Calibri и Garamond без соответствующей лицензии. В мотивированной части судебного решения суд ссылался на то, что шрифты принадлежат компаниям Microsoft и Adobe, и их использование без разрешения правообладателей является нарушением авторских прав. Представитель Я. заявил о наличии лицензионных программ, однако суд подчеркнул, что это не освобождает от ответственности за нарушение законодательства об интеллектуальной собственности. Буклеты, содержащие указанные шрифты, были признаны агитационными материалами, следовательно, незаконное их использование стало основанием для отмены регистрации Я.

Думается, что в данном случае судом не дана правовая оценка влиянию использованных шрифтов на степень восприятия избирателями агитационного материала, а также предоставлению кандидату преимущества перед другими кандидатами в процессе агитации.

При схожих обстоятельствах Самарским областным судом было принято противоположное решение³. Между ответчиком и подрядчиком был заключен договор о выполнении работ и об оказании услуг по изготовлению полиграфической продукции. На агитационных материалах были использованы стоковые фотографии без согласия правообладателя, но с использованием лицензии. Как отметил суд, последнее свидетельствует о возмездном характере использования фотографий.

Оценивая информационный бюллетень, как печатный агитационный материал, суды пришли к выводу, что использованные в нем фотографические изображения не являются основным самостоятельным объектом воспроизведения, не преследуют коммерческой цели, занимают незначительную часть агитационного материала и не имеют самостоятельного смысла, играя второстепенную роль и иллюстрируя размещенный в информационном бюллетене текст, содержащий сведения о кандидате, его личности, достижениях, планах, что не противоречит положениям статьи 1276 Гражданского

² Решение Бийского городского суда Алтайского края от 05.09.2022. Официальный сайт Бийского городского суда Алтайского края // URL: https://biyskygor-alt.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=206651131&case_uid=a9956198-e149-4b8a-817b-ca8111d4cb4d&delo_id=41&new=0 (дата обращения: 10.09.2025).

³ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.05.2022 № 46-ИКАД22-1-А4 // СПС «КонсультантПлюс».

кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс). Основываясь на указанных обстоятельствах, суд отказал в удовлетворении исковых требований об отмене регистрации кандидата.

Ленинский районный суд города Владимира отменил регистрацию кандидата в депутаты Совета народных депутатов города Владимира, поскольку в его агитационном материале были использованы товарные знаки (логотипы) социальных сетей (ВКонтакте, Facebook*, Twitter* и Instagram*). Эти товарные знаки принадлежат юридическим лицам и являются объектами интеллектуальной собственности. Кандидат не смог предоставить доказательства того, что он законно использовал эти товарные знаки, что и стало основанием для отмены регистрации⁴.

Одновременно с этим Верховный Суд Российской Федерации (далее – Верховный Суд) оставил без изменения решение Краснодарского краевого суда, удовлетворившего требование об отмене регистрации кандидата в связи с нарушением избирательного законодательства. Суд установил, что в агитационных материалах кандидата были использованы товарные знаки сотовых операторов МТС, Билайн, Мегафон и TELE2, которые принадлежат юридическим лицам («Вымпел-Коммуникации» и «МегаФон»). Непредставление кандидатом доказательств правомерности использования товарных знаков стало основанием для отмены его регистрации⁵.

По нашему мнению, использование логотипов социальных сетей без согласия правообладателей необходимо квалифицировать как информационные материалы, не направленные на побуждение избирателей голосовать в пользу того или иного кандидата. В частности, так поступил суд, принимая нижеприведенное решение.

При аналогичных обстоятельствах в части использования товарных знаков Можгинский районный суд Удмуртской Республики не нашел оснований для отмены регистрации кандидата⁶. Административным истцом была выявлена агитационная листовка кандидата в депутаты, содержащая строку из песни Виктора Цоя. В исковых требованиях указано, что в материале также имеет место подкуп избирателей через обещание бесплатных юридических услуг, а в виде авторских используются фотографии памятников, защищенных авторским правом как архитектурные объекты. Кроме того, кандидат использует изображения логотипов социальной сети ВКонтакте и мессенджера WhatsApp*, на которые, согласно условиям использования этих платформ, у него нет прав.

* Социальные сети Facebook и Instagram, мессенджер WhatsApp принадлежат компании Meta, признанной экстремистской на территории Российской Федерации. Социальная сеть X (ранее Twitter) была заблокирована Роскомнадзором в начале марта 2022 г. на основании ст. 15.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

⁴ Решение Ленинского районного суда города Владимира от 31.08.2015. Официальный сайт Ленинского районного суда города Владимира.

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 13.10.2012 № 18-АПГ12-10 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Решение Можгинского районного суда Удмуртской Республики от 07.09.2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5HB4vD0chcHL> (дата обращения: 10.09.2025).

Суд не обнаружил нарушений законодательства о предвыборной агитации, поскольку цитата из песни Цоя использована не как лозунг, а в качестве аналогии к предвыборному слогану кандидата, что придает ей информационный и критический характер. Такой объем цитирования допускается согласно подпункту 1 пункта 1 статьи 1274 Гражданского кодекса без согласия автора. Относительно фотографий памятников архитектуры суд установил, что они доступны для свободной фотосъемки, а это также исключает нарушения интеллектуальной собственности. Логотипы социальных сетей и информацию об адресах кандидата на обороте листовки суд квалифицировал как информационные элементы, не относящиеся к агитации, поскольку они не направлены на побуждение избирателей голосовать за или против конкретного кандидата.

Определяя логотипы с юридической точки зрения как информационные материалы, то есть не отнеся их к объектам интеллектуальной деятельности, суд, на наш взгляд, справедливо указал на обстоятельства влияния логотипов на побуждение избирателей голосовать. Обозначенная позиция находит свое подтверждение в правовом обосновании, закрепленном в Постановлении Пленума Верховного Суда от 27 июня 2023 года № 24: «В отличие от агитации информирование не имеет цели побудить голосовать за определенного кандидата, списки кандидатов или против него (них), поддержать инициативу проведения референдума либо отказаться от такой поддержки, голосовать либо отказаться от голосования на референдуме, поддержать или отвергнуть вынесенный на референдум вопрос»⁷.

С учетом правовых позиций судов, отраженных в вышеописанных решениях, представляется, что установление обстоятельств о влиянии использования результатов интеллектуальной деятельности на восприятие избирателей, а также получении преимуществ в период избирательной кампании должны быть ключевыми при принятии решения об удовлетворении или отклонении исковых требований, поскольку именно эти обстоятельства свидетельствуют о публичном характере правового деликта. На наш взгляд, установление такого обстоятельства, как цель побудить голосовать «за» или «против» определенного кандидата, характеризуется наличием умысла на совершение конституционно-правового деликта, что, как можно предположить, свидетельствует об отличительном признаке наступления конституционно-правовой ответственности в области избирательных правоотношений.

Вопрос бланкетности нормы пункта 1.1 статьи 56 Закона об основных гарантиях также вызывает ряд противоречий, поскольку правовое регулирование в сфере интеллектуальной собственности, во-первых, осуществляется

⁷ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 года № 24 // СПС «КонсультантПлюс».

на основании норм четвертой части Гражданского кодекса, во-вторых, только указанный закон используется в правоприменении.

Сложившаяся практика формируется на основе разъяснений, содержащихся в ныне не действующем Постановлении Пленума Верховного Суда от 31 марта 2011 года № 5 «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Так, пункт 35 закрепляет, что при применении пункта 1.1 статьи 56 Закона об основных гарантиях о запрете агитации, нарушающей законодательство Российской Федерации об интеллектуальной собственности, судам следует учитывать, что с 1 января 2008 года отношения в сфере интеллектуальной собственности (охраны результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации) регулируются частью четвертой Гражданского кодекса.

Несоблюдение требований, установленных этой частью (в частности, использование результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации без согласия автора или иного правообладателя, а в случае, когда допускается их использование без согласия автора или иного правообладателя — несоблюдение условий такого использования), должно квалифицироваться судами как нарушение законодательства об интеллектуальной собственности⁸.

Однако ввиду того, что указанное Постановление утратило силу, суды не ограничены в исключительном применении норм части четвертой Гражданского кодекса. В то же время сложившаяся судебная практика свидетельствует об ином. Следует обратить внимание, что принятое 27 июня 2023 года Постановление Верховного Суда № 24 не содержит положений об используемых источниках права при определении их объема на основе закрепленного в норме указания на «законодательство об интеллектуальной собственности».

Анализ судебной практики в сфере нарушений законодательства об интеллектуальной собственности в контексте предвыборной агитации свидетельствует о том, что большинство споров инициируются конкурирующими кандидатами, а это нередко указывает на использование механизмов защиты интеллектуальной собственности как инструмента недобросовестной политической борьбы. В таких случаях исковые заявления часто не имеют целью защиту прав, связанную с интеллектуальной собственностью, а служат средством создания негативной рекламы или политического давления на оппонента.

Особое внимание следует уделить неопределенности в диспозиции нормы пункта 1.1. статьи 56 Закона об основных гарантиях, в которой не предусмотрено достаточных оснований для наступления конституционно-правовой

⁸ О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.03.2011 № 5 (ред. от 09.02.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

ответственности в связи с указанным нарушением, что оставляет открытым вопрос о правовых последствиях для кандидата в случае подобного деяния. Важно отметить, что права интеллектуальной собственности чаще всего защищаются в рамках гражданского законодательства, что вызывает правовую неопределенность при их применении в избирательном праве.

Таким образом, в целях повышения правовой определенности указанной нормы считаем необходимым изложить ее в следующей редакции: «1.1. При проведении предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума запрещается нарушение законодательства Российской Федерации об интеллектуальной собственности, совершенное умышленно и (или) повлекшее введение избирателей в заблуждение».

Предлагаемые изменения, по нашему мнению, могут привести к повышению уровня правовой защиты участников избирательного процесса, развитию механизма борьбы с недобросовестной агитацией, станут важным шагом в повышении прозрачности и законности выборов и будут способствовать укреплению правовой культуры граждан в данной области общественных отношений.

Список литературы

1. Прокопович Г.А. Значение категории «интерес» в определении типологического деления ответственности на публично-правовую и частноправовую // Современное право, 2010. № 9.
2. Никулин В.В. Конституционное право России: учебное пособие / В.В. Никулин, А.В. Пчелинцев. Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2019.
3. Страшун Б.А. К понятию конституционной ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С.А. Авакьяна. Москва, 2001.
4. Станкин А.Н. Конституционно-правовая ответственность: некоторые вопросы теории // Studia Humanitatis, 2016.
5. Олимпиев А.Ю. К вопросу о понятии, сущности и видах конституционно-правовой ответственности // Образование. Наука. Научные кадры, 2020. № 3.
6. Аглеева Л.Т. Предвыборная агитация в избирательном праве Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
7. Шуленин В.В. Правовое обеспечение в Российской Федерации равенства прав кандидатов и избирательных объединений при проведении предвыборной агитации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006.
8. Сидякин А.Г. Отказ в регистрации и отмена регистрации кандидата (списка кандидатов): проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006.
9. Загидулин Р.А. Правовые основы использования интеллектуальной собственности в информационном обеспечении выборов // Ученые заметки ТОГУ, 2016. № 2.

К.И. РОМАДАН

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАЩИТЫ ДОВЕРИЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ СПОРОВ

Аннотация. В российской системе права принцип защиты доверия как средство ограничения дискреции законодателя и правоприменителя находится на стадии активного развития. Это обстоятельство определяет актуальность анализа его адаптации в отдельных отраслях права. В статье рассмотрено содержание доктрины защиты доверия (законных ожиданий) и ее реализация при разрешении избирательных споров. По результатам социологического исследования и обобщения судебной практики делается вывод о необходимости внедрения принципа защиты доверия в деятельность избирательных комиссий.

Ключевые слова: избирательные споры, избирательный процесс, принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, защита доверия, взаимное доверие государства и общества.

THE IMPLEMENTATION OF TRUST-PROTECTION PRINCIPLE IN ELECTORAL CASES

Abstract. The trust protection principle use as a way to control the legislator's and official's discretion is in the stage of active development. This circumstance determines the relevance of the analysis of its implementation in each branch of law. The content of the trust protection principle (legitimate expectations) and its use in resolving electoral cases are considered. The conclusion about the need to implement the principle of trust protection in the electoral commissions work was made based on the results of the conducted sociological study and generalization of judicial practice.

Keywords: electoral cases, electoral process, the principle of maintaining the civilian's trust to the law and actions of government, trust protection, the mutual trust between society and state.

Общественные отношения с элементом доверия существенно осложняются, если одной из сторон выступает государство. Оно взаимодействует с частными лицами с помощью институтов, степень доверия которым принято определять как доверие к власти в целом. Оценить его уровень в таких отношениях сложно, как и получить быструю и однозначную обратную связь.

РОМАДАН Кристина Игоревна – студент Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИИХ», г. Новосибирск

Тем не менее «от уровня доверия граждан государству зависит устойчивость существования и эффективность функционирования и самого государства, и тех начал, на которых оно основано...» [1, с. 4]. В вопросе формирования органов публичной власти оно приобретает особое значение, поскольку обеспечивает политическое участие граждан в рамках законных процедур, минимизирует проявление «деструктивных форм деятельности гражданско-общества» [2, с. 765].

Обязанность его поддержания закреплена на общеправовом уровне: принцип защиты доверия нашел отражение в статье 751 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция), которой определена цель создания условий «взаимного доверия государства и общества»¹. Как правило, правовое государство нацелено на предотвращение «изоляции» от привычных правовых практик тех норм, которые составляют конституционные основы правовой системы. Значит, участникам правоотношений необходимо реальное понимание содержания положений основного закона, во избежание искажения восприятия правовой действительности, при котором «чем ближе акт к исполнителю, тем он значимее» [3, с. 84].

Избирательным комиссиям придается особое значение в связи с тем, что они наделены специальным правовым статусом, определяющим их как органы, обеспечивающие доступ граждан к участию в управлении государством [4, с. 168]. В связи с этим представляется актуальным рассмотрение реализации принципа защиты доверия в рамках избирательного процесса по аналогии с другими отраслями права.

Содержание и назначение принципа защиты доверия

Если не затрагивать отечественный опыт с практической точки зрения, то понятия «защита доверия» и «законные ожидания» следует рассматривать обособленно или, во всяком случае, разделять, – это обусловлено принадлежностью каждого из них к соответствующей системе права и, частично, их содержанием. При рассмотрении идеи охраны государством общественного доверия в целом допустимо некоторое упрощение: тогда законные ожидания есть элемент концепции защиты доверия в ее «субъектной интерпретации» [5, с. 104].

Принцип защиты доверия (Prinzip des Vertrauensschutzes) был разработан и обоснован в теории административного права Германии и на основе практики административного судопроизводства, – на сегодняшний день он считается общеправовым. В его основу легли принципы справедливости (Gerechtigkeit) и правовой определенности (Rechtssicherheit) [6, с. 78–79, 314]. Помимо того, что принцип защиты доверия ограничивает

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (в ред. от 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. 06.10.2022. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 10.12.2024).

дискрецию законодателя, он положительно проявляет себя в вопросе регулирования административных процедур. По аналогии с германской практикой доктрина развивается и в других странах континентального права.

Похожее явление в Великобритании и странах Содружества — концепция защиты законных ожиданий (*legitimate expectations*) — имеет более выраженный процессуальный характер. Ее возникновение в семье общего права связывают с британской судебной практикой, а траектория развития и содержание отличаются в разных правопорядках [7, р. 7]. Так, законное, но не обязательное для органа поведение, на которое добросовестный гражданин рассчитывает, образует область законных ожиданий. В основе идеи лежат правила естественной справедливости, законность и право быть выслушанным (принцип *«audi alteram partem»*, то есть «выслушай и другую сторону»).

В отечественной практике рассматриваемые концепции реализуются с начала нынешнего века посредством применения судами принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, так что российские ученые соотносят понятия защиты доверия и законных («правомерных») ожиданий как синонимы [8, с. 58–59; 9].

Особенность рассматриваемого принципа состоит в том, что его содержание не отражено в нормах общего и отраслевого законодательства², «посредством практики Конституционного Суда Российской Федерации происходит [его] нормативно-интерпретационная конституционализация» [8, с. 57]. Еще до конституционной реформы 2020 года в его основу легли положения преамбулы Конституции, а также статей 1, 2, 7, 17–19, 21, 55, 57 и других [1, с. 10]. Хотя обязанность поддержания доверия нормативно закреплена, для ее надлежащего исполнения требуется конкретизация, и в первую очередь для правоприменителя, — во избежание нарушений, которые впоследствии становятся предметом судебного разбирательства. Как показывает зарубежный опыт, внесение определенности в суть требований защиты доверия достигается путем формирования перечня критериев для оценки действий публичного субъекта.

Итак, суть принципа защиты доверия состоит в обязанности органов публичной власти согласовывать свои действия, затрагивающие правовой статус невластных субъектов, с их ожиданиями в рамках закона. Чтобы определиться с содержанием императива, необходимо уточнить: к какому публичному субъекту обращено требование — законодателю или правоприменителю?

Для законодателя соблюдение принципа защиты доверия состоит в том, чтобы минимизировать ущерб от изменения правового регулирования, если нарушается стабильность положения или выгоды для некоторых лиц. Граждане вправе рассчитывать не столько на неизменность регулирования,

² Это обстоятельство, вероятно, является одной из причин его непопулярности: проведенный в 2022 году опрос показал, что с доктриной и практикой по данному вопросу знакомы в основном только юристы, работающие в академической сфере [9, с. 11].

сколько на его «разумную стабильность», либо на некоторую амортизацию, если изменения всё же необходимы: переходный период или компенсацию.

В правоотношениях с участием правоприменителя защита доверия предполагается при реализации усмотрения в процессе принятия органом решения в отношении невластного субъекта. Тогда требуется, чтобы действия администрации отвечали некоторым непротиворечащим закону интересам лица. Поскольку при принятии решения не могут быть учтены все возможные интересы участника³, принимаются во внимание, во-первых, соответствие решения сложившейся (законной) практике, во-вторых, добросовестность и осмотрительность лица: соблюдение установленных сроков, предоставление им достоверной информации. Более того, законные ожидания образует также полученное лицом разъяснение по существенным вопросам взаимодействия. Считается, что невластный субъект не является профессионалом и планирует свои действия, основываясь на разъяснениях компетентного органа.

Упомянутое требование соответствия принимаемого решения закону требует пояснения. В России, в отличие от практики той же Германии, общеправовой принцип законности всегда в приоритете, — акт, принятый в интересах лица, но противоречащий закону, силу не сохранит [10, с. 113].

В рассматриваемой категории споров, как, например, в регулировании в сфере миграции, имеет место процессуальный тип законных ожиданий. Предметом спора здесь является приобретение или сохранение определенного правового статуса лица (группы). Вопрос распределения публичных материальных благ определяет формирование материально-правовых законных ожиданий и встречается в российской практике чаще: налоговое и таможенное регулирование, предоставление государственной и муниципальной финансовой поддержки, государственной поддержки в сфере социального обеспечения.

Требования принципа защиты доверия и случаи их нарушения в рамках избирательного процесса

Обязанность защиты доверия возлагается на избирательные комиссии как на органы, принимающие решение о допуске кандидата на выборы. Невластным субъектом в рассматриваемых правоотношениях выступает кандидат или их группа, если партией заявляется список кандидатов. Законные ожидания затрагивают организацию избирательного процесса, — те ее аспекты, которые не урегулированы законом. Единый перечень критериев отнесения действия избирательной комиссии к соответствующему реестру требований о защите законных ожиданий не сформирован, так что в актуальной реальности возможно рассмотрение только отдельных случаев нарушений, выявленных на практике.

³ В случаях, если имеет место конфликт частного и публичного интереса, последний — в приоритете.

Обязанность уведомления о недостатках (ошибках, опечатках) в представленных для регистрации документах, закрепленная пунктом 1.1 статьи 38 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ⁴ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», не может быть исполнена выборочно, независимо от того, в каких именно документах кандидат допустил ошибки. Основное требование состоит в том, чтобы недостатки не имели характера преднамеренного введения в заблуждение избирательной комиссии. Неисполнение («выборочное исполнение») такой обязанности признается нарушением принципа защиты доверия, поскольку такое бездействие вызывает у лица «неосновательную уверенность в том, что им не допущены нарушения, влекущие отказ в его регистрации»⁵.

Более того, даже если обязанность сообщить о недостатках не закреплена нормой в конкретном случае, она подразумевается, поскольку прослеживается добросовестность лица. Избирательная комиссия не может отказать в утверждении списка кандидатов, содержащего в себе опечатки, тем не менее позволяющие установить личность выдвинутых граждан, — иное, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Конституционный Суд), нарушает принцип защиты доверия⁶. Аналогично, недопустим отказ избирательной комиссии внести изменения в сведения о личности при утверждении формы и текста бюллетеня, если их достоверность не вызывает сомнений⁷.

Описанные случаи схожи и определяют специфическое требование к избирательным комиссиям при осуществлении полномочий. Подразумевается, что их «генеральная обязанность» — обеспечение допуска кандидатов (политических партий) на выборы — первична и определяет то, каким образом должны выполняться иные предусмотренные законом требования. В этом проявляется «эффективная забота о создании необходимых условий для надлежащего участия политических партий в выборах»⁸.

⁴ Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 15 июня.

⁵ Позиция отражена в постановлении Конституционного Суда РФ от 12.03.2021 № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38 и пункта 1 статьи 39 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина С.С. Цукасова» // Российская газета. 2021. 26 марта.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2023 № 31-П «По делу о проверке конституционности пункта 142 статьи 35 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ в связи с жалобой Оренбургского областного отделения политической партии „Коммунистическая партия Российской Федерации“» // Российская газета. 2023. 22 июня.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2022 № 50-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38, пунктов 5 и 17 статьи 63 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“, а также пункта 4 части 5 статьи 35 Избирательного кодекса города Москвы в связи с жалобой гражданки Г.М. Вирясовой» // Российская газета. 2022. 5 декабря.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2023 № 31-П «По делу о проверке конституционности пункта 142 статьи 35 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав

Очередной случай рассмотрен в решении Октябрьского районного суда города Краснодара: «...комиссия сознательно ввела кандидата в заблуждение о необходимости поставить подпись в документе, подтверждающем процедуру приемки документов к регистрации. Поскольку кандидат не имеет специальных юридических познаний, а также не имеет оснований сомневаться в компетенции и добропорядочности членов и сотрудников избирательной комиссии и руководствуется принципом поддержания доверия к закону и действиям государства, задачей комиссии является разъяснение кандидату процедур при подаче документов, а также соблюдение процедуры приемки документов»⁹. Этот тезис отсылает к описанному ранее законному ожиданию лица, которое заключается в возможности ориентироваться на разъяснения органа по вопросам взаимодействия (процедур), исходя из их принципиальной достоверности и полноты.

Чрезмерная формализация процесса регистрации представляется нарушением принципа защиты доверия и противопоставляется «ответственному исследованию фактических обстоятельств» при принятии решений. Так, основанием для недопуска Е. Г. Силаевой в качестве кандидата на выборы стало предоставление сведений о самозанятости как роде занятий кандидата, не соответствовавших справке налогового органа, подтверждающей регистрацию гражданки в качестве плательщика налога на профессиональный доход. Конституционным Судом оно было оценено как «не имеющее конституционно значимого оправдания препятствие для полноценного участия в избирательном процессе»¹⁰.

Итак, требования к членам избирательных комиссий, продиктованные принципом защиты доверия, сводятся, во-первых, к надлежащей оценке фактических обстоятельств при принятии решения в отношении кандидата, во-вторых, к добросовестности в их действиях в том смысле, что они принципиально не препятствуют допуску кандидата на выборы без достаточных оснований. В основе данного подхода лежит учет того обстоятельства, что именно на этапе первичного взаимодействия кандидата с избирательной комиссией, как правило, определяется исход кампании.

Казуальность представленного перечня законных ожиданий участников избирательного процесса определяется тем, что принцип защиты доверия разрабатывается преимущественно в судебной практике.

и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" в связи с жалобой Оренбургского областного отделения политической партии „Коммунистическая партия Российской Федерации“ // Российская газета. 2023. 22 июня.

⁹ Решение Октябрьского районного суда г. Краснодара Краснодарского края от 05.09.2023 по делу № 2а-3905/2023 // СПС «Гарант».

¹⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.05.2024 № 27-П «По делу о проверке конституционности подпункта 57 статьи 2 и подпунктов „в“, „в. 1“ пункта 24 статьи 38 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданки Е. Г. Силаевой» // Российская газета. 2024. 21 июня.

Адаптация принципа защиты доверия при судебном разрешении избирательных споров

Выводы относительно сформировавшейся судебной практики разрешения избирательных споров с применением принципа защиты доверия сформулированы по итогам анализа 59 актов российских судов за период с 2013 по 2024 год. 11 из них – решения Конституционного Суда, каждое из которых содержит тезисы, важные для понимания сути требований к кандидатам и избирательным комиссиям. В категорию рассматриваемых споров вошли случаи оспаривания отказа в регистрации кандидатов на выборы, отмены решения о регистрации кандидатов, оспаривание действий в связи с организацией и проведением выборов.

Конституционный Суд своими решениями практически полностью формирует практику применения принципа защиты доверия начиная с 2013 года¹¹. Одновременно с введением в Конституцию статьи 75¹ и до сегодняшнего дня он развивается более активно. Приведенные ранее случаи отражены в ключевых позициях Конституционного Суда и представляют собой перечень законных ожиданий кандидатов. Помимо этого, с применением принципа защиты доверия решены вопросы урегулирования некоторых сроков административного и судебного обжалования решений избирательных комиссий¹², обосновано принципиальное соответствие нормам Конституции требований, предъявляемых к кандидатам.

С точки зрения доктрины следует отличать простое упоминание категории доверия от применения принципа защиты доверия, хотя эти практики могут показаться схожими. Это важно не столько для того, чтобы разграничить способы адаптации идеи поддержания доверия к государству и праву, сколько для того, чтобы проанализировать и соотнести траекторию развития определенной «типичной» конституционно-правовой практики.

---

¹¹ Разрешая вопрос о круге лиц, имеющих право на обжалование результатов голосования, Конституционный Суд РФ впервые применил принцип защиты доверия применительно к избирательному процессу: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2013 № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта „з“ пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“, частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона „О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации“ в связи с жалобами граждан А.В. Андронова, О.О. Андроновой, О.Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области» // Российская газета. 2013. 30 апреля.

¹² Положительная динамика последних нескольких лет: Конституционный Суд разрешил некоторые спорные вопросы, касающиеся сроков обжалования решений избирательных комиссий в административном и судебном порядке (постановление от 24.03.2020 № 12-П) и сроков подачи документов для регистрации (постановление от 13.12.2024 № 57-П), которые препятствовали участию кандидатов в выборах.

Так, решения Конституционного Суда до 2020 года¹³ сформировали соответствующий значительный объем практики судов общей юрисдикции. В ней юридически значимое доверие свойственно избирателям как группе граждан. Такое нетипичное понимание определило следующую логику: граждане доверяют государству, значит, они вправе рассчитывать на такую организацию выборов, при которой условия их проведения соответствуют ключевым принципам конституционного права и не противоречат цели и смыслу процедур представительной демократии (необходимость опубликования информации об уголовном преследовании, участии в экстремистской организации; недопустимость участия в выборах лицам с непогашенной судимостью¹⁴).

Этот подход в целом расходится с ключевыми доктринальными позициями о субъектном составе рассматриваемых правоотношений, поэтому, с одной стороны, с данной позиции такую практику анализировать затруднительно, с другой, — не отметить нельзя. Итак, с опорой на правовые позиции Конституционного Суда суды общей юрисдикции оперируют категорией доверия к праву и государству как таковой, в некотором отрыве от собственно содержания рассматриваемой концепции.

В решениях Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд) принцип защиты доверия развития не получил. Существенную роль в вопросе его внедрения могло сыграть Постановление Пленума Верховного Суда от 27.06.2023 № 24, которое уточнило порядок рассмотрения дел о защите избирательных прав, однако в нем данный принцип не отражен. При этом концепция адаптирована в ряде положений Постановления Пленума Верховного Суда от 28.06.2022 № 21, получив тем самым развитие в качестве принципа административного права.

Недопущенные или отстраненные от участия кандидаты требуют, во-первых, признания действий избирательной комиссии незаконными (отмены соответствующих актов), во-вторых, если выборы завершены, отмены (пересмотра) результатов голосования. Обязать избирательную комиссию принять документы и допустить кандидата на выборы можно, если решение в его пользу принято до непосредственного проведения голосования. Даже если в действиях избирательной комиссии будут выявлены признаки нарушения законных ожиданий, «перевес» публичного интереса потребует

¹³ В частности, постановления от 22.04.2013 № 8-П, от 10.10.2013 № 20-П, от 01.07.2015 № 18-П, от 15.11.2018 № 42-П, определение от 10.03.2016 № 450-О.

¹⁴ Подробнее об изложенной позиции и ее соотношении с принципом «vox populi vox Dei» — в п. 2.2. мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта „а“ пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“, части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» // Российская газета. 2013. 23 октября.

доказать, что допущенное в ходе избирательного процесса нарушение привело к результату, существенно искажившему действительную волю избирателей, — такое требование заключено в принципе обязательности итогов выборов, недопустимости их отмены без достаточных оснований¹⁵. Это означает, что после фактического проведения голосования судебная защита прав кандидата частично теряет свою результативность. В то же время следует заметить, что иной порядок создал бы значительную нестабильность, следовательно, имеет смысл разве что сформулировать критерии «существенности» несоответствия воли избирателей фактическим результатам выборов.

Примеры отмены или пересмотра результатов выборов в связи с нарушением принципа защиты доверия встречаются нечасто. Так, избирательная комиссия муниципального округа Черная Речка (г. Санкт-Петербург) отказалась П.В. Чупрунову в регистрации в качестве кандидата на выборы. После этого суд, не найдя оснований для признания решения законным и обоснованным, обязал избирательную комиссию зарегистрировать кандидата. Дальнейшее уклонение избирательной комиссии от исполнения решения суда стало основанием для признания недействительными результатов проведенного голосования. «Такое поведение избирательной комиссии внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга муниципальный округ Черная речка подрывает доверие ко всей избирательной системе, создает предпосылки для сомнений в беспристрастности деятельности комиссии, нарушает права избирателей, выразивших поддержку отдельным кандидатам»¹⁶.

Принцип защиты доверия в деятельности избирательных комиссий

Таким образом, судебная практика демонстрирует сложность отмены или пересмотра итогов голосования. Если будет установлено, что кто-либо из кандидатов отстранен необоснованно, то вопрос с допуском такого лица должен быть решен до непосредственного проведения выборов. Принятие решений и рассмотрение избирательных споров с учетом принципа защиты доверия в административном порядке снижает риск необоснованного отстранения кандидата. Необходимо проанализировать деятельность избирательных комиссий и ответить на два основных вопроса: учитывается ли принцип

¹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2020 № 12-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 19, пункта 7 части 1 статьи 20, пункта 7 статьи 21 и части 4 статьи 240 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, а также пункта 7 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона „О Верховном Суде Российской Федерации“ в связи с жалобами граждан А.А. Брюхановой и Е.Л. Русаковой» // Российская газета. 2020. 1 апреля; Решение Тере-Хольского районного суда Республики Тыва от 17.10.2022 по делу № 2а-277/2022 // СПС «Гарант».

¹⁶ Решение Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга от 31.01.2020 по делу № 2а-3067/2020 // СПС «Гарант».

защиты доверия избирательными комиссиями вообще, а если это так, то какие трудности возникают в связи с его толкованием и применением?

Для этой цели в октябре-ноябре 2024 года был проведен опрос¹⁷ членов избирательных комиссий – всего 3296 человек из Новосибирской и Томской областей, Алтайского края, Ямало-Ненецкого автономного округа, городов Санкт-Петербург и Москва. По результатам сделаны следующие выводы.

Ответ на первый вопрос скорее отрицательный. С одной стороны, 83,6 процента опрошенных указали, что знакомы с принципом защиты доверия; 75 процентов из них оценили его как «реализуемый в полной мере». С другой, – всего 13,9 процента респондентов принимали участие в разрешении избирательных споров и только 5 процентов (190 человек) применяли данный принцип на практике. Можно предположить, что исходя из «говорящего» названия рассматриваемого явления, некоторые респонденты понимают его значение буквально, – тогда актуальность ознакомления с темой становится более очевидной.

Трудности же сводятся к разъяснению содержания принципа защиты доверия (64,7%); осведомленности о ключевых правовых позициях высших судов по данному вопросу (знакомы – до 6%); установлению соотношения принципа защиты доверия с принципом законности (46,8%).

Внедрение принципа защиты доверия в деятельность избирательных комиссий неизбежно будет сопровождаться решением выявленных проблем: разъяснением его содержания, моделированием случаев нарушения законных ожиданий кандидатов, ознакомлением с актуальной судебной практикой. Для двух первых задач предлагается использовать изложенную концепцию защиты доверия (законных ожиданий), уточнить место принципа в системе российского права.

Рекомендуем ознакомиться с ключевыми позициями Конституционного Суда по вопросу защиты доверия в рамках избирательного процесса, – они изложены в следующих актах:

Постановление от 30.05.2024 № 27-П – раскрыто содержание принципа защиты доверия, выделены признаки явной недостоверности данных при их расхождении в представленных для регистрации документах;

Постановление от 17.05.2024 № 23-П – с точки зрения принципа защиты доверия рассмотрена допустимость признания недействительными подписей, собранных в месте, запрещенном для этой процедуры;

Постановление от 12.03.2021 № 6-П и Постановление от 07.06.2023 № 31-П – о роли действий (бездействия) избирательной комиссии при приеме документов для регистрации и обязанности сообщать об ошибках;

---

¹⁷ Проведенный в рамках исследования социологический опрос: <https://forms.gle/o1HncZxmNTPY1T6>.

Постановление от 17.11.2022 № 50-П – о недопустимости отказа в изменении сведений о личности кандидата в бюллетене, если достоверность новых данных не вызывает сомнений.

Заключение

Принцип защиты доверия призван внести определенность во взаимодействие кандидата и избирательной комиссии, снизить риск несправедливого отстранения кандидата от участия в выборах. В сфере избирательного права в настоящий момент он развивается достаточно активно. Полагаем, что в связи с последовательной конкретизацией содержания данного принципа в актах Конституционного Суда, следует ожидать его утверждения и в практике Верховного Суда.

Опыт адаптации концепции показал, что такая сложносоставная обязанность, как учет законных ожиданий, требует от публичного субъекта четкого разграничения своей основной функции и сопутствующих ей требований. Для регулирования избирательного процесса это – единственный способ предотвращения формального исполнения требований закона в обход основной обязанности по обеспечению допуска кандидатов на выборы и их надлежащему проведению. Пока в деятельности органа имеет место дискреция, учет законных ожиданий невластного субъекта будет актуален вне зависимости от строгости и реальности условий их защиты.

В деятельности избирательных комиссий наблюдаются трудности при толковании и применении принципа защиты доверия. При его внедрении предлагается учитывать рассмотренные аспекты содержания концепции и ключевые позиции судов, – это позволит решить проблемы, с которыми сталкиваются члены избирательных комиссий при разрешении избирательных споров.

Список литературы

1. Арапов Н.А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2015. 27 с.
2. Гуторова А.Н. Доверие гражданского общества органам публичной власти Российской Федерации // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. № 4.
3. Кокотов А.Н. Доверие. Недоверие. Право. М., 2004. 192 с.
4. Макарцев А.А. Избирательные комиссии как органы административной юрисдикции // Актуальные проблемы административной ответственности: материалы международной научно-практической конференции. Омск, 16 мая 2014 года. С. 166–173.
5. Пресняков М.В. Принцип поддержания доверия к закону и защита «законных ожиданий» // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2021. № 3.

6. Das allgemeine Verwaltungsrecht als Ordnungsidee: Grundlagen und Aufgaben der verwaltungsrechtlichen Systembildung / E. Schmidt-Assmann. Berlin; Heidelberg, 2006. 487 S.
7. Legitimate Expectations in the Common Law World / M. Groves and G. Weeks. Oxford UK; Hart Publishing, 2017. 368 p.
8. Кустов С.С. Принцип защиты доверия: формирование доктрины и практики правоприменения в России // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2023. № 2.
9. Шерстобоев О.Н. Защита доверия (законных ожиданий) — основополагающий принцип российского административного права // Научные записки НГУЭУ. 2022. Вып. 3.
10. Давыдов К.В. Административные процедуры: российский и зарубежный опыт: моногр. / К.В. Давыдов; отв. ред. Ю.Н. Старилов. Новосибирск: Академиздат, 2020. 516 с.

П.Н. ДУДИН

О КНИЖНОЙ СЕРИИ «СОВРЕМЕННЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ»: РАССТАВЛЯЯ АКЦЕНТЫ

Аннотация. Статья посвящена издательской серии «Современные избирательные системы», выпускаемой Российской центром обучения избирательным технологиям при ЦИК России под эгидой Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. Серия уже давно стала заметным явлением в отечественной юридической и политической науке. Автор высоко оценивает работу создателей книжного цикла, подтверждая свою оценку в том числе и статистической информацией.

Ключевые слова: современные избирательные системы, научная ценность, страны, сравнительный анализ, исследование, монография, научное сообщество.

ABOUT THE BOOK SERIES «MODERN ELECTORAL SYSTEMS»: HIGHLIGHTING THE MAIN POINTS

Abstract. The article is devoted to the publishing series «Modern Electoral Systems» published by the Russian Center for Training in Electoral Technologies under the CEC of Russia under the auspices of the Central Election Commission of the Russian Federation. The series has long become a notable phenomenon in domestic legal and political science. The author highly appreciates the work of the authors of the book cycle, confirming his assessment, including statistical information.

Keywords: modern electoral systems, scientific value, countries, comparative analysis, research, monograph, scientific community.

Говоря о серии научных изданий под названием «Современные избирательные системы», необходимо отметить, в первую очередь, ее уникальность, во вторую – востребованность в экспертном сообществе. Она только с одной точки зрения является источником информации. С другой, не менее значимой позиции данная серия представляет собой кладезь профессиональной, соответственно, качественной аналитики.

Примером может послужить юбилейный 20-й выпуск серии, который всеми своими характеристиками не только продолжает важную традицию,

---

ДУДИН Павел Николаевич – ведущий научный сотрудник лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», доктор исторических наук, доктор политических наук, доктор юридических наук, доцент, г. Красноярск

но и выступает поводом для того, чтобы оценить проект в целом, ответив на несколько ключевых вопросов о его актуальности и востребованности. Например, является ли проект цикла книг на электоральную тематику значимым с точки зрения научных исследований? Безусловно, да. Научная ценность серии «Современные избирательные системы» определяется некоторыми факторами.

Первый из них заключается в *фундаментальности и комплексном подходе*. Перед нами не просто сборник законодательных актов или краткая справка: в серии книг каждой стране посвящается полноценный монографический раздел, который охватывает целый спектр вопросов — от историко-государственного развития, сформировавшего политическую культуру, до мельчайших деталей современного избирательного процесса. Анализ конституционных реформ, трансформации партийной системы, правового статуса избирательных органов и вопросов финансирования кампаний создает целостную, многомерную картину. Такой подход позволяет не просто констатировать нормы права, но и понимать логику их появления и динамику развития.

Второй фактор связан с *компаративистским потенциалом* книжной серии: стандартизированная структура изложения материала по каждой стране (история, правовые основы, субъекты, процедуры) делает проект идеальным инструментом для сравнительного анализа.

Третий аспект касается *определения объектов исследования*. Выбор государств каждого издания показателен. Практически всякий раз в объективе выпусков «Современных избирательных систем» оказываются страны, избирательные системы которых не так часто становятся предметом глубокого анализа в отечественной научной литературе. Проект сознательно уходит от изучения «классических» западных демократий, вводя в научный оборот уникальный эмпирический материал из разных регионов мира. Это заполняет существенные лакуны и дает исследователям пищу для новых гипотез и обобщений.

Книжный проект ЦИК России на электоральную тему несложно оценить еще и с учетом того, что в 20 выпусках серии (за период с 2006 по 2025 г.) были освещены избирательные системы 68 стран, а в исследованиях принимали участие специалисты высокого уровня, в частности 15 исследований было выполнено докторами наук, еще 50 работ было подготовлено кандидатами наук. Речь здесь идет о представителях МГИМО МИД России, МГУ имени М.В. Ломоносова, Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Российского государственного гуманитарного университета, Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Института научной информации по общественным наукам РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Московского университета имени А.С. Грибоедова,

Университета Европы РАН, Академии при Президенте Российской Федерации, Томского государственного университета, Новосибирского государственного университета экономики и управления и многих других¹.

Необходимо отметить, что тираж издания «Современные избирательные системы» рассыпается во все ведущие вузы страны, а в электронном виде каждый его выпуск размещается и индексируется в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

Думается, что, опираясь на вышеизложенное, на вопрос «нужен ли книжный проект научному сообществу, аналитикам и молодым ученым» можно дать абсолютно однозначный ответ: проект не просто нужен — он необходим.

Для научного сообщества это авторитетный, верифицированный источник, на который можно ссылаться. В эпоху нагромождения информационного шума наличие фундаментального труда, подготовленного профильными специалистами, является залогом качественной научной дискуссии.

Для аналитиков и практиков (сотрудников избирательных комиссий, дипломатов, международных наблюдателей) серия представляет собой огромную практическую ценность. В ней детально описаны процедуры регистрации кандидатов, финансирования, организации голосования, разрешения споров. Тот факт, что подготовка и выпуск издания осуществляется Российской центром обучения избирательным технологиям при ЦИК России, то есть в рамках плана по обучению организаторов выборов, лишь подчеркивает его прикладной характер.

Для студентов и аспирантов серия «Современные избирательные системы» — настоящая находка. В современном мире, где преобладает клиповое мышление и фрагментарное получение информации из Интернета, такие издания обладают особой важностью еще и потому, что они приучают молодых специалистов к системному анализу. Для начинающего ученого, который трудится над курсовой работой или диссертацией, каждый раздел данной серии — это, по сути, готовый «дизайн исследования», — здесь есть и исторический контекст, и анализ нормативной базы, и описание политической практики. Если быть более конкретным, то это — блестящий методологический ориентир и отправная точка для любого самостоятельного исследования.

Еще один актуальный вопрос напрашивается сам собой: пригодится ли проект в эпоху цифровизации и отказа от бумажных книг? Проблема «масштабного подхода» и актуальности бумажного формата, сегодня выступает одной из самых важных. И именно здесь серия «Современные избирательные системы» демонстрирует свои главные преимущества.

---

¹ Современные избирательные системы // РЦОИТ при ЦИК России. URL: <https://www.rcoit.ru/lib/sis/stat/> (дата обращения: 12.10.2025).

Во-первых, она своего рода *противоядие от фрагментарности*. Интернет дает быстрый доступ к отдельным законам, новостным статьям и статистическим данным. Но он редко предлагает синтез. Ценность книжного проекта как раз в том, что он собирает разрозненные факты в единую аналитическую систему и показывает, как историческое событие повлияло на принятие конституции, а та, в свою очередь, сформировала современную партийную систему. Это и есть тот самый масштабный подход, дефицит которого остро ощущается в цифровую эпоху. Книга не заменяет поиск в глобальной сети, а дает для него надежный фундамент и контекст.

Во-вторых, в анализируемой серии заключены *надежность и авторитетность*. Бумажная книга, выпущенная компетентным издателем, проходит многоступенчатый цикл редактирования и рецензирования. Это стабильный источник, который, в отличие от веб-страницы, не исчезнет и не будет изменен. Для научного цитирования и построения долгосрочных исследований это имеет критическое значение.

В-третьих, книжный цикл об электоральном устройстве различных стран мира – это *инструмент для «глубокого погружения»*. Чтение многостраничной книги является собой совершенно иной когнитивный процесс, нежели просмотр десятка веб-сайтов. Это – работа, которая требует концентрации и позволяет по-настоящему глубоко погрузиться в тему. Именно такой подход необходим для подготовки квалифицированных специалистов в области права и политологии.

* * *

В заключение отметим, что проект «Современные избирательные системы» является оригинальным и чрезвычайно ценным вкладом в российскую науку. Он успешно сочетает академическую глубину с практической направленностью. В условиях глобализации и растущего интереса к незападным политическим моделям эта серия предоставляет исследователям, аналитикам и студентам надежный, структурированный и актуальный материал. Это не просто сборник информации, а инструмент для развития аналитического мышления и формирования целостного взгляда на сложнейшие процессы современного мира. В цифровую эпоху, набирающую обороты, его актуальность не только не уменьшается, а, наоборот, возрастает, поскольку проект служит тем интеллектуальным «якорем», который позволяет ориентироваться в безбрежном и хаотичном океане онлайн-информации.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «ГРАЖДАНИН. ВЫБОРЫ. ВЛАСТЬ» ЗА 2025 ГОД

Теория права

- Гильмуллин А.Р.** Понимание и общие положения категории «государственное регулирование» с позиции рационально-эгалитарной концепции права № 1(35)
- Егоров А.А.** Эволюция права в контексте естественно-позитивной теории права № 1(35)
- Маркина Л.Л.** Конституционно-правовая природа избирательного права и ее интерпретация в современной юридической доктрине № 2(36)
- Егоров А.А.** Вопросы теории правоотношений № 2(36)
- Пучков О.А., Пучков В.О.** Недостигнутое достигнутое: развитие отечественной теории права в постмарксистский период как методологическая проблема № 2(36)
- Егоров А.А.** Критика законности и правосудия эксплуататорского общества № 3(37)
- Егоров А.А.** Теория противоправности № 4(38)

Конституционное право

- Митусова И.А.** Роль Конституционного суда в конституционном контроле субъектов Российской Федерации № 1(35)
- Садовникова Г.Д., Максимова С.Н.** Траектории развития свободных выборов в новом конституционном цикле Российской Федерации № 2(36)
- Троян В.А., Заика В.Ю., Коломиец В.А.** Избирательная система Российской Федерации: конституционно-композиционный ракурс № 3(37)
- Денильханов А.Х.** «Новый либерализм» как идеальная основа конституционной модернизации России на рубеже XIX–XX веков № 4(38)

Избирательное право

- Байханов У.Б.** Категория «сроки» в избирательной практике: суть и содержание № 2(36)
- Захарова В.И., Новак С.А.** Оценка устойчивости избирательной системы: теоретические и методологические аспекты № 2(36)
- Бахтизин А.Р., Ильин Н.И., Черненков М.В.** Аналитический инструментарий в исследованиях электоральных процессов № 3(37)
- Сизикова Н.М.** Эволюция пассивного избирательного права через призму решений Конституционного Суда Российской Федерации № 4(38)

Муниципальное право

- Чепенко Я.К., Богданова П.А.** Проблемы института отзыва депутатов на муниципальном уровне № 2(36)

Актуальные проблемы правоприменения

Байханов У.Б. Проблемы закрепления права законодательной инициативы для избирательных комиссий субъектов Российской Федерации

№ 4(38)

Электоральные технологии

Перевышин Н.В. SMM-технологии формирования имиджа избирательных комиссий

№ 1(35)

Актуальная трибуна

Ниточкин Ф.В., Чумаков В.А. 20 лет Общественной палате Российской Федерации: прошлое, настоящее, будущее

№ 2(36)

Чистобородов И.Г., Чистобородова А.И. Развитие атомной энергетики как один из методов воздействия на общественно-политическую сферу

№ 2(36)

Булва В.И. Новые форматы международного сотрудничества: сетевая дипломатия в сфере безопасности и роль России

№ 3(37)

Ермолаева Ю.В., Воробьева Д.С. Баланс защиты прав ребенка и сохранения традиционных семейных ценностей: опыт России и Казахстана

№ 4(38)

Институты власти

Ерыгин А.А. Публичная власть в Российской Федерации – формы внутреннего взаимодействия

№ 4(38)

Политические институты

Гасанов И.Б. О философии выборов: сторонний взгляд (часть 1)

№ 3(37)

Гасанов И.Б. О философии выборов: сторонний взгляд (часть 2)

№ 4(38)

Политические технологии

Данилин П.В. Фактчекинг как инструмент политической борьбы

№ 1(35)

Макарцев А.А. К вопросу о внешнем вмешательстве в выборы: сравнительно-правовой аспект

№ 2(36)

Попадюк А.Э. Гибридная война: интерпретация в рамках концепции постмодернизма

№ 2(36)

Цян Чун. Влияние цифровых технологий на политические процессы и дипломатическое взаимодействие в условиях демократических режимов

№ 3(37)

Михайлов Н.В. Сравнительный анализ политических коммуникаций в децентрализованных социальных сетях

№ 3(37)

Партийная жизнь

Мишин Л.Д. Новая партия благоденствия Турции: альтернатива или бесперспективная копия?

№ 4(38)

Международное избирательное право и стандарты

Лысенко В.И. Ответственность за незаконное обращение с избирательными бюллетенями: зарубежная практика

№ 1(35)

Дорожная карта: идеи и концепции

Борисов И.Б. Иностранные агенты: правовой и социальный институты № 4(38)

Парадигмы развития

Суслов И.В., Дубровина Ю.Я. Реидеологизация российского общества: картография политico-философских позиций № 4(38)

Ракурс

Жилинская В.С. Духовные начала и концептуальные основы тоталитарного общества № 3(37)

Полемические страницы

Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Афанасьев М.Ю., Ильин Н.И. Метод оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации № 4(38)

Мировая практика

Великая Н.М., Берёзкина Е.Ю. Правые популисты vs левоцентристы: региональные выборы в Италии № 2(36)

За рубежом

Палюлин А.Ю. О качестве гражданского общества в свете запрета коммунистических партий в странах Запада № 2(36)

Бурова А.Н. Президентские выборы 2024 года в Алжире № 2(36)

Бочаров Ю.Б. Демократия как спектакль и как инструмент: электоральные игры и восточное переосмысление власти № 3(37)

Пространство молодого ученого

Добкин А.Г. О некоторых вопросах внесения изменений в Конституцию Российской Федерации и использования процедур непосредственной демократии № 1(35)

Веприцкий А.Г. Обязанности как имманентная составляющая правового статуса субъекта права № 1(35)

Кадаев А.А. Конституционная реформа в России: об истории понятия и явления № 1(35)

Кузь С.И. Сравнительный политico-психологический анализ личностных особенностей муниципальных депутатов № 2(36)

Музалевская Е.А. Цифровые технологии в избирательном процессе стран СНГ: сравнительно-правовой анализ № 2(36)

Боташев Б.А. Система дескриптивных признаков эффективного государства: теоретико-правовой анализ № 2(36)

Качалов А.Г. Политический абсентеизм российской молодежи № 2(36)

Костенков К.А. Динамика становления доктрины информационных прав № 2(36)

Юшков И.П. Публичная власть и молодежь: механизмы формирования гражданско-патриотического блока № 3(37)

Качалов А.Г. Тема социологического опроса — абсентеизм и электоральная активность молодежи № 3(37)

Туманян Г.В. Взгляд акторов законодательной сферы на партисипативные технологии принятия решений № 3(37)

Хашиг А.Р. Особенности правового статуса кандидата в депутаты парламента Абхазии № 4(38)

Конкурс «Атмосфера»

Емельянцев Д.С., Качесова Т.С., Иванова Е.Л. Кодификация избирательного законодательства: история, опыт и перспектива № 1(35)

Уфимцев А.Д. Проблемы квалификации недостоверных и недействительных подписей № 3(37)

Галина Ю.С., Горлатых О.Ю. Реализация избирательного права и права на участие в референдуме во время действия особых правовых режимов № 3(37)

Павлова О.О., Рязанова В.А. Актуальные электоральные проблемы в сфере нарушения законодательства об интеллектуальной собственности № 4(38)

Ромадан К.И. Реализация принципа защиты доверия при разрешении избирательных споров № 4(38)

80 лет Победы

Памфилова Э.А. Дорогой Победы к новым свершениям № 4(38)

Наследие Великой Победы — Эстафета памяти № 4(38)

Экскурс в историю

Галкин И.В. Проблема естественных прав личности в западноевропейской политико-правовой мысли раннего Нового времени № 1(35)

К 75-летию Б.С. Эбзеева

Комарова В.В. Отечественный конституционализм: теоретическое наполнение и практика № 1(35)

Осавелюк А.М. Ученый, практик и личность № 1(35)

Васильевич Г.А. Выдающийся ученый современности, государственный деятель, человек № 1(35)

Мазуревский К.С. О социальном государстве, реализации избирательных прав граждан и защите электорального суверенитета России № 1(35)

Садовникова Г.Д. Конституционализация правового статуса личности и вызовы XXI века № 1(35)

Кабышев С.В. Конституционные обязанности и дух патриотизма: жизненные и научные императивы № 1(35)

Событие

Дудин П.Н. О книжной серии «Современные избирательные системы»: расставляя акценты № 4(38)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ **OUR AUTHORS**

АФАНАСЬЕВ Михаил Юрьевич, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института Российской академии наук (ЦЭМИ РАН); AFANASYEV Mikhail Yuryevich, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS); miafan@cemi.rssi.ru

БАЙХАНОВ Умар Баутдинович, председатель избирательной комиссии Чеченской Республики; BAYKHANOV Umar Bautdinovich, Chairman of the Election Commission of the Chechen Republic; ikchr@chechen.izbirkom.ru

БАХТИЗИН Альберт Рауфович, доктор экономических наук, профессор РАН, профессор, член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института Российской академии наук (ЦЭМИ РАН); BAKHTIZIN Al'bert Raufovich, Doctor of Economics, Professor of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Professor, Director, Central Economic and Mathematical Institute of Russian Academy of Sciences(CEMI RAS); albert@cemi.rssi.ru

БОРИСОВ Игорь Борисович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, председатель совета Российского общественного института избирательного права (РОИИП), кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации; BORISOV Igor Borisovich, Member of Central Election Commission of the Russian Federation, Chairman of the Council of the Russian Public Institute of Electoral Law (ROIIP), Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation; borisov@roiip.ru

ВОРОБЬЕВА Динара Сергеевна, старший преподаватель кафедры административного и муниципального права имени профессора В.М. Манохина Саратовской государственной юридической академии; VOROBYOVA Dinara Sergeevna, Department of Administrative and Municipal Law named after Professor V.M. Manokhin, Saratov State Law Academy; dinaravorobyova01@gmail.com

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, кандидат политических наук; GASANOV Ismail Bairamovich, Candidate of Political Sciences; gassanov@list.ru

ДЕНИЛЬХАНОВ Асланбек Хаважович, кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета, доцент Высшей школы бизнеса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; DENILKHANOV Aslanbek Khavazovich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law at the Faculty of Philosophy, Associate Professor Graduate School of Business Lomonosov Moscow State University

ДУБРОВИНА Юлия Яковлевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии; DUBROVINA Yulia Yakovlevna, Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshhev, Saratov State Academy of Law; yulia1097@bk.ru

ДУДИН Павел Николаевич, ведущий научный сотрудник лаборатории исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии Федерального исследовательского центра «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук», доктор исторических наук, доктор политических наук, доктор юридических наук, доцент; DUDIN Pavel Nikolaevich, Leading Researcher at the Laboratory of Historical and Socio-Economic Research in Siberia and Central Asia, Krasnoyarsk Research Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Doctor of Law, Associate Professor; dudin2pavel@gmail.com

ЕГОРОВ Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); EGOROV Alexander Alexandrovich, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); egorov.a90@mail.ru

ЕРМОЛАЕВА Юлия Васильевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера и профессора В.Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии; ERMOLAEVA Yulia Vasilyevna, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber and Professor V.T. Kabyshhev, Saratov State Academy of Law; yulya.ermolaeva.12@mail.ru

ЕРЫГИН Алексей Алексеевич, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат политических наук, доцент; ERYGIN Alexey Alekseevich, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.D. Putilina, Candidate of Political Science, Associate Professor; erygin.aleksei@mail.ru

ИЛЬИН Николай Иванович, доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Центрального экономико-математического института Российской академии наук (ЦЭМИ РАН); IL'IN Nikolai Ivanovich, Doctor. Sci., Professor, Chief Scientific Officer, Central Economic and Mathematical Institute of Russian Academy of Sciences (CEMI RAS); ni_ilin@mail.ru

МАКАРОВ Валерий Леонидович, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Центрального экономико-математического института Российской академии наук (ЦЭМИ РАН); MAKAROV Valery Leonidovich, Doctor of Physics and Mathematics, Professor,

Academician of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director, Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS); makarov@cemi.rssi.ru

МИШИН Лев Дмитриевич, младший научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (НИИОН РАН); MISHIN Lev Dmitriyevich, Junior Researcher of the Department of the Middle and Postsoviet East, INION RAS; lev.darsik@mail.ru

ПАВЛОВА Олеся Олеговна, студент Иркутского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации; PAVLOVA Olesya Olegovna, Student, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; olesya.pavlova.04@mail.ru

ПАМФИЛОВА Элла Александровна, Председатель Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; PAMFILOVA Ella Aleksandrovna, Chairman of the Central Election Commission of the Russian Federation

РОМАДАН Кристина Игоревна, студент Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИХХ»; ROMADAN Kristina Igorevna, Student, Novosibirsk State University of Economics and Management «NINKh»; kristinaromadan@mail.ru

РЯЗАНОВА Валерия Антоновна, студент Иркутского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации; RYAZANOVA Valeria Antonovna, Student, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; valeria-ryazanova@mail.ru

СИЗИКОВА Наталья Михайловна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»; SIZIKOVA Natalia Mikhailovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Constitutional Law Department named after N.V. Vitruk, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev; sizikova@inbox.ru

СУСЛОВ Иван Владимирович, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии Саратовской государственной юридической академии; SUSLOV Ivan Vladimirovich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Saratov State Academy of Law; suslov85@inbox.ru

ХАШИГ Астан Русланович, аспирант Института экономики и права Академии наук Абхазии; HASHIG Astan Ruslanovich, Postgraduate Student, Institute of Economics and Law of the Academy of Sciences of Abkhazia; astnakhashig@mail.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объем статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков), рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдается предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объема не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначеннной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д. Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Список литературы» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д... В раздел «Список литературы» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Список литературы» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноска на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в черно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить ее таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, ученая степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приеме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии ее публикации. Статьи, не отвечающие настоящим требованиям, не рецензируются и не возвращаются.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объем, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@rcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**№ 4(38)
2025**

ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

*Подписаться на журнал можно на официальном сайте
каталога «Пресса России» www.pressa-rf.ru
и на сайте интернет-магазина «Пресса по подписке» www.akc.ru.
Подписной индекс журнала – 85482*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 24.11.2025.
Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная.
Печ. л. 13.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Полиграф-Плюс»
117209, г. Москва, ул. Керченская, д. 6, корп. 1, кв. 163